

Copyrighted Material

Ronin



A Novel by

D. A. Heeley

Darkness and Light: Book II

Д.А.Хили

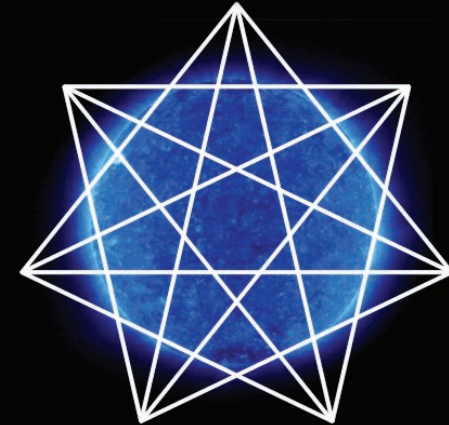
Ронин



Тьма и свет:

Книга II

Планы Реальности



Пути к самореализации

Все права на распространение данной книги принадлежат проекту
«Планы реальности». (www.planes-reality.com)

Только для частного использования. Коммерческое распространение запрещено.

Перевод: Алена

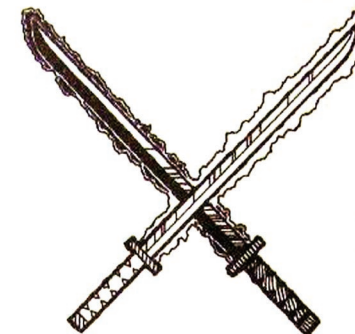
Редактирование и верстка: Иван (www.samadhi.org.ua)

Авторское примечание

Тьма и Свет - это фантастическая трилогия, написанная в канонах иудейской каббалистической доктрины, в ней художественный вымысел переплетается с конкретной философией. Тьма и Свет состоит из трех романов: Лилит, Ронин и Маг. В трилогии прослеживается судьба Малака, Адепта Школы Белой Магии. Его история схожа с эволюцией человека, включая в себя его Падение, Восстановление, Возрождение (самореализацию), и Божественное воплощение. Этот сюжет встречается во многих мифологиях, наиболее ярко он отражен в образе Христа, а также в образах Осириса, Феникса, Кришны, Люга, Бальдура и многих других.

В конце книги есть глоссарий с указанием слов, которые могут быть неизвестны читателю. Также там есть эссе о Кабале для тех, кто заинтересуется философией, стоящей за книгой Тьма и Свет, а также рекомендуемая литература. Это может быть интересно для читателя с открытым разумом, широким кругозором, непредубежденного и восприимчивого.

Я всегда готов принять любые вопросы или комментарии от читателей. Со мной можно связаться через издателя или по электронной почте dheeley@kether.demon.co.uk. Для получения информации о моих книгах заходите на мою страничку в Интернете <http://www.kether.demon.co.uk/>.



"Я иду за тобой, Демон," сказал Малак, его голос звучал спокойно, но угрожающе. "Я дойду до Небесной Башни под Темной Луной".

Лилит бессердечно улыбнулась. "Бедное дитя. Ты все сделаешь в точности так, как я хочу. Попытаешься дойти до Башни, и исчезнешь в Вирмспайнских горах. И тогда твоя душа будет вечно пребывать в моих владениях. Не делай ничего, и я столкнусь с твоим духом под Темной Луной. И тогда твоя душа будет вечно пребывать в пучине Клипкот. Спасенья нет".

Малак свирепо взглянул на нее, и их нечеловеческие, бесчувственные глаза столкнулись в поединке духов. Он знал, что не мог даже надеяться выиграть такое ментальное противоборство: он уже чувствовал, как ее сущность подавляет его, даже при Темной Луне.

Но он бы никогда больше не подчинился.

Первоначальное имя - Нынешнее воплощение

Бэл	-	Бэл
Детен	-	Джаад
Фелмарр	-	Калинда
Иешуа	-	Иешуа
Лина	-	Фиона
Малак	-	Шадрак

Бэл - Адепт Черной Школы и изначально отец Детена. Бэл пытался снова стать отцом Детена, сойдясь с Йиханой. Однако ребенком оказалась Фиона, следующее воплощение Лины.

Эканар - мудрец, обучавший Шадрара в Теллусе.

Фелмарр - Адепт Черной Школы, изначально личный ученик Детена. Он был единственным Черным Адептом, выжившим при воскрешении Лилит.

Галан - изначально Мастер Желтой Школы и Маг Энии.

Иешуа - старейший Адепт Белой Школы. Иешуа прожил более тысячи лет в одном воплощении. Однажды он жил в деревне Оуклен, в которой его навещали Малак и Лина.

Мендас - лидер разбойников и отец Джаада, следующего воплощения Детена. Измученный человек, Мендас до сих пор оплакивает свою жену, скончавшуюся более двадцати лет назад.

Йихана - женщина-Адепт Желтой Школы. Будучи вовлеченной в отношения с Бэлом, она родила Фиону (Лину). Заклятый враг Мендаса после убийства его жены.

Синописис



Лилит

Галан, Маг и защитник Энии, умирает. Без Галана план Энии распадется и уйдет на астральный план, убив всех, кто на ней находится. Нужен новый Маг, кто-то, кто защитит бы и напалит Энию в новом Эоне.

Только двое могут занять это место - Малак и Детен, сыновья Галана и в то же время кармические близнецы, теперь, однако, смертельные враги.

Малак - Адепт Белой Школы Магии. Он стремится занять место Мага для того, чтобы защитить тех, кого любит, особенно свою жену, Лину. И все же, несмотря на то, что в своем предыдущем воплощении он был великим воином, Малаку все еще нужно созреть. Он доволен жизнью в «раю» со своей прекрасной женой.

Детен - Магистр Черной Школы Магии и, несмотря на то, что три жизни назад в результате вражды был побежден Малаком, с тех пор он десятикратно увеличил свою силу. Он стремится занять место Мага для того, чтобы уничтожить Энию и Древо Жизни, потому что всюду, куда смотрит, он видит боль и страдание: красота для него не существует. Галан призывает двух кармических братьев к себе. За миг до того, как сияние поглотило Галана, он шепчет свои последние слова: «Лишь в смерти объединятся двое близнецов...».

Полный решимости преодолеть Бездну и стать новым Магом, Детен борется с Архи-Демоном Кронзоном, но терпит поражение.

Ночью он вызывает Архи-Демона Лилит, зная, что результатом будет разрушение Энии и вселенной.

Он отправляет своего ученика, Фелмарра, уничтожить Белую Школу. Эта цель была достигнута, но неожиданно Малак вступает в противостояние с Детеном, когда тот готовит свой дьявольский ритуал. Малаку не сравниться с силой Детена. Детен оставляет Малака раненым и осуществляет воскрешение Лилит в Розовом Круге.

Высвободившаяся невероятная сила Лилит убивает Детена и всех, кто был в Черной Школе (кроме его ученика Фелмарра). Но Розовый Круг ненадолго сдерживает её, дав Энии несколько часов, чтобы спастись.

Раненые в результате противостояния с Детеном, Малак и Лина

понимают, что только акт самопожертвования сможет изгнать Лилит назад в Адскую бездну. Прежде, чем ее муж среагировал, Лина прошептала кармический обет принесения себя в жертву и шагнула в круг. Сила Лилит разорвала ее тело и разум, но Демон был изгнан назад в Ад, а душа Лины была им захвачена.

Малак не может жить с потерей жены и осознанием ее вечной пытки. Пойдя против всего, чему его учили, он вызывает Лилит и заключает с ней сделку, чтобы освободить душу жены. Взамен Лилит просит Небесную Башню, традиционное пристанище Белой Школы. Малак принимает условие и душа Лины освобождена, но, заключив сделку, Малак отдает свою собственную душу и Лилит поглощает его.



Шок от смерти Малака был достаточно сильным, чтобы отправить его душу резко назад во времени, и он реинкарнировал на Земле в северной стране Ниппон, как ребенок Шадрак. Он усыновлен ронином Иэйасу Танакой, самураем-изменником, преследуемым Сёгуном. Танака растит его, как собственного сына и учит его Бусидо, Пути Воина. Мудрец Эканар обучает ребенка. Взрослея, он начинает вспоминать фрагменты своей жизни Малока, и он начинает понимать, что темная сторона его души захвачена Лилит.

Тем временем, отец Детена, Бал, реинкарнирует в Энии и сходится с молодой и циничной Йиханой, новичком Желтой Школы. Он надеется, что ребенок станет следующим воплощением Детена. Однако Бэл и Йихана сталкиваются с группой разбойников, возглавляемой Мендасом, жена которого тоже беременна. Мендас приказывает убить пару, но Бэл убегает, используя свои волшебные способности, чтобы вызвать роды у жены Мендаса. Йихана остается и выживает только благодаря тому, что предлагает помочь принять ребенка. Она благополучно принимает ребенка, но у нее нет другого входа, кроме как позволить матери умереть, так как при родах возникли осложнения.

Мендас возвращается и приходит в бешенство, но Йихане помогает сбежать Баст, друг семьи Малака. В ярости Мендас ранит кинжалом своего новорожденного сына в голову, повредив навсегда его мозг. Ребенка называют Джаад и по иронии судьбы оказывается, что он является следующим воплощением Детена. Тем временем, Йихана рождает дочь, названную Фионой, и она оказывается следующим воплощением Лины. Бэл потерял связь с Йиханой и так никогда и не узнал, что его ребенок - не Детен.

На Земле Шадрак входит во взрослую жизнь и становится самураем, как Танака, изучает грозные боевые искусства и искусство владения мечом, но демон внутри него делает его жестоким и безжалостным

убийцей. Когда три самурая захватывают Танаку, Шадрак инстинктивно убивает их, несмотря на то, что Танака запрещает ему вмешиваться. За нарушение обета ненасилия Танака отрекается от него. Шадрак становится беглецом, так же, как его отец, и приговорен Сёгуном к смерти. Будучи не в состоянии остановить себя, Шадрак полностью подчиняется Лилит. Как бездумное ненавистное существо, он убивает более двадцати самураев до того, как был сражен. Возле него лежит мертвый Иэйасу Танака, убивший себя с помощью ритуального харакири.

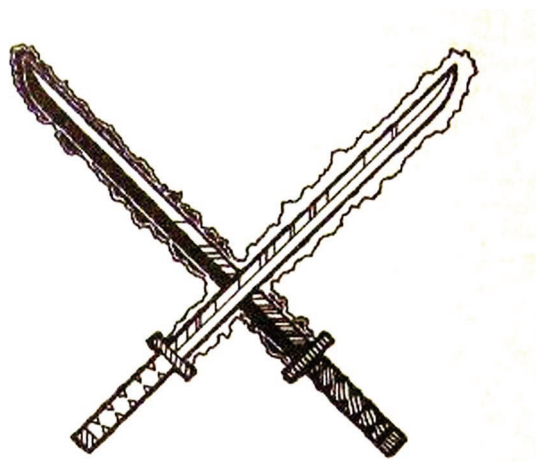
На Энии Фиона входит во взрослую жизнь и начинает вспоминать себя, как Лину. Она постоянно видит сны о Шадреке и Джааде и чувствует любовь к одному и ужасную ненависть к другому. Из-за травмы, полученной в момент смерти от Лилит, ненависть, которую она чувствует, настолько сильнее, что она решает найти Джаада и убить его. Ее мать, Йихана, пытается остановить ее, но Фиона спасается благодаря вмешательству Баст, сильно ранившей ее мать.

Фиона находит Джаада и злобно нападает на него. Он отказывается драться в ответ, она наносит ему удар и он теряет сознание. Ведомая своей ненавистью, она берет кинжал и готовится убить его, но чувствует, что ее нравственные принципы удерживают ее от убийства. Будучи не в состоянии принять решение, она воплощает свою ненависть, проецируя ее в огромного волка. В результате она теряет сознание, а когда приходит в себя, вспоминает свою прошлую жизнь. Волк преследует Джаада до Розового Круга, куда он бежит, и где находит меч Детена, Лишающий жизни. Как только он прикасается к оружию, его воспоминания начинают возвращаться, волк трепещет перед Детеном.

После возвращения воспоминаний Лина начинает искать своего мужа, в то время, как разум Детена жаждет мести...

Часть I

Восстановление



Наследник умирающего мира, призываем тебя к живой красоте.
Скитающийся в дикой тьме, призываем тебя к свету.
Дитя Земли, ты долго пребывал во тьме.
Покинь ночь и ищи день!

- Неофитский ритуал Золотого Рассвета

Дитя Земли и Звездного Неба, ты, кто ищет сегодня Тайные знания, кто ищет ясное видение Истины, ты, ищущий миры среди миров, пока для тебя все миры не станут единым целым в вечности: Высшее Сообщество Великой Звезды приветствует тебя.

Перед тем, как мы продолжим, знай - тот, кто коснется Тайн, никогда не сможет вернуться к угасающему миру непросвященной личности. Чтобы сделать первый шаг на священном Пути Возвращения, нужно навсегда верить себя ему. Встать на этот путь значит найти Новую Жизнь в пробуждающемся мире Божественного Вдохновения, пока все не поднимутся и будут приняты Трансформирующим Огнем Божества.

Спрашиваю тебя в последний раз, непреклонен ли ты в своем решении предпринять такой шаг и подвергнуться этой трансформации?

- Неофитский Ритуал Аурум Солис

*Позволь им, пусть ненавидят, пока боятся.
- Доктрина Черной Школы*

Пролог



*Эния
Исход Мецира
Черная Школа
Подземное логово
(Эон Отчаяния)*

«Твой доклад неверен». Голос Уорлока разрезал темную, мрачную комнату. Грешвин задрожал от прозвучавшей в голосе угрозы и быстро встал на колени.

«Милорд, София еще держится. Принц Кассиус Хоукин слишком сильный противник».

«Кассиус Хоукин еще жив?!»

Волны гнева исходили от Демона. Грешвин почувствовал, как воздух вокруг него уплотнился. Прикованный к месту, он смотрел на своего Мастера. Несмотря на устрашающий размер Уорлока и похожее на скелет лицо, внушающее страх, его глаза захватывали все внимание. Они горели, подобно голубым солнцам, их цвет был таким ярким и красивым, что останавливалось дыхание.

«Хоукин силен, мой Господин. Он владеет боевыми искусствами и из-за этого его трудно убить. Он без посторонней помощи в одиночку нейтрализовал трех моих лучших убийц». Голос Грешвина дрожал. «Хоукин и его дочь все еще правят Софией».

«Я не терплю неудач!».

«Нет, Господин». Грешвин закрыл глаза и приготовился к взрыву, который оторвет его плоть от костей. Он неоднократно видел это раньше; никто никогда не выживал. Сначала начнет пылать посох Демона; затем придет ужасная боль.

Напряженный момент длился несколько секунд.

«Ты пробовал применить против него магию?»

Грешвин смутился, удивившись, что все еще жив. «Я пробовал смертельные ритуалы, Мастер, но, похоже, что они не подействовали на Кассиуса Хоукина. Те, кто его окружали, умерли, а он выжил».

Он чувствовал колебание эмоций Уорлока, переходящих от гнева через недоверие в легкое замешательство.

«Но Хоукин - не маг. Как он может разрушить твой ритуал !?»

«Нет, Мастер. Хоукин владеет магическими способностями не больше камня. Мы никогда не видели ауру, так что он лишен магии. Это какая-то шутка среди Адептов». Грешвин нервно хихикнул; смех застрял у него в горле, когда его пронзил пристальный взгляд Уорлока.

«Тогда он должен быть очень восприимчив к магии, разве не так? Виной всему может быть только твоя некомпетентность!»

Лоб Грешвина покрылся капельками пота. «Да, Мастер».

«Я хочу, чтобы Кассиус Хоукин умер! София - единственный город, который до сих пор устоял против меня. Как только он падет, вся Эния будет моей. Хоукин - последний из моих врагов».

«Я лично займусь этим, Мастер».

«Да». Сидящий на троне Уорлок наклонился вперед; внезапно Грешвин обратил внимание на ужасные рога, растущие у него на голове. «Ты лично займешься этим. Или я лично займусь тобой».

Грешвин почувствовал на себе пристальный взгляд Демона. Его кожа зудела, будто пытаясь сбежать от такого пристального взгляда.

«Да, Мастер».

Уорлок отпустил Адепта, нетерпеливо махнув скелетоподобной рукой.

Внезапно в комнату ворвался лейтенант Черных Стражников, едва не столкнувшись с Грешвином. Как только Уорлок бросил на него уничтожающий взгляд, он сразу же опустился на колени.

«Мастер, мы поймали в дикой местности человека. Он хочет видеть вас».

«Ну и? Почему его не убили?»

Глаза Уорлока запылали еще ярче. Он сжал свой посох, словно готовясь расколоть череп лейтенанта. Посох никогда не покидал руки демона; он был почти его частью. Большой драгоценный камень сверху пылал тем же насыщенным цветом, что и глаза Уорлока.

«Он...он - Черный Адепт, Мастер,» пробормотал, заикаясь, лейтенант. «И у него нет вашей метки».

«Вы поймали его?» Уорлок проявлял любопытство, что было для него необычно.

«Он не оказал сопротивления, Мастер. Он заявляет, что прибыл сюда, чтобы увидеться с вами».

Глаза Демона помутились. «Приведите его ко мне!»

Лейтенант поклонился и окликнул своих людей. Нервно вошли четверо солдат. Между ними была зажата низкорослая, слегка грузная фигура человека в черных одеждах. Его лицо было скрыто капюшоном, а на груди был символ разорванной молнии - отметка Черной Школы.

«При нем было только это оружие, Мастер,» сказал лейтенант, показывая вакидзаси.

Казалось, что Уорлоку меч был не интересен. «Отойдите и дайте

ему место».

Солдаты немедленно отодвинулись от незнакомца. Человек уверенно стоял один, не кланяясь и не преклоняя колени.

«Почему ты хочешь видеть меня, незнакомец, если вся Эния избегает этого? И почему на тебе одежда Черного Адепта?»

Вокруг фигуры витала аура высокомерной убежденности в собственной правоте. Он ухмыльнулся.

«Я пришел, чтобы предупредить тебя, могущественный Уорлок». Это не был голос молодого человека; в нем чувствовался большой опыт.

«Сними свой капюшон, когда обращаешься ко мне, крестьянин!»

Фигура издала еще один короткий смешок.

«Я не испытываю к тебе вассальной зависимости, Уорлок. Я был Адептом гораздо дольше, чем ты думаешь».

Аура Уорлока колыхнулась приятным удивлением: редко у него было такое развлечение.

«Тогда покажи себя, незнакомец! Дай всем нам увидеть великого Адепта, который намеревается бросить вызов моей власти!»

Легким движением человек откинул капюшон. Если бы Уорлок имел брови, то они полезли бы вверх, так как это лицо было хорошо известно со времен Второго Эона. Это был человек средних лет с темной кожей. Глаза были острые и умные, голова побрита наголо.

«Я - Бэл из Черной Школы. И я принес тебе страшное предупреждение, Уорлок».

Казалось, что мертвая усмешка Уорлока слегка расширилась. «Я слушаю, Бэл из Старого Времени».

«Ты занял место, которое по праву принадлежит другому, Уорлок. Я не знаю, происходишь ли ты из Энии или из-за пределов Границы, но ты занял место истинного Мастера».

Уорлок рассмеялся; комната сотряслась от этого звука. «Ты имеешь в виду этого слабака Фелмарра?»

Бэл заметно дрогнул, когда над ним пронесся смех.

«Нет, не Фелмарра,» сказал он. «Я говорю об истинном Мастере. Я имею в виду Детена».

Уорлок наклонил голову. «Детен? Еще один Адепт из Старых Времен. Человек значительной силы и воли».

Бэл криво улыбнулся «Весьма значительной, Уорлок...»

«Я долго ждал этого». Глаза Уорлока потемнели так сильно, что казалось, будто их свет погас. «Дольше, чем кто-либо может себе представить...»

Он погладил камень на своем посохе. Камень сильно завибрировал; Бэлу почудилось, что там, внутри камня, что-то движется в поисках выхода.

«Он идет, чтобы свергнуть тебя, Уорлок».

«Возможно, однажды ему повезло бы». Глазные яблоки Демона посветлели. «Но я давно предвидел его возвращение. Теперь никто из смертных не сможет противостоять мне». Он с любовью погладил свой посох.

Глаза Бэла встретились с глазами Уорлока. Бэл задрожал и сразу же отвел взгляд, почти сокрушенный волей Демона.

«У нас есть еще какие-нибудь дела, смертный?»

Бэл тонко улыбнулся. «Только это».

Он сформировал атакующий знак Хорус, направляя каждую унцию своей силы в Демона. Уорлок поднял руку, и, играючи, отразил удар. Энергия ударила по четырем Черным Стражникам, уничтожая их по всем направлениям.

Уорлок смеялся над смелостью своего гостя. Бэл мог только изумленно смотреть; он знал, что теряет жизнь.

«Возможно, Детен не имеет равных среди людей, но я - противник со всем другого масштаба».

Черная аура Уорлока стала настолько интенсивной, что, казалось, он мог бы высосать из Энии жизнь. Бэл, испуганный мощью Демона, в ужасе смотрел и в первые за четыре жизни начал сомневаться в силе своего Мастера. Как мог Детен устоять против такого существа?

«Скажи мне, Бэл, видел ли ты когда-нибудь, как плоть отделяется от костей?»

Посох Уорлока начал накаляться.

1

Ко мне обратился голос моей высшей души. «Позволь мне вступить на Путь Тьмы. Через сложное испытание я обрету Свет. Я - единственное существо в бездне тьмы. Из тьмы пришел я, прежде чем родиться, из тишины девственного сна». И Голос Веков ответил моей душе:

Я тот, кто создает во тьме. Дитя Земли; Свет, сияющий во тьме, который не поглотила тьма.

- Неофитский ритуал Золотого Рассвета

Эния



Исход Меццра
Город София

Бледный лунный свет мягко лился каскадом в королевскую спальню, его холодные лучи создавали жуткое мерцание на темном эбонитовом полу. Едва ощутимые эфирные сущности прятались в комнате, оставляя за собой нечеловеческий холод. В углу одиноко горела белая свеча, ее пламя неуверенно плясало в кружащихся потоках воздуха, излучая жалкий свет.

Принц Кассиус Хоукин стоял на коленях на мощу перед открытой верандой, наслаждаясь дыханием ветра на голом торсе. Почти пятьдесят зим прожил он на свете, его волосы и усы стали серого серебряного цвета. Но, несмотря на это, его тело было крепким и стройным; в холодном свете было видно, как мышцы на теле заметно выделяются. Кассиус чувствовал, как вокруг него кружатся в гипнотическом танце полуоформленные тени эфирных сущностей. Он не обращал на них никакого внимания, наслаждаясь редким моментом покоя.

«Отец? Ты меня слушаешь? Голос Киры разрушил тишину.

«Что еще?» Кассиус даже не пытался скрывать свое раздражение.

«Распределение продуктов, отец. Ты должен прекратить его.

Люди начинают беспокоиться. Ты становишься непопулярным».

Кассиус проворчал: «Ах, какое преступление. Кира, мне не нужна популярность среди людей. Я просто должен сохранить им жизнь и удержать Софию от падения. Кроме того, ты достаточно популярна. Ты всегда готова принимать легкие решения».

Кира посмотрела на него с негодованием. «Я приняла на себя все гражданские обязательства, потому что ты слишком одержим своей «военной стратегией», черт возьми! С каждым месяцем люди страдают от всё больших трудностей, потому что ты слишком убежден в том, что Уорлок стремится поработить нас. Когда это закончится?»

«Мы находимся в состоянии войны! Мы должны быть готовы!» - огрызнулся Кассиус.

Он повернулся к ней лицом. Как всегда, на ней была кольчуга, с

плеч свисала алая накидка. Ее длинные огненно-рыжие волосы, собранные сзади, контрастировали с ее яркими, живыми зелеными глазами.

«Вот уже два года, как Уорлок не нападает на нас. Когда же ты поймешь, что война окончена! Пришло время прекратить нормирование продуктов».

Голос Кассиуса стал тихим. «Силы Уорлока превосходят нас в двадцать раз. Если он начнет осаду Софии, а у нас не будет достаточно продовольствия, мы не сможем устоять».

«Мы больше не интересны Уорлоку!», закричала Кира, ее лицо покраснело. Она проклинала себя за потерю контроля; только ее отец мог довести ее до такого состояния. «Мы должны думать о нуждах людей».

«А я как раз об этом и думаю. Я и не жду, что ты поймешь. Ты - женщина. Тебе самое время думать о замужестве. Война - не для женщины».

Кира «вскипела», но она больше не потеряет контроль. «Я - капитан стражи. Я выиграла это право в бою, без твоей помощи. Я победила всех чертовых солдат, которых ты «бросал» на меня. Так что не говори мне, что я ничего не понимаю в войне».

В комнате снова повисла тишина. Кассиус смотрел сквозь веранду. Вдалеке, подобно северному полярному сиянию, мерцала Граница. С каждым днем она приближалась к его городу и он был бессилен перед этой мощью. Ему было ненавистно это состояние беспомощности; он ненавидел пассивность, ожидание момента, когда события начнут разворачиваться. Граница постепенно сжималась, подавляя Энию. Она, как в зеркале, отражала собственную жизнь Кассиуса; с каждым днем он чувствовал себя все более скованным ограничениями. Он пытался сбежать. Он хотел сбежать от Киры, от Софии, даже из Энии. Больше всего на свете он хотел сбежать от своего прошлого.

Он вздохнул. «Ты - хороший солдат, Кира», сказал он неохотно. «Но все равно война - не для женщин. Тебе следует думать о замужестве и о детях».

«Я не хочу детей», сказала Кира с дрожью. «Это не для меня».

Кассиус пожал плечами. «Я не согласен с твоим выбором, но я никогда не препятствовал тебе и не мешал поступать по собственной воле!»

«Я знаю, отец», тихо ответила Кира. «Ты никогда не вмешивался в мою жизнь. Фактически ты ничего не делал. Неужели ты так стыдишься меня? Стыдишься, потому что я родилась дочерью, а не сыном?»

На мгновение показалось, что Кассиус поражен. «Стыжусь? Нет. Нет. Я не стыжусь тебя, Кира». Показалось, что он хотел добавить что-то еще, но потом быстро передумал. «С тех пор, как твоя мать покинула меня ты - все, что у меня есть». Голос его был печален, в нем чувствовался

лась рана, которая так и не зажила.

Кира внимательно его изучала. «Почему же тогда ты отталкиваешь меня от себя?»

«Я очень любил твою мать, когда она ушла...»

«Не используй ее в качестве извинения, отец», перебила его Кира.

«Причина, по которой она ушла от тебя, в том, что ты никогда не протягивал ей руку. Ты отталкивал ее точно так же, как сейчас отталкиваешь меня».

Кассиус раздраженно отвернулся от дочери.

«Это что-то из твоего прошлого, ведь так? Что-то, что с тобой произошло?» Изумрудные глаза Киры напряженно сияли.

Теперь между ними повисла тягостное молчание. Кассиуса обуревали эмоции; несмотря на его приверженность дисциплине, он так и не научился контролировать их должным образом. Он очень хотел протянуть руку своей дочери, приблизиться, но страх потери был слишком силен. Хотя он знал, что если этого не сделает, то в конце концов потеряет ее, так же, как потерял свою жену много лет назад.

«Быть может, время пришло», подумал он. Он глубоко вдохнул и на несколько секунд задержал дыхание, пытаясь успокоить бешено стучащее сердце.

«Кира, я должен рассказать тебе кое-что важное о своем прошлом». Эмоции заглушали его голос. «Но это не касается этой жизни, и даже этого плана». Он еще раз вдохнул. «В своей прошлой жизни...»

Внезапно он поднес палец к губам и наклонил голову, старательно прислушиваясь. Кира узнала этот настойчивый жест и молча замерла в ожидании. У ее отца было шестое чувство воина.

Кассиус плавно пересек комнату. Его рука, покрытая шрамами, прикоснулась к рукоятке катаны.

Кира резко вдохнула, когда фигура в черной одежде внезапно материализовалась на веранде, освещенной лунным светом. Она дотянулась до меча прежде, чем заметила на лбу отметку Уорлока.

«Отец!»

Взрыв астральной энергии столкнулся с ней, оборвав ее предупреждение. Она сильно ударилась об стену позади себя, издав при этом сдавленный крик. Она сползла на пол бездыханная.

Черный Адепт вошел в комнату. Кассиус смотрел на свою дочь, ужас трансформировался в гнев. Адепт повернулся к нему, на его неприятном носатом лице с заостренными чертами застыла маслянистая, вкрадчивая улыбка.

«Я - Грешвин», сказал он, насмешливо поклонившись. «Пожалуйста, не огорчайся из-за дочери, так как ты умрешь следующим. Таково приказание Уорлока».

Кассиус поднял катану и стал в позицию готовности. Адепт вы-

глядел так, будто его это забавляет.

«Ты - оптимист, Принц Кассиус Хоукин. К сожалению, моя магия быстрее и, вероятнее всего, достает дальше, чем твой меч.

Он сформировал атакующий знак Хорус, сфокусировав каждую унцию магии в один-единственный взрыв. Волна поразила Кассиуса. Но она преломилась, обтекая его ауру, как жидкость, столкнулась с кроватью, после чего взорвалась и разлетелась.

Грешвин таращился на это в чрезвычайном изумлении: он никогда не видел ауры, настолько устойчивой против магии. Это не поддавалось логике. Его плечи побежденно опустились: он израсходовал почти всю свою энергию. Ему осталось атаковать только с мечом в руке. И он неохотно достал его.

Кассиус почувствовал, как все его противоречивые эмоции растворились, как будто погрузились в воду. Гнев, замешательство, разочарование исчезли, им на смену пришла полная сосредоточенность. Он чувствовал себя уравновешенным, цельным. Только в бою он себя так чувствовал.

«Боюсь, что ты обнаружил нечто тайное», сказал он. «Я не могу позволить, чтобы Уорлок узнал об этом».

Он двинулся на Адепта, Грешвин отпрянул назад, его надменность исчезла вместе с его магией.

«Как ты это делаешь, Хоукин?», спросил он, нервно облизав губы. Кассиус и Адепт стали двигаться по кругу. «Ты не использовал магию. Но что еще это могло быть? Как ты меня отразил?»

Глаза Кассиуса блеснули; и хотя он пристально смотрел на Грешвина, создавалось ощущение, что Адепт был фантомом.

«Называй это сюрпризом для Уорлока. Только он не узнает об этом до тех пор, пока не будет слишком поздно», сказал Кассиус. Он знал, в какую игру играл Грешвин, и не позволял разговору себя отвлекать.

«Теперь я понимаю, почему мои смертельные ритуалы против тебя не сработали», горько сказал Грешвин. «У них не было никаких шансов. Ну что же, я полагаю...»

Внезапно он начал действовать. Кассиус полностью предвидел атаку. Его катана опустилась на атакующее лезвие, разрубив его напополам. Он двигался с невероятной скоростью, изящно и обманчивой.

Шокированный своим противником, Грешвин попытался воспользоваться преимуществом близкого боя. Он отбросил свое бесполезное оружие и кинулся на Кассиуса. Реагируя на передвижения врага, Кассиус быстро выскользнул из намеченного захвата. Его катана упала на пол и руки сомкнулись на шее Грешвина, зажав ему горло.

Адепт дико боролся, нанося Кассиусу удары локтем в живот. Но Кассиус поглощал удары без единого звука, и через несколько секунд

Грешвин ослаб. Кассиус подождал еще немного, а затем позволил Грешвину упасть на пол.

Он поднял свою катану и слегка порезал пальцы о лезвие.

«Почему ты не убил его?»

Кассиус повернулся и увидел Киру, наблюдавшую за ним с пола.

«Я думал, что ты мертва», сказал он вспыхнувшим голосом.

Он подошел к ней и протянул руку, чтобы помочь ей подняться.

Она оттолкнула его и попыталась подняться сама. В ее глазах появилась паника и ее вдруг вырвало прямо на пол. Кассиус отвел свой взгляд, чтобы позволить ей сохранить достоинство. Он знал, что удар, нанесенный ей Адептом, был очень сильным; ей потребуется несколько дней, чтобы прийти в себя.

Он смотрел на тело Адепта, лежащее без сознания.

«Я не знаю», сказал он через какое-то время.

«Что не знаешь?», спросила Кира хриплым голосом.

«Почему я не убил его. Если бы я думал об этом, я бы это сделал.

Он это заслужил. Но в бою нет времени на размышления. Я только реагирую на своих врагов». Он покачал головой так, будто только что открыл истину.

«Принц Кассиус!», раздался крик стражника, бегущего к спальне.

Кассиус быстро придвинулся к двери. «В чем дело?»

Стражник приготовился говорить, но вдруг у него расширились глаза от шока. «На вас напали!»

Он наклонился вперед, чтобы получше рассмотреть спальню.

Кассиус передвинулся, чтобы закрыть ему обзор.

«В чем дело?», снова спросил он уже с раздражением.

«Сир, это Иешуа, мудрец. Он хочет видеть вас».

Кассиус нахмурился. «Иешуа? Ты уверен?»

«Да, Сир. Он сказал, что это очень важно».

В глазах Кассиуса появилось беспокойство. «Похоже, что эта ночью будет еще более беспокойной».

«Сир?»

« Ты свободен».

Стражник отдал честь и перед тем, как уйти, едва сдержался от последней попытки рассмотреть, что было за спиной принца.

Кассиус подошел к дочери. Кира посмотрела вверх, у нее было бледное лицо.

«Спасибо», сказала она.

«За что?»

«За то, что не позволил моим людям увидеть меня в таком состоянии».

Кассиус неуверенно приблизился к ней, чтобы потрогать ее волосы, это был жест отеческой любви, и в то же время он вышел болезнен-

но неловким. Он быстро убрал руки.

«Я сделал бы это для кого угодно».

Кира опустила взгляд в пол и он тут же пожалел о своих словах.

«Ты слышала, что сказал стражник?», спросил он, желая переключить ее внимание. «Иешуа зовет меня».

Она посмотрела вверх, пораженная услышанным. «Это предвещает беду. Старый мудрец не призывал тебя за все время, что я живу».

Кассиус кивнул. «Прошло почти тридцать лет. Что-то должно произойти. Что-то важное. Я чувствую это в воздухе».

«Должно случиться? Я не понимаю».

Рот Кассиуса застыл в полуулыбке; это выглядело странно, как будто мышцы лица не участвовали в этом жесте.

«Он возвращается ко мне», сказал он. «Шадрак возвращается ко мне».



Кассиус поднялся по лестнице башни, следуя по пути, которым семья Хоукин поднималась на протяжении тридцати поколений. Край ступенек были полностью сбиты из-за тысячелетнего использования.

Пока он шел, танцующие тени от факелов было сложно отличить от стражников древней башни, крадущихся в тени. Он знал, что бояться нечего; с детства в его ауру была вшита необходимая защита.

Через несколько минут он достиг вершины башни. Между комнатой мудреца и лестницей не было двери, оттуда, из комнаты, лился теплый свет. Кассиус пересек сводчатый проход, ведущий в комнату. Его тело покалывало, когда он проходил через интенсивный астральный экран, используемый для блокирования нежелательных сущностей.

Комната была заполнена разным барахлом, большинство из которого было древним и теперь уже уникальным. Там были прекрасные картины и карты, книги и свитки, кристаллы, часы и идолы богов из Египетского, Вавилонского и Ассирийского пантеонов. Во многих местах комнаты лежал толстый слой пыли.

В дальнем конце комнаты, спиной к выходу, стоял Иешуа, смотревший в арочное окно башни. Одетый в белые одежды, он тяжело опирался на древнюю, сучковатую трость. Его спина была полусогнута, со времен своей юности он стал почти на фут ниже, но юность свою он позабыл много веков назад.

Кассиус вошел и поклонился. Он поставил свой факел в свободную нишу и подошел к старику.

«Любопытно, не правда ли, Кассиус? Окна такие маленькие. Мы используем их, чтобы уменьшить внешний мир до управляемых размеров».

Кассиус нахмурился. «У тебя философское настроение, Иешуа?»

Иешуа вздохнул. «В последние дни у меня всегда философское

настроение. Что сделано, то сделано. И теперь, когда время подходит к концу, я могу лишь наблюдать за результатом своих трудов».

Он пристально смотрел на мерцающие цвета постоянно приближающейся Границы.

«Знаешь, в мое время Граница была в двух днях езды от Софии. А теперь погляди! Если ее движение будет продолжаться, через пару лет она поглотит город».

«Но, возможно, в течение этого времени наше тяжелое положение разрешится», сказал Кассиус.

Иешуа ухмыльнулся и повернулся к воину лицом. Его пальцы нервно теребили белую бороду, достававшую до колен. Кассиус заметил, что его глаза были более размытыми и блеклыми, чем раньше. Много веков назад они были живыми и яркого голубого цвета, но постепенно они обесцветились.

«Очень проницательно, Кассиус», сказал он. «Скоро должна начаться решающая битва за контроль над Энией».

Он жестом пригласил своего гостя присесть.

«Тысяча лет...», сказал он, качая головой. «Может быть, теперь я заслужил отдых. Начнется финальная битва и благодаря проделанной мной работе мы будем в позиции силы».

Кассиус нахмурился. «Разве ты не будешь с нами во время финального столкновения?»

В ответ Иешуа проворчал: «Ты знаешь, я ненавижу это окно. Я ненавижу его всеми фибрами своей души».

«Окно?» Кассиус не смог скрыть смущения на своем лице.

Иешуа продолжал, как будто не слышал принца: «Каждый раз, когда я в него смотрю, я вижу вдалеке фигуру человека. Он лежит на земле. Его тело разбито и изломано, его жизнь угасла».

Кассиус чувствовал эмоции, наполнявшие голос старца, и молчал. Когда Иешуа отвернулся от окна, он мучительно опустил свое старое тело на каменный стул. В глазах замерла слезинка.

«Ты знаешь, он там всегда, когда я туда смотрю. Это видение преследует меня вот уже тысячу лет».

«Тогда зачем ты смотришь?»

Иешуа улыбнулся, сделав странный жест. «В надежде, что его там не будет. Если бы хоть раз тела там не оказалось, я был бы счастлив до конца своих дней».

Кассиус кивнул, хотя и не понял. Повисла гнетущая тишина.

«Ты задаешься вопросом, почему я позвал тебя сюда?», спросил Иешуа.

Кассиус пожал плечами. «Конечно. Ты не вызывал меня в течение тридцати лет. Когда мы разговаривали в последний раз, я едва ли был человеком».

Иешуа кивнул головой. «Моя миссия подходит к концу, а твоя только начинается, Кассиус. Ты знаешь, как важна твоя прошлая жизнь».

Кассиус скривился; простое упоминание его прошлого воплощения отозвалось вкусом желчи во рту.

«Они начали возвращаться, Кассиус. Все действующие лица. Они возвращаются из Второго Зона».

«Шадрак?», спросил Кассиус, внутри него загорелась надежда.

«Нет, пока еще нет. Но скоро. Ты знаешь его ситуацию лучше, чем кто-либо. Его жена, Лина, вернулась».

«Где она? Ты хочешь, чтобы я вернул ее в Софию?» Сердце Кассиуса забило быстрее. Наконец-то, ожидание скоро закончится.

Иешуа кивнул. «Она выросла в храме Желтой Школы в Заколдованном Лесу. Сейчас она изгнана из их ордена и направляется на север. Возможно, она держит путь в Небесную Башню. Ты должен перехватить ее в Гороме, так как она не отличит друзей от врагов».

Перед глазами Кассиуса появилась новая жизнь. «Я выезжаю на рассвете, Иешуа».

«Хорошо, хорошо. Ты без труда узнаешь ее; ее внешность почти не изменилась в этом воплощении, а ты неоднократно видел портреты».

«Но значит любой сможет ее узнать и Черная Школа...».

«...не должна ее обнаружить», закончил Иешуа.

Кассиус понимающе кивнул.

«Знаешь, я встречался с ней несколько раз в деревне Оуклен в Заколдованном Лесу», сказал Иешуа. «Конечно, это было в ее прошлой жизни, до Сбора в Зоне Сновидений. Она была прекраснейшим созданием, полная отваги и огня, но, в то же время, изящная и элегантная. Она страстно любила природу и красоту».

Старик улыбнулся, погрузившись в воспоминания. Потом снова вернулся к реальности.

«И еще одно, Кассиус. Будь осторожен, враг вернулся...».

Кассиус нахмурился. «Уорлок?»

Иешуа произнес, вздохнув.... «Уорлок силен, но вернулся тот, кто бросит ему вызов. Он единственный из смертных, кто может победить Демона, даже демоны боятся этого человека».

Кассиус скривился. «Детен.»

«Ваши пути могут пересечься и, возможно, ты будешь вынужден противостоять Черному Мастеру. Будь осторожен, он - самый опасный противник. Сомневаюсь, что я смог бы с ним состязаться, даже в мои лучшие времена. Его будо-кай и иаджицу могут даже потягаться с твоими. И он - Адепт, маг, обладающий огромной силой, тогда как для тебя магия навсегда под запретом».

Кассиус не выглядел смущенным или обеспокоенным. «Я знаю о Детене. Я знаю, какую боль он причинил Шадрому. Если он станет на

моем пути, уверен, что я буду с ним бороться. Он положил руку на рукоятку меча. Взгляд его стал стальным.

«Будь осторожен, Кассиус. По возможности избегай конфликта, поскольку встретиться с мощью своего брата-близнеца должен Малак».

Иешуа изучал глаза своего гостя. Они были бледно-голубого цвета. В них была такая глубина и сила воли, с которой мало кто из людей мог сравняться. Иешуа (вдруг) понял, что несмотря на то, что он, очевидно, будет побежден, Кассиус не отступится ни от какой опасности.

Иешуа удовлетворенно кивнул и сказал: «Если это будет необходимо, и если кто-то и способен устоять против Детена, то ни у кого нет лучших шансов, чем у тебя».

Кассиус нахмурился, он не привык принимать комплименты. «А как же Тамплиеры? Возможно, Уорлоку уже известно о моем сопротивлении магии. Мы потеряем завесу секретности?»

«Скоро, Кассиус, скоро. Как их лидер, именно ты примешь это решение. Но не раскрывай нашу тайну слишком скоро. Неожданность будет нашим оружием».

Боковым зрением Кассиус заметил какое-то движение и резко развернулся. На одном из столов сидел маленький толстый гном. Он был покрыт коричневыми и оранжевыми пятнами, а на голове у него были рога, один из которых был поломан. Озорные глазки напоминали два уголька. Он болтал ногами назад и вперед и смотрел на людей.

«Как он сюда попал?», спросил Кассиус.

Иешуа ухмыльнулся. «Я не уверен. Он появился вчера, наглый и дерзкий. Но он не обычный элементаль, он умен. Он принадлежал Лине. Его зовут Сквинт».

Кассиус поднял бровь и, словно в доказательство своей подлинности, гном несколько раз подмигнул.

«Теперь вижу», пробормотал Кассиус.

«Он передвигается внутри плана, но думаю, что он приведет тебя к Лине, если ты выдержишь его общество. Он не умеет разговаривать, но умеет понимать простые приказы», сказал Иешуа. «Не то, чтобы он был послушным. Но думаю, что мне удалось сделать так, чтобы он понимал, чего мы от него хотим».

«Что мне с ним делать? Не думаю, что будет практично забросить его в чересседельную сумку».

«Не беспокойся. Он сам пойдет за тобой. Он может почти мгновенно перемещаться куда угодно».

«Значит я поеду с ним», сказал Кассиус, голос его был недовольный, но смиренный.

«Хорошо. А теперь мне нужно поспать. В последние дни моя энергия очень быстро убывает. Необходимость цепляться за жизнь отбирает у меня все магические способности и силу воли».

Кассиус поднялся и поклонился. Когда он повернулся, чтобы покинуть комнату, у него вдруг мелькнула мысль о том, увидит ли он мудреца снова.

«И еще кое-что», сказал Иешуа. «Найди согласие с самим собой, и тогда ты обрешь согласие, которого ты ищешь с другими, включая твою собственную дочь. Ты должен преодолеть ту вину, которую носишь внутри, иначе она станет причиной твоей преждевременной смерти. Избегай жалости к себе и освободись от чувства бесполезности. Прости себя за свои преступления».

Плечи Кассиуса напряглись. «Только Шадрак может это сделать», пробормотал он перед тем, как выйти.

Природа (сущность) беспомощно пала.

- Алхимический трюизм (банальная истина).

Шеллус



Малкут Ассия
Центральные
земли Саксонии

Эканар устало рассматривал булыжник в поисках отметок, знаков, которые могли бы «расшевелить» его память. За ним, подобно передвигной крепости, тащились четыре рыцаря в кольчугах. В руках у них были носилки, на которых лежал Шадрок, находящийся под действием наркотических снадобий, однако крепко связанный. Он тихо стонал, находясь в тягостном полубезумном состоянии. Над ними висела тяжелая атмосфера позднего вечера.

Эканар почесал бровь, его лицо раздраженно сморщилось. Он слишком долго был вдали от родины: он нашел жару очень утомительной. Температура поднялась выше нуля, она была гораздо выше, чем в Ниппонской Империи. Воздух был очень влажный и оставлял на языке слабый вкус металла.

Эканар решительно отогнал тягостные мысли и сосредоточился на работе.

Он был обеспокоен нападением бандитов, но знал, что, по крайней мере, от этой опасности они теперь защищены. Ни один бандит не посмеет войти в город, по которому они сейчас бродили.

Это был огромный город, растянувшийся по земле, подобно покрывалу из уродливых изломанных камней. Здания были разрушены, многие из них после взрыва Катаклизма превратились в груды камней. Те немногие, которые уцелели, обветшали и постепенно разрушались.

Во времена своей юности Эканар много раз бывал в этом городе и до сих пор считал высокий уровень его развития устрашающим. В Старые Времена Пренцлау был относительно маленьким городом, но вид его был устрашающим. Воистину, в Старые Времена люди были подобны богам.

Он подал сигнал рыцарям и продолжил свой тяжелый путь вперед, не уверенный в том, какое направление следует выбрать: со времени его последнего визита прошло больше двадцати лет. Было очевидно,

что рыцари боятся входить в запретный город: они со страхом смотрели по сторонам, проходя мимо выжженных металлических доспехов, лежащих на неровных, обветшалых дорогах. Они с подозрением смотрели на вырванные из земли стальные канаты, словно ожидая, что те в любой момент могут выпустить клыки. Только их благородное происхождение и вера в знания Эканара заставляли их стоять на ногах.

Сам мудрец знал, что бояться почти нечего. Многие столкновения, о которых рассказывает фольклор, произошли из-за силы людей, которых он теперь искал. Они хотели, чтобы никто не нарушал границу их территории, а суеверия и предрассудки, окружавшие город, очень им помогали.

Внезапно разум Эканара настороженно щелкнул. Знакомый звук бегущей воды принес облегчение его старым костям. Рыцари тащились за ним, почти обессиленные и истощенные под грузом брони и носилок.

Вскоре Эканар смотрел на тихий ручеек, текущий вниз, в миниатюрной долине. Он был гораздо слабее, чем помнил Эканар; когда-то это была маленькая река, снабжающая великий город Пренцлау водой. Теперь это был слабый ручеек. Мудрец понял, что огромные ледники на севере увеличиваются в размере. Если в ближайшее время они не остановятся, то в течение одной жизни весь континент будет задавлен их ледяными объятиями.

Он тяжело уперся в свою трость, собирая силы для последнего рывка. Теперь он знал, где находится, конец его пути был близок. Рыцари остановились за ним, аккуратно опуская носилки, чтобы перевести дыхание.

«Полмили», сказал Эканар, указывая в сторону течения ручья.

Мужчины с облегчением закивали. Эканар улыбнулся сам себе, осознавая, как же долго он был в Ниппонской Империи. Теперь дороги его родины были для него чужими, хотя и отдаленно знакомыми. После жизни в обществе самураев рыцари казались ему великанами; рост некоторых из них достигал шести футов. Их лица казались белыми и большими, а широко открытые глаза были отрешенными.

Мысль о самураях Востока внезапно напомнила Эканару о его старом друге Иэйасу Танаке и о его недавней смерти. Это была трагедия, которую он очень хотел бы оставить позади, но о которой он не мог забыть. Он грустно вздохнул и подал знак рыцарям продолжать путь.

Четверть часа они шли вдоль извивающегося ручья, минуя разрушенные мосты и выброшенные на берег обветшалые лодки. Теперь Эканар был уверен в том, куда идти; эта часть города почти не изменилась за двадцать лет, если не считать признаков влияния времени.

Наконец в слабеющем свете зловеще показалась цель их пути, и мудрец вдруг заметил едва уловимую неуверенность в походе рыцарей. Сделанная из серых и черных блоков стена вздымалась в небо. За стеной

можно было различить верхушку заброшенного городского собора. Когда они приблизились, зловеще задул ветер и воздух вокруг них уплотнился. Эканар не был уверен, что это не было игрой воображения, но подобное всегда происходило, когда он приближался к Храму.

Через минуту они стояли перед запретным барьером. Рыцари опустили носилки, их руки нервно поглаживали рукояти мечей. Их страх напомнило Эканару, как он сам, будучи молодым человеком, увидел впервые эту стену. В те дни в нем жил исследователь, который подталкивал его вперед - у него была ненасытная жажда знаний. Вспоминая прошлое, он размышлял о том, каким глупым, высокомерным и несносным он был тогда. Мысль об этом вызвала у него кривую улыбку.

Перед ним стояла огромная железная дверь, надежно вмурованная в стену. Она была больше шести футов в ширину, а ее высота была намного больше. Ее поверхность была усеяна закругленными болтами, металл был покрыт едва заметной масляной пленкой, предотвращающей коррозию. Очевидно, что за дверью постоянно следили, чтобы избежать появления ржавчины и обветшания. Эканар почувствовал большое облегчение; он боялся, что за последние двадцать лет Орден мог каким-то образом прекратить свое существование.

В центр двери была впечатана маленькая гексаграмма, незаметная, если ее не искать. Над ней была надпись: «Познай себя».

Он поднял посох и постучал в дверь. Раздался металлический звук и в течение нескольких секунд атмосфера стала невероятно напряженной; город задержал дыхание. Дверь не беспокоили на протяжении многих лет.

В течение нескольких минут ничего не происходило и Эканар был вынужден снова постучать. Казалось, что в воздухе его окружают невидимые сущности. Он задрожал, так как вспомнил кое-что, что ему было известно об Ордене: почти наверняка вокруг него было множество невидимых стражников.

Вдруг открылось небольшое дверное окошко и в нем показалось угрюмое лицо старика.

«Что тебе нужно? Оставь меня в покое!», злобно проворчал он.

Он захлопнул окошко, но Эканар успел его перехватить.

«Я ищу вход в Храм», сказал он так, чтобы рыцари не могли подслушать.

«Храм! О чем ты говоришь, человек?!» Глаза незнакомца нервно забегали.

Эканар посмотрел на него пристально.

«Я - Брат Знания, равен степени ноля, и я ищу вход!»

Старик посмотрел удивленно.

«Пароль?»

«Свет».

«Это старый!», крикнул он торжествующе и захлопнул окно. Эканар одернул пальцы и злобно выругался.

Через несколько секунд дверь приоткрылась на несколько дюймов.

«Зачем ты ищешь вход, Неофит?»

«Мне очень важно встретиться с Верховным Братом».

Старик непонимающе нахмурился. «Полагаю, ты имеешь право. Но может так случиться, что он какое-то время не сможет встретиться с тобой.», он указал на рыцарей, «и они не могут войти».

Эканар покачал головой.

«Нет. Важно, чтобы он пошел со мной». Он показал на Шадрак.

«Он - как раз и есть причина, по которой мне нужно встретиться с Иерофантом Верховным Жрецом. Пожалуйста, это крайне важно».

Старик поворчал и с удивительной легкостью задвинул дверь.

Эканар повернулся и ободряюще подмигнул рыцарям. Никто из них не отреагировал; они стояли абсолютно неподвижно, но, возможно, более расслабленно, чем раньше. Несмотря на большое тело, мудрецу было сложно подавить улыбку: рыцари были такие серьезные, почти забавные.

Компании пришлось провести несколько минут в ожидании, пока кроваво-красное солнце не утонуло за каменным горизонтом. Температура становилась более комфортной для мудреца. Ему казалось странным, насколько его тело перестроилось на Востоке.

Огромная дверь снова открылась и вновь появился старик.

«Верховный Брат разрешает всем вам войти в Храм. Пожалуйста, проходите».

Эканар подал знак отдыхающим рыцарям, они снова подняли носилки, на которых лежал Шадрак, и все они вошли в ворота.

Он рассмотрел землю вокруг себя и глубоко вдохнул. Сады собора были усыпаны экзотическими цветами разных оттенков, а также редкими растениями и деревьями. Там были насыщенный пурпурный, фиолетовый, зеленый, синий цвета, дополненные ярко-красным, желтым и белым. Это было захватывающее зрелище.

По направлению к ним шел инициат, посвященный новичок, в желтых одеждах, несущий маленький поднос.

Я - Страж», сказал старик, его тон стал более дружелюбным. «Вы защищены от стражников?»

Эканар кивнул.

«Значит, защита понадобится только этим пятерым», сказал Страж, указывая на Шадрак и рыцарей.

Он повернулся к инициату, который стоял теперь возле них.

«Это Брат Знания. Остальным потребуется временная защита для Внешнего Храма. Верховный Брат поприветствует Брата Знания позже».

Инициат слегка кивнул и подошел к рыцарям. Он попросил их снять шлемы. Они неохотно подчинились, неуверенные в том, будут ли

их благословлять или проклинать.

Инициат передал поднос Стражу и погрузил указательный палец правой руки в чашу с водой. Мокрым указательным пальцем он начертил над лбом первого рыцаря перевернутый равносторонний треугольник. Затем он поднял кадило и начертил над лбом рыцаря прямой треугольник, чтобы сформировать гексаграмму. Наконец, он поднял жезл, украшенный двенадцатью цветными лентами, и начертил символ Ордена.

«Теперь ты очищен», сказал он, прежде чем перейти к другому рыцарю.

Первый рыцарь кивнул головой в знак благодарности, его уставшее тело чувствовало себя более расслабленно.

Эканар и Страж спокойно наблюдали за тем, как инициат окрестил всех рыцарей по очереди. Наконец он склонился над спящим Шадраком.

«Страж, этот человек уже был посвящен», сказал он с удивлением.

Страж нахмурился и посмотрел на Эканара.

«Это крещение нашей Школы?»

Инициат в замешательстве покачал головой.

«Это выше моих сил. Возможно, он своего рода Адепт, но я не уверен. Его аура черного и фиолетового цветов и центры силы неверно смещены. Он не обычный человек».

Шадрак что-то бессвязно бормотал, пока инициат его внимательно изучал.

«Именно по этой причине ему нужно встретиться с Верховным Братом», прервал его Эканар. «Конечно, священный Храм защитит его от одержимости, пока он здесь».

Страж посмотрел на инициата в ожидании ответа, его глаза сузились в недоверии. Инициат пожал плечами и кивнул головой.

«Хорошо», неохотно сказал Страж, «следуйте за мной».

3

«Я собираюсь в Гором. Кто со мной?», спросил Мендас.

Эния

Ничто не устоит перед Человеком, который не пожалеет даже своего существования для достижения поставленной цели.

- Доктрина Черной Школы



Месод Мецира Заколдованный Лес

Его люди с удивлением смотрели, обмениваясь тревожными взглядами.

«Ты снова пил», проворчал Раад.

Мендас впился в него взглядом и сделал еще один глоток ликера.

«Зачем ты идешь в Гором, Мендас?», спросил голос из темной глубины пещеры. «Над нами уже почти Темная Луна. Мы должны укрыться в пещерах. Если ты намереваешься совершить путешествие, то лучше дожждаться новой луны».

Мендас кивнул и сполз по стенке, присев на пол пещеры.

«Две недели», сказал он. «Две недели прошло с тех пор, как пропал Джаад. Убит, мертв или похищен, как бы там ни было, я намерен это выяснить. Я не стану ждать новую луну».

«И какой вид алкоголя заставил тебя выбрать целью Гором?», злобно спросил Раад. «Все, что ты найдешь в Гороме - это арена, публичные дома и храмы Лилит».

Мендас швырнул свою бутылку в Раада. Тот уклонился; она едва не задела его голову, разбившись о стену. Он впился взглядом в Мендаса, но не посмел ответить. Мендас неуверенно поднялся на ноги пошатываясь.

«Я иду в Гором, потому что знаю, кто забрал у меня сына. Это была та мерзавка из Желтой Школы. Женщина. Янус видел ее. Ведь так, Янус?»

«Да, Мендас». Голос его колебался. «Темноволосая женщина в одежде инициата Желтой Школы».

«Видите!» Мендас приблизил свое лицо на расстояние одного дюйма к лицу Рада. «Видишь!»

Раад сделал шаг назад и уперся в стену. «Если это был инициат, то она пришла из храма в лесу, а не из Гором».

«Идиот!», выругался Мендас. «Я никогда не найду замок в лесу. Он скрыт и за тридцать лет мы его так и не нашли. И теперь не найдем. Но тот храм, что в Гороме не скрыт».

«Ты действительно думаешь, что они пускают кого-то внутрь? Ты - разбойник. Преступник, не Адепт. Ты совсем пропил мозги».

Напряжение в пещере увеличилось; люди внимательно следили за разговором. Мендас выхватил кинжал.

«Ты бросаешь мне вызов, Раад?», угрожающе прошептал он. «Хочешь поиграть со мной?» Он так вращал кинжалом, что от его поверхности отлетали искры.

Раад сглотнул, его глаза закрепились на кинжале.

«Я так не думаю», прошептал Мендас. Он развернулся и прокричал: «Я одолею любого из вас. Да, я пьян. Я пьян, но все равно одолею любого в этой пещере. Если кто-то думает по-другому, пусть сделает шаг вперед».

Люди обменялись тревожными взглядами, но никто не сдвинулся с места.

«Возможно они могут бояться тебя, Мендас. Но они не уважают тебя», сказал Раад. «Мы все уважали тебя и поэтому пошли за тобой. Когда-то мы с тобой были друзьями, но теперь твой единственный друг живет в бутылке».

В течение нескольких долгих секунд Мендас пристально смотрел на него, затем отвернулся. «Я иду в Гором», сказал он. «Я иду в Гором, чтобы выяснить, что случилось с моим сыном. О боги, возможно, я плохо обращался с ним при жизни, но я не оскорблю его после смерти». На его лице отразилось чувство вины. «Двадцать лет назад Желтый Адепт убила мою жену. Я не позволю им убить или похитить моего сына и скрыться. Кто со мной?»

«Сидите», сказал Раад. «Сидите и я возглавлю эту банду, как ее нужно было возглавлять все последние годы».

«А что скажешь ты, Фенрин?», спросил Мендас. «Ты видел будущее? Было у тебя видение?»

Люди вокруг них молча слушали.

В ответ Фенрин проворчал: «Не важно, что каждый из вас выберет. Через три дня все в этой пещере будут мертвы. Кроме двоих. Только двое выживут. Полагаю, каждый из вас примирится с собой перед смертью».

Тишина усилилась.

«Ах, дерьмо!», прорычал Раад. «Каждый из вас сам сделает выбор, но если вы останетесь с ним, назад пути не будет».

Люди тихо переговаривались между собой и постепенно половина из них поднялись на ноги. Мендас с грустью пробежал взглядом по тем, кто остался сидеть. Это были те, кому нравилось насмехаться над

Джаадам, превращая его жизнь в ад. Некоторые из стоявших не были добры с ним, но смерть Джаада заставила их почувствовать чувство вины. «Ты не отправишься со мной, Фенрин?», спросил Мендас.

Фенрин покачал головой. «Нас догнали наши преступления. Я видел, к чему это приведет. Я собираюсь встретить свою судьбу здесь, а не Гороме». Он рассмеялся. «Я не уверен в том, какая участь хуже».

Мендас выглядел задумчивым. «Тогда мы расстанемся здесь, Фенрин. Мы идем искать Джаада. Я помирюсь с ним до того, как умру, неважно, жив он или нет. Те, кто стоит, собирайте свое снаряжение».

Раад ухмыльнулся: «Тем лучше для большинства из вас. Это безумные поиски. Вы даже не представляете себе насколько. Фальшивая монета всегда найдется.. Если Джаад жив, а вы будете настолько невзучими, что...».

☆☆☆

Дождь и ветер злобно бушевали среди древних черных мегалитов Розового Круга, жала и терзая неподвижных часовых безжалостным холодом. Грязный красно-коричневый шар Энийского солнца, плывущий над укрытой деревьями линией горизонта, опускался все ниже. Внутри трех кругов возвышающихся камней стояла коленопреклоненная фигура, одетая в рваные черные одежды. Его голова было опущена в глубоком безвременном созерцании, он не обращал никакого внимания на воющий ветер и хлещущий дождь. Он обдумывал свое положение и был так же неподвижен, как и огромные стражники вокруг него.

Детен пристально смотрел в темную воду перед собой; и хотя его тело укрывало ее, по воде шли мягкие волны от падающих капель. Он внимательно изучал свое лицо. Многие зловещие рубцы и шрамы прошлого воплощения остались с ним, и ястребиное сходство с Галаном также все еще присутствовало. Как и можно было ожидать, его лицо было немного другим, но его бездонные глаза все еще были на месте, и даже, пожалуй, еще более охотничьи.

Его ментал. был поврежден - в течение 25 лет он был слобоумным дурачком. Джаадам Как типично для людей запугивать, издеваться и презирать, вместо того, чтобы помочь. Это укрепило его решение достичь Цели.

В его голове была странная какофония мыслей: в нем остались спутанные, беспорядочные эмоции и образы Джаада. И смешанные, несвязные воспоминания были немного более свежими, чем его собственные. Только благодаря железной силе воле Детена он был доминирующей личностью.

Потребуется время, чтобы полностью растворить Джаада в его душе. Это задание должно стать его главным приоритетом: пока оно не будет выполнено, ему не будет покоя. В сердце оба, он и Джаад, были

одной сущностью. И до тех пор, пока они не сольются в одну личность, Детен будет разделен внутри себя.

События разворачивались закономерно, учитывая природу его предыдущей смерти и недостаток последующих приготовлений для его возвращения. У него было большое, сильное тело, хотя сейчас ему и не хватало стойкости и мышечного тонуса. Он мог до определенной степени выбирать, каким будет его следующее воплощение, но он не предполагал, что реинкарнирует в теле ребенка-идиота. Он подозревал, что его архи-враг что-то для этого предпринял: таково было извращенное чувство юмора, которым обладал Архи-Демон Кронзон.

Он смотрел на грязное пурпурное небо и чувствовал невероятные изменения в плане. Было темно и холодно, почти зловеще из-за многолетнего отсутствия Мага. Несмотря на нездоровую атмосферу, он, как никогда, чувствовал себя на Энии дома.

Детен чувствовал, что вокруг него бродят темные существа. Даже несмотря на то, что он все еще набирал силу, он знал, что они не будут настолько глупы, чтобы напасть. Они почувствуют, что он не просто человек, даже не просто Адепт. Он был тем, кто боролся с могущественным Кронзоном, и выжил. Только отмеченные высоким титулом Мага добивались этого раньше.

Розовый Круг был местом, с помощью которого можно было легко попасть на другие планы. Здесь, в центре, Детен чувствовал, что на него давят более тонкие измерения. Он также чувствовал остаток темной силы, которую он однажды вызвал; Лилит каким-то образом сохранила точку опоры и укрепилась в Энии. Он нахмурился, пытаясь изо всех сил привести в порядок свои беспорядочные, сумбурные воспоминания. Разум его наполнил легкий туман.

Он знал, что ритуал, который он провел, чтобы вызвать Лилит, прошел успешно, но каким-то образом Розовый Круг сдержал ее силу и тем самым спас план от верной гибели. Он также смутно знал об изгнании Лилит, произошедшем благодаря жене его брата, Лине; он узнал об этом после своей физической смерти.

Когда он вспомнил ее имя, из него полилась невольная симпатия. Теперь он вспомнил: он добровольно принесла себя в жертву, чтобы изгнать Архи-Демона, и тем самым обрекла себя на вечные муки в Адской Обители. Чувства, которые он испытывал к Лине, были смешанными, запутанными; хотя с одной стороны он ненавидел ее за то, что она увела его из Черной Школы, с другой стороны он чувствовал к ней любовь. Для Детена это было незнакомое чувство, но Лина так напоминала ему Аню, любовь, которую он так и не сумел сохранить. Он мог поручиться, что проблеск сострадания, которое он чувствовал к ней, не стало слабостью, но он не позволит ей воскресить чувство ужасной вины, похороненное глубоко внутри него.

Он думал о том, что произошло с Малаком; он знал, что его близнец был бы раздавлен смертью жены. Он помнил, что после своей физической смерти посещал Малака в астральном виде в Небесной башне, но не помнил никаких подробностей. После этого его быстро втянуло в Круг Жизни и он потерял сознание, чтобы реинкарнировать в теле Джаада.

Детен мрачно вздохнул; ему еще многое нужно сделать. Он должен быстро улучшить свое физическое состояние и еще раз гармонизировать свою личность с элементами. Как только его разум и тело будут сбалансированы, он сможет сосредоточиться на других вещах. А тем временем ему нужно как можно больше смотреть в магический кристалл. Ему нужно узнать обо всех географических, политических изменениях в плане. Определить группы значительной силы и, в конце концов, он найдет остатки Черной Школы. Он смутно помнил, что его ученик, Фелмарр, пережил Воскрешение. Молодой маг мог сохранить некое подобие Ордена, который весь был уничтожен при воскрешении Лилит.

Было еще одно смутное воспоминание о существе по имени Уорлок. Это было одно из воспоминаний Джаада, тем не менее совсем запутанное. Разум Джаада никогда не придавал большого значения миру вокруг него; он поглощал только фрагменты информации.

Хотя он знал, что находится в Заколдованном Лесу, он не представлял себе, какой был год, или даже какой Эон. Он знал, что в Энии не могло быть Мага, так как только Малак или он могли занять это место.

Вдруг за спиной Детена раздалось грозное рычание. Он поднял голову и медленно повернулся. За ним маячила неясная волкоподобная тень Греймист, существо, невольно созданное линой. Его бездушные красные глаза пристально смотрели на своего хозяина, из его огромной голодной пасти текла слюна.

Детен небрежным жестом отпустил его.

«Иди. Удовлетвори свой аппетит».

Демон убежал в лес. Через минуту атмосферу ночи разрезал его сдавленный вой.

Детен знал, что ему повезло выжить в призрачной погоне через лес. Греймист существовал только для одного: уничтожить его, но Черный Мастер подчинил его сущность своей воле и теперь это существо будет очень полезно.

Он прогнал из головы соображения будущего; как всегда, его больше интересовало настоящее. У него был неоплаченный долг.

Скоро старому родственнику нанесут визит. Он объединял Джаада в со своей личностью, и это было то, что он должен сделать, так как меньшая, доминирующая часть его расколотой личности чувствовала свою новоприобретенную силу и желала отомстить всем тем, кто так долго издевался над ним. Гнев и ненависть, сдерживаемые двадцать пять лет, освободились. Как прорванная дамба. Вместо хилого и слабого

разума слабоумного дурачка был вызван гнев и ярость могущественного Старшего Адепта.

Черные глаза Детена горели бешенством; он положил руку на рукоятку Лишающего жизни. «Мендас, я иду за тобой, отец».

Эпилог Город София

Кассиус стоял у входа в семейный дожо (зал для чтения и духовной учебы) и молча наблюдал за тем, как Кира практикуется со своим ката. Пот стекал с ее тела, она тяжело дышала, но не сдавалась, даже когда шаталась на нетвердых ногах. Кассиус с грустью смотрел на дочь. Она так напоминала ему в некотором роде себя, но хотя она и считала себя мужчиной, она им не была. В каком-то смысле он знал, что это его вина. Его желание иметь сына заставляло ее пытаться заполнить эту пустоту.

Кира сформировала kiash бокового удара и неожиданно ее опорная нога согнулась. Она, скривившись, рухнула на пол.

«Прежде чем так усиленно заниматься, тебе нужно хорошенько отдохнуть», сказал Кассиус; он вошел в дожо и поклонился в знак уважения. «Удар, который ты получила от Черного Адепта, был очень сильным. Ты должна быть в постели».

Глаза Киры раздраженно сузились. «Как давно ты здесь стоишь?» «Достаточно, чтобы понять, что ты не слишком сильна для ката». «А сколько раз ты сам отдыхал в постели после ранения, Отец?» «Вообще-то, дважды». Кассиус протянул руку, чтобы помочь ей встать.

Кира подозрительно взглянула на руку, но схватилась за нее. Кассиус поднял ее на ноги, но выражение лица у Киры мягче не стало.

«И, насколько я помню, в обоих случаях ты был на краю гибели. И все равно пытался встать с кровати. Целителю пришлось тебя успокоить, потому что его лечебная магия на тебя не действовала».

Кассиус пожал плечами. «Не нужно соревноваться со мной в глупости, Кира. К тому же, ты...».

«Женщина», горько вставила Кира. «И мы не годимся для боя». Ее голос был полон сарказма.

Кассиус сдержался от искушения резко ей ответить. «Это старый спор. А я пришел сюда не для этого».

«Зачем ты пришел, Отец? Чтобы оскорбить мой ката?» Ярко-зеленые глаза Киры смотрели вызывающе.

«Нет. Я пришел сказать тебе, что уезжаю из Софии. Я должен поехать в Гором».

Кира не могла скрыть свой шок. «Это из-за Иешуа?»

«Да. Старый мудрец хочет, чтобы я кое-кого перехватил и вернул в Софию».

«Но почему именно ты? Ты же не обычный стражник. Гором опасен, и даже смертелен. В Гороме власть Уорлока сильнее, чем в любом другом городе. Это убежище для всех «отбросов» общества, которых не принимают другие города!»

«Я знаю. Именно поэтому я должен поехать туда. Женщина, которую я буду искать, будет в смертельной опасности».

«Какая женщина?» Кира сделала паузу. «Это как-то связано с твоим прошлым? Вчера ты сказал, что расскажешь мне об этом».

«Это действительно касается моего прошлого. Женщина, с которой я должен встретиться, - это Лиина из Эона Эпохи Сновидений».

Кира была потрясена. «Твоя карма связана с Воскрешением?! Это же самое важное событие, которое когда-либо происходило на этом плане!»

Кассиус вздохнул. «Я знаю. Но я связан не именно с Воскрешением, а только с теми, кто был вовлечен. По этой причине именно я должен перехватить Лиину в Гороме. У нее не будет никакого представления о том, с чем она столкнется. Она будет уязвима и беззащитна».

«Насколько мне известно, из легенды, Лина была какая угодно, но только не уязвимая и беззащитная. Думаю, возможно, она тебя удивит. Так что выбрось из головы эту пренебрежительную, женоненавистническую философию».

«Моя философия была со мной уже давно. Она хорошо мне служила. Я не собираюсь от нее отказываться теперь только потому, что ты с ней не согласна, Кира. И даже ради Лины, какую бы важность ей ни приписывала история».

«А у тебя хватило бы мужества вступить в тот круг? Принести себя в жертву Лилит, чтобы спасти план и того, кого любишь?»

Кассиус на секунду задумался. «Я скоро уезжаю», сказал он. «Все приготовления закончены. Мы продолжим дискуссию о моем прошлом, когда я вернусь. Сейчас не подходящее время».

«Даешь слово?» Кира знала, что ее отец скорее умрет, чем нарушит свое слово.

«Да».

«Тогда согласна. Но я хочу поехать с тобой. Лиина - героиня. Я хочу с ней встретиться».

Кассиус нахмурился. «Нет таких понятий - герой или героиня. Мы все делаем то, что должны. Ты сможешь встретиться с Лииной, когда мы вернемся. Ты недостаточно здорова, чтобы путешествовать. Позволь мне побороться самому».

«Я думала, ты сказал, что найдешь ее и вернешься. Ты ожидаешь

битву?»

«Как ты сказала, это же Гором. И когда я туда доберусь, будет Темная Луна».

«Глаза Киры расширились. «Тогда ты должен взять охрану для защиты!»

«Не волнуйся, я возьму с собой свою обычную защиту».

«И кто же это?»

Губы Кассиуса скривились в мучительной улыбке; он погладил рукоятку своего меча. «Этот стальной друг никогда меня не подводил.

Шеллус

Смерть и трансформация – судьба человека, которую нельзя выбрать или изменить. Все, что можно выбрать и изменить – это сознание. Но изменить его означает изменить всё.

- Доктрина Белой Школы



Малкут Ассия

Город

Тренцлау

Эканар, устало спотыкаясь, шел по внутренним коридорам собора вслед за Тедрой, помощницей Иерофанта Ордена. Его конечности отяжелели от усталости; и хотя он пытался опираться на свой посох, все равно ему было очень трудно передвигаться. Он тяжело дышал и начинал ощущать едва заметные конвульсии. Он опасался, что путешествие через Восточный Океан и через земли слишком истощило его старое тело.

Тедра заметила, что ему тяжело, и остановилась. Несмотря на то, что ей едва ли исполнилось двадцать лет, в девушке были необычная зрелость и равновесие. У нее на поясе был знак Философской степени, самой высокой степени Внешнего Ордена. Кроме того, как отметил Эканар, она была достаточно привлекательной, со светлыми волосами и приятной фигурой.

«Вам нужна помощь, Отец?», спросила она обеспокоенно.

Эканар почти признался, но гордо поднял руку вверх.

«Нет, спасибо. Уверен, что справлюсь», ответил он.

По легкой улыбке, появившейся на лице Тедры, стало ясно, что она понимает его состояние, и Эканар сразу же смутился. Тем не менее, болезнь не была тем состоянием, в котором мудрец позволял себе когда-либо находиться. К сожалению, его оптимизм, который многие считали неисчерпаемым, в последнее время поубавился. После смерти Танаки у него было мало поводов для радости.

Через несколько минут пара подошла к большой темной двери из красного дерева. И хотя Эканар был рад, что дошел до цели, он чувствовал легкий трепет из-за вернувшихся старых воспоминаний. Он знал, что стоит перед кельей Иерофанта Ордена, человека, руководившего и контролирующего школу. Он размышлял о том, кто был Иерофантом много лет назад, когда он сам был инициатом. Это был человек мудрый, но строгий, без малейших усилий внушавший к себе уважение.

Тедра мягко постучала в большую дверь, которая была частично

обита красной кожей. В центре был впечатан золотой крест.

Через минуту из-за двери раздался голос. «Пожалуйста, входите».

Тедра открыла дверь и вошла внутрь. «К вам гость, Верховный Брат. Он настаивает, что у него дело чрезвычайной важности».

Она подала мудрецу знак, и он нерешительно вошел. У него сильно болели мышцы и конечности. Кроме того ему было ужасно холодно: он вспотел и от этого чувствовал себя будто во льду.

Келья была такой же, какой Эканар ее запомнил, разве что в его памяти она была большего размера. Она была абсолютно функциональна, даже, несмотря на то, что вся мебель дышала древностью. В ней не было портретов прошлых Иерофантов или великих адептов: лидеры Ордена избирались в соответствии с их способностью руководить и организовывать, а не по их популярности или стремлению к восхищению и уважению. Таким образом, большинство Иерофантов были вынуждены занять этот пост и принимали его как необходимое бремя.

Сквозь маленькое окно пробивался глубокий красный свет заходящего солнца. Напротив окна за большим, украшенным орнаментами, столом сидел человек в желтых одеждах. В помещении витал приятный ванильный запах ароматического бальзама.

Эканар замешкался, т.к. сразу узнал этого человека; он был последним, кого он ожидал увидеть здесь. Кейросу сейчас было, по меньшей мере, пятьдесят лет, но выглядел он на сорок. Его волосы и борода, хоть и были тронуты серебром, все еще сохраняли преимущественно черный цвет. На его лице не было морщин или следов забот, несмотря на его ответственный пост.

«Брат Знания», сказала Тедра, а затем с легким взмахом руки, «наш Преподобный Иерофант».

Иерофант поднялся с легким замешательством на лице.

«Твое имя кажется знакомым...». Он очень внимательно рассматривал мудреца, пока обходил вокруг стола.

Неожиданно Эканар понял, что неуверен в том, как нужно действовать. Более двадцати лет назад Кейрос был неофитом в ордене, они с мудрецом были очень хорошими друзьями. Эканар не знал, как приветствовать этого человека после стольких лет разлуки, особенно если учесть его нынешнее положение. А еще хуже было то, что Кейрос не узнал его: вспомнит ли он его, если ему подсказать?

«Мы...были друзьями...на протяжении нескольких лет...давно», сказал Эканар, чувствуя себя очень неловко. Тонкость обращения никогда не была его сильной стороной, и он чувствовал себя очень неловко.

Внезапно глаза Кейроса потеплели, когда он узнал старого друга. Он схватил руку мудреца и энергично ее пожал.

«Эканар! Как ты, черт возьми? Должно быть, прошло лет двадцать

пять. Вот уж не думал, что снова увижу тебя!»

Эканар улыбнулся в ответ, в этот момент проявился его природный жизнерадостный характер.

«Прошло много времени, старый друг».

Кейрос понимающе кивнул.

«Пожалуйста, присаживайся. Ты выглядишь просто ужасно!»

Он помог мудрецу сесть на одно из неудобных кресел для посетителей. Эканар был поражен переменой, произошедшей с Кейросом. Когда-то он был вспыльчивым, хаотичным и неустойчивым. Он всегда был полон желаний того или иного рода, а теперь он выглядел абсолютно уравновешенным и сосредоточенным. В его глазах была безмятежность и задумчивость, указывающие на то, что его дух находится в мире с самим собой. Эканар чувствовал пустоту при мысли о том, от чего он отвернулся много лет назад.

Кейрос сел за стол.

«Ну так, расскажи мне, где ты был и что делал последние лет тридцать?»

Эканар почувствовал себя неловко, когда пристальный взгляд Иерофанта прошелся по нему. Было такое ощущение, что тот старый Кейрос, которого он знал, был лишь легкой тенью человека, который был сейчас перед ним.

«Ну, пару лет я путешествовал, пока не достиг континента Азии. В конце концов, я поселился в маленькой деревушке в Ниппонской империи».

«Остров Хоккайдо на Дальнем Востоке? Разве не там живут знаменитые и бесстрашные самураи?»

«Да, но они не такие благородные рыцари, как утверждает людская молва!»

Кейрос улыбнулся. «Бьюсь об заклад, не такие...Ну, так что ты делал в этой деревне? Не думал, что ты сможешь когда-нибудь осесть. В конце концов, именно по этой причине ты покинул нас...».

Эканар нахмурился. Когда ему задали прямой вопрос, ему вдруг показалось, что последние тридцать лет он провел, занимаясь мирскими и неуместными делами. Внезапно его ударила мысль о том, что он в конечном итоге успокоился и стал таким, как все. Как сказал Кейрос, он покинул

Орден для того, чтобы приобрести что-то, что позже он отбросил. Последние несколько лет пролетели, как миг, ему казалось, что он не покидал Храм.

«Я был...эээ...полагаю, мудрецом деревни. Там я продолжил свое обучение с теми материалами, которые смог собрать».

Кейрос поднял брови; он был слегка озадачен.

Эканара пронзила мысль, что он изменился в глазах Кейроса, точно так же, как Кейрос изменился в его глазах. Когда он был молод, в нем было

жгучее желание увидеть все страны мира. Когда он поселился в Киото, ему казалось, что это временно. Но захватывающая культура и незнакомое общество были очень привлекательны и в конечном итоге наступила инерция.

«Я также внес свой вклад в воспитание ребенка, ну или, во всяком случае, в его обучение», сказал Эканар.

Кейрос тепло улыбнулся. «Так, значит, ты женат! Это то, в чем у меня, к сожалению, никогда не было выбора».

«Нет, не совсем. Я помогал растить сироту с очень странным происхождением. На самом деле, он и есть та причина, по которой я здесь, в Саксонии».

«О! Это имеет отношение к тому связанному и одурманенному молодому человеку на носилках?»

Эканар беспокойно двигался; его тело требовало все больше и больше его внимания.

«Да. Но боюсь, что история, которую я хочу тебе рассказать, причудливая и невероятная. История Шадрака очень странная».

«Пожалуйста, продолжай».

«Мальчик был найден около пятнадцати лет назад среди груды стоящих камней, расположенных в старинном святом месте. Когда его нашли, на вид ему было лет пять...».

Кейрос кивнул, в его глазах начал появляться искренний интерес.

«Он был усыновлен моим старым другом, беглецом-самураем по имени Ийеасу Танака. Мы с Ийеасу вырастили ребенка, но с самого начала было очевидно, что он необычный ребенок».

«Прежде всего, у него было врожденное знание Иврита, на котором, как ты знаешь, на Теллусе никто не разговаривает вот уже несколько тысяч лет, во всяком случае, за пределами Мистических школ. Кроме того, у него острый ум, необычайно зрелый и сосредоточенный».

«Ийеасу, который был когда-то капитаном в Охране Сёгуна, обучал его боевым искусствам, в то время как я давал ему всестороннее образование. Но на протяжении лет, проведенных в деревне Киото, сознание Шадрака время от времени впадало в странное состояние, его посещали ночные кошмары, он впадал в транс, при этом он казался одержимым. Я думаю, что Ийеасу знал об этом больше, чем я, но он не любил обсуждать это».

«Он был склонен к насилию?», спросил Кейрос.

«Его боевое искусство было почти идеально, и он тренировался, чтобы иметь возможность убить одной только техникой, хотя он, в соответствии с указанием своего отца, всегда избегал насилия».

Но, в конце концов, Шадрак убил троих людей в целях самозащиты и Ийеасу отрекся от него. Когда он вернулся в деревню, он уже был

самураем в Охране Сёгуна, приехавшего арестовать Ийеасу, который в течение двенадцати лет был беглецом, ронином.

«Ситуация так сложилась, что Сёгун приказал Шадраку убить Ийеасу. Мальчик подвергся сильной эмоциональной борьбе и в нем что-то сломалось. Когда он поднялся, он был одержим чем-то...ужасным. Это было существо такой злобы и ярости...

«Оно неистово разорвало почти два десятка самураев. Его мощь была устрашающей. Но оно было ранено в бою и, в конечном итоге, показалось, что Шадрак вернулся. Теперь его разум разрушен, но демон все еще приходит и уходит, хотя, его сила в полной мере уже никогда не сможет проявиться».

«И ты привез этого Шадрака в наш Орден за помощью?», неодобрительно спросил Кейрос.

«Ты - моя единственная надежда. Я не понимаю, в каком состоянии душа мальчика, или в чем его карма. Я до сих пор не могу осознать события, произошедшие всего несколько месяцев тому назад...».

«Мы не можем принять демона в священном Храме, ты это знаешь. Тем более такого сильного и к тому же неизвестного».

«Но пожалуйста. Мне больше не к кому обратиться за помощью!»

«Я сожалею. Прости, я не могу подвергать Орден риску».

«Ну тогда по крайней мере позволь спросить совета у Глав Ордена, или посоветоваться с таро. Конечно, это не повредит, но с демоном нужно что-то делать».

Кейрос немного подумал, затем кивнул.

«Согласен. Но сейчас тебе нужно лечь в постель. Твоя аура потускнела, и ты очень плохо выглядишь».

Он встал и обошел вокруг стола. Он взял руку Эканара, чтобы помочь ему подняться, но в тот момент, когда они соприкоснулись, внезапно отскочил.

«В чем дело?», спросил Эканар, очень смутившись.

«Ничего. Прости. Поднимайся».

Но Эканар заметил в глазах своего старого друга крайнее беспокойство.

*Эния
Месод Меццира
Заколдованный Лес*

Шел небольшой дождь, Детен шел, спотыкаясь, через позолоченные деревья Заколдованного Леса. Его черная одежда, более подходящая крестьянину, чем магу, была разорвана и полностью промокла от постоянного дождя. Его волосы были взъерошены и неопрятны, а лицо

было покрыто густой щетиной.

Он прошел больше двадцати миль и его истощенное тело устало и болело. Разум его ослаб и потерял сосредоточенность: вокруг него заговорщически шелестели зелено-голубые листья деревьев.

Остановившись отдохнуть, он прислонился к дереву. Внутри него бушевал сильный психологический конфликт: после первоначального принятия контроля Детена теперь Джаад боролся за то, чтобы вернуть контроль над своим телом. Две личности уже не были полностью разделены и Детену казалось, что он боролся с частью самого себя. Из-за того, что личность Джаада была гораздо более недавней, у более молодого было большое преимущество. Только непоколебимая воля Детена позволит ему удержать контроль.

Он ощупал рукой выцветшую отметку на лбу, которая была с ним с рождения. Он точно знал, как получил её. Мендас пытался убить его при рождении, придя в ярость из-за смерти его матери. Его сердце забилося быстрее, его заполнил гнев. Он попытался контролировать эмоции, но контролировать ненависть Джаада было невозможно; она копилась на протяжении многих лет оскорблений. Детен знал, что должен вернуть эмоциональный контроль и укрепить мышцы своего нового тела, иначе не проживет на Энии и недели.

Приближалась Темная Луна, креатура Лилит скоро будет свободно передвигаться; ему нужно двигаться быстрее. Детен знал, что когда Мендас и другие умрут, будет возможна интеграция Джаада в его душе.

Он оторвал себя от дерева и продолжил свой путь к ничего не подозревающей жертве.

Шеллус



...то, что видишь, напиши в Книгу и пошли Семи Церквам, находящимся в Ассии

- Откровения 1:11

И видел я в деснице у Сидящего на престоле Книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью Печатями. 2 И видел я Ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее?

- Откровения 5:1-2

Малкут Ассия
Город
Тренцлау

5

Сидя в своей личной келье для медитации, Кейрос держал жезл из лотоса над прекрасно декорированной колодой карт таро, одновременно визуализируя над головой белую сверкающую сферу.

Он произносил нараспев: «Призываю Тебя IAO! Ниспошли же ангела. Своего именем HRU, наблюдающего за всеми деяниями Тайной Мудрости, и да прострет он невидимо руку свою над этими картами Искусства для Посвященных, дабы я воистину узнал Скрытое, во славу невыразимого имени Твоего. Аминь».

Когда он сделал паузу, по его телу прошла дрожь астральной энергии и мрачного предчувствия. Это подтвердило его подозрение: о человеке, на которого он собирался гадать, заботились могущественные кармические силы. Прошло уже много лет с тех пор, как он последний раз использовал карты таро для чего-то другого, кроме медитации и ритуалов. В Ордене только неопиты использовали таро для гадания; единственной целью этого было пробуждение скрытых психических способностей.

Он произнес: «Прошу знаний о личности и силах, окружающих человека-демона Шадрак».

Он успокоил свой разум и начал тасовать семьдесят восемь карт. Он сосредоточился на имени Шадрак, давая своему подсознанию возможность манипулировать картами по своему усмотрению. Вскоре он отчетливо почувствовал, что должен остановиться. Он трижды снял колоду и затем сложил их в обратном порядке.

Он глубоко вдохнул и сконцентрировался. «Сигнификатор», сказал он, выхватывая первую карту и кладя ее на алтарь.

И хотя на лице не отразилось никакой реакции, он с удивлени-

ем смотрел на карту перед ним: Маг. Он знал, что эта карта в качестве Сигнификатора была присуща природе Шадрака. Хотя его это смутило и сбilo с толку. Это противоречило всему, о чем ему рассказал Эканар.

«Прошное», сказал он, а затем медленно положил следующие три карты: Любовники, Башня и Повешенный.

Ярко-раскрашенные картинки пробудили духовную интуицию Кейроса. Ему пришло видение о человеке, о котором он знал, что это Шадрак, но он был каким-то другим. С ним была прекрасная темноволосая женщина, которую было хуже видно; любовь между парой была очень заметной. Внезапно сцена была вытеснена огромной черной башней, отражающей только лунный и звездный свет. Вокруг башни двигались темные существа, и у него было непреодолимое ощущение, что там произошла ужасная катастрофа. Образ снова был вытеснен сценой, в которой гигантский волк пожирал беспомощного Адепта внутри темной, сырой комнаты. Кейрос с отвращением прогнал эту сцену, подавляя эмоциональную реакцию, растущую внутри него. Он инстинктивно знал, что видел фрагменты скорее предыдущей жизни Шадрака, чем настоящей.

Он изучил четыре карты, лежавшие перед ним, и понял, что все четыре относились к старшей аркане. Действительно, вокруг человеко-демона были сфокусированы могущественные силы. Он глубоко вдохнул, задаваясь вопросом, какие же еще отвратительные сцены ему предстоит перенести.

«Будущее», сказал он.

Он зачарованно смотрел на следующие три карты: Смерть, Сила и Борьба. Он сразу же понял, что Смерть была трансформацией, возможно, духовной, через которую Шадраку предстоит пройти. Следовательно, это была символическая смерть. Карта Силы означала то, что он приобретет через метаморфозу. Карта Борьба указывала на то, что результатом будет сильный боевой конфликт. О возможном исходе битвы не было никаких указаний.

Теперь перед ним лежали семь карт, все из старшей арканы, за исключением Боеба, которая была пятеркой жезлов. Он знал, что такой результат был в высшей степени невероятным. В колоде таро было семьдесят восемь карт: двадцать две из них составляли старшую аркану, сорок - младшую и шестнадцать карт - придворные. Преобладание в гадании старшей арканы было крайне редким явлением и всегда указывало на работу божественных или дьявольских сил.

Он сказал: «Связанные воздействия».

Первая перевернутая карта оказалась Рыцарь кубков.

Внезапно Кейроса посетило видение о невероятно красивой женщине с длинными черными волосами и очаровательными глубокими карими глазами. У нее было очень женственное, изящное тело и утонченные черты

лица. И хотя он чувствовал ее вспыльчивый и отважный характер, полный красоты и любви, он понимал, что она также способна и на месть, если ее вывести из себя. Кейрос узнал в ней женщину из его видения, связанного с картой Любовников. Если это так, то он понимал, что ее карма, должно быть, сложно и запутано связана с кармой Шадрака.

Он перевернул вторую карту и снова это была «придворная» карта - Король Мечей. Он открыл рот от изумления, когда получил ясное представление о высоком человеке крепкого телосложения с темными волосами. Глаза короля были похожи на черный янтарь: они были такими черными, что казалось, будто их бездушная глубина поглощает свет. У него было ястребиное лицо, иссеченное ужасными шрамами. Это была свирепая личность, обладающая огромной устрашающей силой, но в то же время он обладал острым умом и ловкостью.

Кейрос сразу понял, что этот человек был Адептом огромной силы. Кейрос выругался и оборвал психическую связь; он знал, что никогда бы не захотел стать врагом человека, которого только что видел. Видение об этом человеке и женщине, которая, судя по всему, тоже была Адептом, дало ему понимание безотлагательности проблемы Шадрака. Очевидно, его карма была очень важной, связанной с кармой многих других.

Задаваясь вопросом, с чем же он столкнется дальше, Кейрос перевернул третью карту. Это была Луна, карта, которая, на первый взгляд, казалась неуместной. Но он понимал, что за этим был какой-то смысл, который сразу не очевиден. Обычно эта карта означала ложь, обман, вероломство или отсылала к скрытым врагам. Он пристально смотрел на карту в замешательстве.

Затем он вдруг неожиданно почувствовал ужасное ощущение зла. Внутренним зрением он увидел передвигающееся огромное волкоподобное существо. Он сразу же понял, что это демон и, тяжело дыша, разорвал психическую связь. Хотя он видел немного, карты рассказали ему о многом, он знал, что это было связано с демоном, которым был одержим Шадрак, а значит, у него должна быть лунная природа.

Он содрогнулся, когда понял, что этот человек был, одержим единственным Архи-Демоном женского пола. Это могла быть только Лилит, Королева Ночи. Несмотря на то, что политикой Желтой Школы была эмоциональная отрешенность, в нем зародилась симпатия к молодому человеку, который сейчас лежал связанный в темнице собора.

«Каков будет окончательный исход судьбы Шадрака?», спросил он слегка дрожащим голосом. Он уже чувствовал себя связанным с ронином.

Он перевернул последнюю карту. Это было Колесо Фортуны. Ему сразу же стало ясно, что судьба Шадрака была четко спланирована его кармой и что судьба держала этот план при себе.

Он знал, что был еще один вопрос, который он должен задать, вопрос крайне важный.

«Что мне делать? Каковы должны быть мои действия?»

Он перевернул двенадцатую карту: это была Верховная Жрица. Он недоуменно нахмурился: эта карта никак не отвечала на его вопрос. Традиционное толкование в данном случае казалось неприемлемым. Единственное значение этой карты, застрявшее у него в голове по непонятной ему причине, было такое - Путь пересек Бездну.

Вдруг он почувствовал, как сквозь его астральное тело прошел сильный удар, и он резко выпал из своего тела. Он удивленно раскрыл рот: это происшествие было невозможно из-за защитного круга вокруг него, если только это не было или не исходило от величественной духовной силы.

Он автоматически сбросил свое астральное тело и его потянуло выше и выше, теперь его сознание находилось в более тонком ментальном теле. У него было ощущение, как будто его растягивают до невероятной высоты, тем не менее, со всех сторон мимо него все еще мчалась тьма. Он видел мимолетные проблески разных планов, но они мелькали слишком быстро, чтобы их определить; он знал, что поднимается выше, чем мог подняться без посторонней помощи. Внезапно он увидел перед собой огромную брешь, похожую на область небытия во вселенной. Здесь планы резко закончились. Это напоминало безбрежный океан небытия, в котором без конца появлялись странные и причудливые формы, чтобы тут же быть искаженными или разрушенными потоками, текущими через этот океан. С дрожью Кейрос осознал, что его взору предстала граница, отмечающая начало Бездны, пересечь которую не сможет ни один человек до тех пор, пока не обретет единство с Богом. У него было ощущение, что его растянули до огромного предела: его форма истончилась и едва существовала. Он чувствовал существ, призывающих его; хотя он их не видел, так как они не имели формы, их сущности танцевали и мерцали за пределами или по ту сторону Бездны.

Его видение вместо того, чтобы ограничиться, как в человеческом теле, теперь было всеведущим: он видел во всех направлениях. Его тело было растянуто до формы каната, а его «ноги» были далеко внизу, утопали в гармоничном желтом свечении Тифарет. Далеко внизу он видел золотые глобусы, танцующие вперед-назад вокруг Сефиры. Он понял, что это были трехмерные тени существ, обитавших над Бездной. Они были поразительно красивы.

Он чувствовал, что они собираются поговорить с ним, не посредством слов, а мысленными формами, вибрирующими в его теле.

«Судьба Шадрака имеет важное значение ...ты должен защитить его...».

Они говорили все вместе, их голоса проникали через его тело, подобно потоку жидкой теплоты. Он хотел раствориться в благозвучном экстазе. Он знал, что эти существа были совершенны во всех отношениях.

«Что я должен делать?», направил он к ним свои мысли.

«Ты должен разбудить того, кто почти один из нас...».

По внезапному изменению его вибрации стало понятно, что они прочитали его замешательство.

«Ты должен разбудить Магистра Темпли...».

Кейрос был потрясен.

«Мастера! Его не было в Храме на протяжении пяти веков!»

Он должен подготовить путь Малака...», прошептали величественные голоса; Кейрос позволил себе чтобы его унесло за звуком, погружившим его в состояние божественного восторга.

«Я разбужу Старика», подтвердил он.

И хотя он чувствовал, что задавать вопрос будет неправильно, он был слишком напуган совершенством этих существ, чтобы сопротивляться.

«Кто вы?», спросил он, пытаясь избавиться от приятного возбуждения и сосредоточиться.

«Мы - Chayoth ha-Qadesh - Живые Святые» (Chayoth ha-Qadesh означает Живые Святые Существа, Ангельский Хор или Орден Серафима, его глава - Архангел Кетера Метатрон (Ангел Присутствия) прим. Переводчиков).

Кейрос был в замешательстве: он знал, что эти ангелы принадлежат к Иецире Кетер. Они обитали намного ниже Бездны.

«Ты получаешь послание от Метатрона, Архангела Божественного Присутствия, так как не в состоянии принять его слова напрямую. Он, в свою очередь, получил указания свыше. Поскольку внутри Короны нет различия между Одним и многими. Мы все - образы одного и того же на разных уровнях...».

Тело Кейроса автоматически завибрировало в знак понимания.

«Теперь ты должен идти...», прошептали они ему. «Ради Малака, теперь осталось мало времени...».

Ментальное тело Кейроса стремительно сжалось и он почувствовал великую печаль. Он очень не хотел покидать обитель божественных существ.



Тедра дошла до конца коридора, который тянулся, извиваясь, через древние катакомбы. Ее дрожащий факел бросал танцующий свет на маленькую деревянную дверь, теперь гнилую и расколотую. Стоял угнетающий запах разрушения, разложения, гниения.

Она снова задалась вопросом, что же она увидит в келье старого Мастера? Она не ожидала увидеть ничего, кроме древнего скелета давно умершего человека. Вот уже более пятисот лет никто не видел Мастера, и она была уверена, что за это время он умер.

Подойдя к двери, она остановилась, чтобы отдышаться. Она осторожно постучала, безумно желая быть в другом месте. Она надеялась, что в катакомбах нет крыс. Это было крайне несправедливо, что Кейрос послал ее вместо того, чтобы пойти самому.

Она снова постучала, в этот раз сильнее. Вдруг она выругалась и ударила кулаком по двери, почти разрушив ее. Она посмеялась над своим положением: на глубине пятидесяти футов под землей она ждет появления пятисотлетнего старика. Это было смешно.

Внезапно раздавшийся голос заставил ее замолчать: «Вы нашли что-то смешное?»

Перед ней стоял человек в желтых одеждах; они были такими грязными и изорванными, что свисали с его тела, но лицо его было идеально чистым. Глаза человека проникали через нее, как будто они смотрели сквозь ее тело. Они были глубоко голубые, обрамленные еще одним дополнительным голубым кругом, который будто бы сиял.

«Простите, я...я...», пробормотала она, запинаясь.

Ее факел упал на землю, т.к. ее тело онемело от шока. Она напрыглась, когда свет погас и оставил ее в полной темноте.

Внезапно снова появился желтый свет. Старик держал факел перед собой, очевидно, он зажег его с помощью пальцев. Тедра стояла, со смешанными чувствами страха и трепета.

«Зачем ты побеспокоила меня, девушка?», не выражая никаких эмоций, голос, каким-то образом казался раздосадованным.

«Иерофант Ордена приказал мне это сделать, Магистр Темпли. У него дело чрезвычайной важности».

Адепт никак не реагировал. «Правда? Как долго я нахожусь в этих катакомбах?»

«О...я не знаю...мне сказали, что пятьсот лет, но...».

Он посмотрел слегка удивленно. «Я даже не представлял себе». Он пристально смотрел на нее. У него был двусмысленный взгляд: вероятно сильный, но каким-то образом не сфокусированный на физическом плане. «Что тебе от меня нужно?»

«Мне сказали привести вас к Иерофанту», сказала она неуверенно

И снова она почувствовала, что Адепт был недоволен этой ситуацией. Он очень быстро что-то пробормотал на незнакомом языке, глядя в потолок. Он кивнул головой и снова что-то пробормотал, будто получил ответ.

«Показывай дорогу, я последую за тобой», сказал он.

Тедра кивнула. «Могу я спросить, как вас зовут?»

На какой-то момент Адепт, казалось, смутился и нахмурился. «О, конечно. Там, где я был, в таких вещах нет нужды». Он вдумчиво посмотрел. «Я не помню своего имени в этом теле, но в большинстве воплощений я был известен как Галан».

Разгневанный человек разрушает себя в бою и в жизни.

- Самурайская Максима

Разгневанный человек разрушает себя в бою и в жизни.

- Самурайская Максима

Эния



Исход Мецира
Заколдованный
Лес

6

Детен кивнул с мрачным удовлетворением, когда достиг лазурного каскада водопада. Он хорошо его помнил, несмотря на то, что воспоминания Джаада были туманны. Он знал, что внутри скрытой пещеры найдет Мендаса и его людей.

Его тело чувствовало себя сильнее, а разум острее. И хотя он все еще был далек от пика своей мощи, он снова был силой, с которой следует считаться. Теперь, когда цель его была в пределах досягаемости, Джаад понял его намерения и больше не противился воле Детена.

Осмотревшись, Детен заметил часового, сидящего возле водопада. Он сразу же узнал его, хотя и не мог вспомнить его имя. Детен был уверен, что это человек из банды Мендаса. Он искал повнимательней и насчитал еще двоих охранников, укрытых среди зелено-голубой листвы деревьев.

Он ушел в укрытие и прильнул к земле. Взглянув вверх и увидел медленно темнеющее грязное пурпурное небо. Через полчаса стемнеет и затем, под холодным светом звезд он начнет свою охоту. Сегодня была Темная Луна. Начал появился странный едкий красный туман. Рядом с Детеном сгорбился Греймист, облизывающий свои челюсти в нетерпеливом ожидании, его глаза жадно пылали.



Звук падающей воды заглушил крики раненого в то время, пока Раад нетерпеливо точил свой кинжал, чем он был занят последние три часа. Он осматривал скалистую, сырую и холодную пещеру, расстройство планов стало причиной его гиперактивного поведения. Люди были в замешательстве; с тех пор, как ушел Мендас, было две сильные схватки.

У Раада не было такого, физического, авторитета, как у Мендаса и ему пришлось цепляться за власть, ранив для этого двоих людей.

Осталось девять дееспособных людей. Один охранял вход в пещеру, снаружи было еще четыре охранника, но они отступят в пещеру при первом признаке опасности. Волкоподобные демоны Темной Луны были проворными и смертельно опасными и опыт людей давал им хороший повод бояться их.

«При Мендасе такого не было», сказал обреченно Лорр, полируя свой арбалет.

«Мендас был пьяница», прорычал Раад. «Без него нам лучше».

«Когда он был нашим предводителем, среди нас не было ссор», продолжал Лорр. «Он был странный и был человеком настроения, и переменчивым, как ветер, но, по крайней мере, мы были едины».

«Попридержи язык, черт тебя побери! Или ты следующий познакомишься с моим лезвием!»

Странный смех раздался в из темноты. «Это не важно, Раад. Мы все умрем. Я видел это».

В пещере повисла смертельная тишина, раздавался только звук вездесущего водопада. Бандиты переместились поближе, чтобы послушать.

«Что ты знаешь, Фенрин?», спросил Раад, но голос у него был неуверенный.

«Я уже говорил тебе. Я видел это».

«Сон? В прошлом твои сны были ошибочными».

«Нет. Видение».

Раад замолчал. Видения Фенрина всегда сбывались. Они редко случались, но даже Раад не мог отрицать их точность. Он не мог так рисковать.

«Что ты видел, Фенрин? Расскажи мне всё!»

Фенрин рассмеялся и вышел на свет. Когда он говорил, в его глазах был оттенок безумия.

«Он идет за нами», сказал он.

Раад нахмурился и бросил взгляд на людей. «Кто идет за нами? Мендас? Он возвращается, чтобы напасть на нас, пока мы будем спать? Это было бы очень на него похоже!»

«Он идет за нами», повторил Фенрин почти шепотом. «Он наполовину человек, наполовину демон. Он стоит, как гигант, и двигается, как ветер. Его прикосновения достаточно, чтобы убить, и он владеет черным мифриловым мечом, более голодным, чем сама смерть».

Глаза рада сузились. «Это была галлюцинация, Фенрин. Такого создания не существует даже в проклятом лесу».

Фенрин встряхнул головой и странно хихикнул. «Он идет. Черный. Он идет за нами!»

Раад подошел и сильно ударил его по щеке, отчего тот упал на землю. Арбалет Фенрина поскользился по полу.

«Чертов дурак! Ты действительно в это поверил!»

Фенрин приподнялся, опираясь на локоть, и вытер кровь. Он рассмеялся.

«И первым умрет Корвин», сказал он. «Слушайте!»

Раад зарычал и нанес ему еще один удар. Но вдруг резко остановился. Из леса донесся душераздирающий крик. Волосы у него на голове зашевелились; кровь в жилах похолодела. Это был человеческий крик, но Раад знал, что этот был предсмертный ужасающий крик победителя; Корвин действительно был мертв.

Он поднял арбалет Фенрина и бросил ему.

«Занять позицию в задней части пещеры», командовал он. «Что бы это ни было, мы будем к этому готовы».



Детен беззвучно подкрался к своей добыче, передвигаясь с грацией пантеры. Лес в этом месте был не очень плотным. Густой темно-красный туман покрывал нижнюю часть леса подобно непроницаемому одеялу. Он был четыре метра в глубину, с такой отчетливой границей, что казался твердым. Ниже пояса абсолютно ничего не было видно.

Детен мягко передвигался, укрывшись под темно-красным одеялом. Он помнил расположение каждого дерева здесь и следовал по своему пути абсолютно уверенно. Он закрыл глаза, чтобы избежать раздражения ядовитым воздухом: в любом случае он ничего ими не видел. Он сорвал капюшон своего плаща, который он использовал, чтобы через него дышать. И хотя туман все еще обжигал его горло и легкие, ткань, по крайней мере, делала это ощущение терпимым.

Подойдя к цели, Детен замедлил ход. Он остановился, напряженно прислушиваясь и пытаясь уловить малейший звук. На некотором расстоянии он услышал волчий лай. Через несколько секунд на него ответили, этот вой прозвучал намного ближе. Детен нахмурился. Он знал, что под Темной Луной по лесу бродят многие существа; он не позволит им помешать его охоте.

В шести ярдах от него раздался тревожный шорох, нервная реакция на волчий вой. Звук был слабый, но это было все, что нужно Детену. Он выпрыгнул из своей засады, разрывая туман, подобно злобному демону. Испуганный стражник в ужасе замер и потерял свои внутренности. В свете красного тумана Детен был больше похож на мстительного сатану, чем на человека. Его гневный *kiaī* прогремел через лес более ошеломляюще, чем крики демонов Лилит. Звук прозвучал, словно дьявольский гневный вой, смешанный со сводящей с ума жаждой крови.

Черное лезвие Лишающего жизни устрашающе запылало, легко опустившись и срубив голову стражника с плеч. Забрав жизнь, меч вспыхнул алым светом, на мгновение осветив лес. Темная кровь брызнула из тела, упавшего на землю с глухим стуком; голова отлетела в туман.

Детен закрыл глаза и погрузился в барьер, ища руками тело охранника. Он нашел заряженный арбалет, но стрелы при падении стражника рассыпались. Поэтому он годился только для одного выстрела. Он извлек из тела бандита остро заточенный кинжал.

Он слышал, как трое других стражников звали друг друга, в их голосах чувствовался страх. Он понял, что они пытаются объединиться и отступить к пещере. Но это были голоса всех тех, кого Детен искал. Он начал подкрадываться к своей следующей жертве.

Крик ужаса подсказал ему, что Греймист нашел одного из стражников. Дальше было слышно только слюнявый звук пожираемой плоти.

Подойдя к нужному месту, Детен замедлил ход; следующий стражник бежал и его легко можно было проследить. Острый слух Детена уловил звук шагов рядом. Он пошел быстрее; он знал, что будет намного легче уничтожить их по отдельности. Несмотря на свою скорость, он двигался абсолютно бесшумно, используя магию, чтобы заглушить звуки в пределах ауры. Когда он подошел к ближайшему наемнику на расстояние в несколько ярдов, он издал гортанный рык.

Человек остановился и стал смотреть по сторонам. Арбалетная стрела пролетела через то место, где мгновением раньше стоял на коленях Детен. Солдат запаниковал, пытаясь перезарядить свое оружие. Такой возможности у него так и не появилось. Детен поднялся у него за спиной и, схватив его за волосы, резко дернул его голову назад. Кинжал проткнул кожу солдата между подбородком и шеей; проследовал через рот и язык и вошел прямо в мозг. Его смертельное движение остановилось только тогда, когда кинжал ударил в нижнюю часть черепа. По телу стражника пробежала конвульсия и он умер. Детен с презрением отбросил тело на землю.

«Стоять!», проревел последний стражник, целясь в него из арбалета.

Детен незаметно растворился в тумане и тихонько отошел от мертвого солдата. Он осторожно прислушивался, ожидая малейшего знака, выдающего положение его последнего противника. До его слуха долетали только звуки леса и вой волков, становящимися все более активными. Он высунул голову из тумана и криво улыбнулся: было похоже, что его враг тоже смешался с туманом. Это было своевременное напоминание о том, что он охотился не на шайку крестьян, все они были тренированными солдатами.

Последний бандит низко присел, неподвижный, подобно огромным дубовым деревьям. Он знал, что его можно выследить только по

шуму и старался не издать ни звука. Его слух напрягся, пытаясь уловить какой-нибудь знак человекоподобного зверя, охотящегося на них. В ушах звучал стук его сердца, такой громкий, что он думал, что ничего за ним не услышит. В едком тумане было трудно дышать, было ощущение, что вдыхаешь кислотные испарения.

Вдруг справа раздался треск придавленной листвы. Он развернулся и тут же выстрелил; и был вознагражден глухим звуком тяжелого падения, когда его стрела достигла своей цели. Раздался крик боли и что-то упало на землю.

«Попал, стерва!», ликующе пробормотал он с ликованием.

Он пошел через красный туман в поисках трупа своего врага. Через несколько секунд он подошел к точке падения. Он старательно прислушался, но ничего не услышал. Он нерешительно вытянул руку.

Его пальцы нащупали оперение его стрелы и он, улыбнувшись, заскользил по древку стрелы. Он в ужасе замер, когда его пальцы неожиданно натолкнулись на грубую кору дерева. Он мгновенно понял, что это ловушка.

«О, черт дерьмо!»

Детен выстрелил из арбалета с расстояния меньше фута. Стрела сильно ударила в лоб, как раз над глазами. Силы удара хватило, чтобы пробить его череп. Лицо охранника исказилось от смертельной боли, когда был, проткнут его троичный нерв. В тот момент, когда полушария его головного мозга ударили по задней части черепа, сознание милосердно покинуло его. Он упал назад на землю, обретая облегчающее забвение.

Детен поднялся и высунулся из тумана на высоту своего роста в семь футов. Он зловеще улыбнулся. Внутри него радовался Джаад, охваченный жадой крови. Разум Детена теперь был сосредоточен, его тело подвижно и быстро.

«А теперь пришел черед Мендаса», сказал он, направляясь к водопаду.

Через несколько минут он дошел до пункта назначения. Он нажал указательным пальцем левой руки на губу и его аура засияла голубым. Он шагнул в водопад и ни одна капля не коснулась Детена, так как его аура отражала воду. Он вошел в пещеру за водопадом.

Предупреждение о его присутствии мгновенно отозвалось в проходе эхом. Прошло несколько секунд, прежде чем его глаза привыкли к полумраку. Он прошел вперед, чтобы рассмотреть смутные очертания человека в нескольких ярдах от него.

«Все в порядке - это всего лишь слабоумный сын Мендаса!», закричал стражник.

Осколок Джаада внутри Детена закипел от гнева. Он узнал этот голос; это был человек, под чьим сапогом Джаад страдал много раз.

Он придвинулся к человеку, его глаза сверлили в полумраке стражника. Внезапно стражник понял, что слабоумный вел себя как-то по-другому. Он с любопытством подался вперед.

«Так, значит, ты вернулся, да?», ухмыльнулся он. «Должен сказать, что мой сапог скучал по твоей заднице».

Он размахнулся, чтобы дать Детену пощечину, вложив в удар весь свой вес. Детен легко поймал и крепко схватил его кулак.

«Это за Джаада», злобно прошептал он.

«Минуточку, ты не...», начал стражник, его лицо стало пепельным.

Он закричал, когда Детен сломал ему запястье. Другой рукой Детен схватил его за горло. Его сильные пальцы обхватили трахею стражника, проникая через кожу. Детен с треском вырвал трахею из его горла.

Кровь хлынула из артерий шокированного стражника, вылупившегося на остатки своего горла в руке Детена. Он пытался дышать, но вместо этого из него выходил громкий и болезненный звук. Он рухнул, душимый агонией.

Детен смотрел на тело с презрением. Он нагнулся, чтобы тереть руку о рубашку скрючившегося человека. Затем встал и целеустремленно шагнул в пещеру. Внутри не было света, но Детен сконцентрировался камне Лишающего жизни и тот вспыхнул красным, осветив пещеру.

«Пойди и поймай его, кретин», услышал он из темноты голос Раада.

Детен прошел вперед, но неожиданно почувствовал, что сзади него враг. Он повернулся, чтобы увидеть двух солдат, наступавших на него от входа. Оба немедленно атаковали.

Первый прыгнул вперед, целясь в сердце Детена. Детен отскочил от лезвия в сторону и схватил руку бандита. Он нанес противнику по лицу локтевой удар маваси-эмпи, разбив ему скулу. Детен скрутил локоть врага вниз; мгновение спустя его колено резко разбило сустав.

Он дал человеку упасть и повернулся к следующему солдату. Тот нанес удар варварским копьём с железным наконечником. Детен использовал свой тай-сабаки, чтобы ускользнуть от оружия. У солдата не было никаких шансов. Детен атаковал с помощью нукете, воткнув второй и третий пальцы через глаза своего оппонента в его мозг. По телу солдата пробежала судорога и он упал на пол, мертвый.

Третий атакующий выскользнул из темноты и нанес Детену удар в челюсть. Он упал на пол. Черный маг злобно выругался. Он выгнул спину и поднялся на ноги прежде, чем его противник смог бы снова нанести удар.

Солдат снова атаковал, нанося еще один удар; Детен быстро передвинулся, чтобы заблокировать его. Слишком поздно, он понял, что

в руке нападающего прячется черный кинжал. Оружие глубоко вошло в предплечье Детена. Он вскрикнул от боли и внезапно нанес боковой удар по колену солдата. Было слышно, как треснула коленная чашечка его противника; человек закричал и согнулся. Детен продолжил, нанеся удар локтем по затылку, между вторым и третьим позвонками. Бандит тут же потерял сознание и упал на пол, медленно умирая от дыхательно-го паралича.

«Стреляй!», скомандовал голос Рада, когда он вышел из круга света Лишающего жизни.

Фенрин проскользнул за валун и прицелился из арбалета. Он выстрелил, не дав врагу ни единого шанса отреагировать. Стрела летела по воздуху, прямо Детену в сердце. Ему хватило времени только на то, чтобы создать Знак Hapocrates. Его аура вспыхнула синим и стрела при соприкосновении с ней замедлила свой ход, как будто двигалась сквозь вязкую жидкость. Она отклонилась, оттолкнулась от его сердца, но ребром поцарапала кожу, нанеся потери его одежде.

Детен сократил расстояние между ним и Раадом. Он остановился в нескольких футах от перепуганного главаря. Фенрин, сдавшись, сложил свое оружие; у него не было желания атаковать черного мага.

«Ну же, Раад», подстрекающее прошептал Детен. «Сколько раз ты говорил моему отцу, что меня нужно избавить от страданий? Это твой шанс!»

Рука Рада в страхе сжалась.

«Я буду твоей смертью, слабоумный!», прорычал он.

Улыбка Детена была безжалостно покровительствующей. «Жду этой благоприятной возможности».

Раад задрожал от гнева, но пристальный взгляд Детена заставил его замереть: он чувствовал себя парализованным.

«В любом случае ты - покойник», сказал Детен. «Но можешь попытаться».

Раад прокричал *kiäi* и сдвинулся с места. Он встал в позицию для нанесения удара и начал доставать меч из ножен. Детен безразлично наблюдал до тех пор, пока лезвие не оголилось полностью. После этого он молниеносно вытянул алое лезвие кровожадного Лишающего жизни. Мечи встретились, выпустив вспышку синих искр.

«Нет, Раад. Гнев - не слабость, а сила!»

Глаза наемника запылали еще сильнее. Он размахивал своим мечом, пытаясь обезглавить своего противника. С невероятной скоростью Детен пустил в ход Лишающего жизни. Меч Рада был вырван из его руки. Детен на мгновение остановился, прежде чем довести дело до конца.

Их глаза встретились. «Пусть твоя следующая жизнь будет более полезной, чем эта».

Раад наклонил голову, принимая эти последние слова.

Лишающий жизни разрезал его живот насквозь. Раад был мертв прежде, чем упал на землю.

Фенрин был последним оставшимся в живых. В страхе, он снова схватил свой арбалет.

«Нет необходимости в таком насилии», сказал Детен.

«С тобой я не ссорился». Он сделал паузу. «Если только ты не хочешь сделать это сейчас».

Фенрин отбросил арбалет.



Фенрин со страхом наблюдал за тем, как зловещая фигура Черного Адепта отступила в пещеру, в его руках была связка дров.

«Могу я вам помочь?», спросил он нервно.

Детен бросил дерево, сохраняя молчание.

«Мне собрать дрова?», спросил Фенрин.

«Нет».

Детен опустил на колени возле вязанки и вытянул пальцы.

Из них вылетели искры и дерево запылало. Фенрин уставился с недоверием; ему казалось, что он видит крошечные создания, мечущиеся в пламени туда-обратно. От костра не шло никакого дыма.

«Кто ты?», спросил Фенрин. «Я видел тебя в своем видении перед тем, как ты пришел».

Черный колдун сел, скрестив ноги.

«Я Детен».

«Черный из Второго Зона?»

«Вполне возможно».

Фенрин нервно облизал губы.

«Ты вернулся, чтобы освободить Темную Госпожу из Башни?»

«Возможно».

Вдруг Фенрин вздрогнул - в пещеру зашло нечто огромное и ужасающее. Он задержал дыхание, когда Греймист подошел ближе; он потянулся за арбалетом.

«Нет!», скомандовал Детен. Фенрин замер.

Демон угрожающе зарычал и откинул намного меньшего волка, которого нес. Затем лег рядом с Детеном.

«Ешь», сказал Детен..

«Ты не присоединишься ко мне?», спросил Фенрин, когда вынул свой нож.

Детен встряхнул головой. Он не ел мяса, но не по этическим причинам.

«Ты управляешь демонами», сказал Фенрин. «В песнях говорится, что в тебе много зла и тьмы».

«Они, несомненно, правдивы.», произнес без интереса Детен. «Я не причину тебе вреда».

«Ты был Джаадом. Ты знаешь, что я всегда хорошо к нему относился. Я ни разу не ударил парня!».

Детен улыбнулся, но это была зловещая улыбка.

«Именно поэтому ты жив», сказал он. «Где Мендас? Он последний из тех, кого я ищу. И самый важный».

«Он ушел в Гором. Он ищет тебя», сказал Фенрин. «Он ищет информацию о тебе в Желтой Школе. Пустая трата времени, скажу я. Желтая Школа слаба и глупа».

«Это ты слаб и глуп», сказал Детен. «А Желтая Школа определено не такая. Он всегда была самой сильной из трех школ, и самой организованной. Если они когда-либо выбирали чью-то сторону то никто не мог устоять против них».

Фенрин покорно смотрел в землю. «Мендас думает, что ты убит инициатом Желтой Школы».

«Это почти произошло. Когда мой отец ушел?»

«Прошлой ночью».

«Значит, у него есть преимущество передо мной», сказал Детен. Он повернулся к Греймисту. «Разыщи моего отца в Гороме.». Он отправил демону образ Мендаса. «Возьми его живым и приведи его ко мне. Но не убивай его. Мендас должен умереть от моей руки».

Греймист зарычал и выскочил из пещеры.

Черные глаза Детена вперились в Фенрина. «Похоже, моя первая цель - в Гороме. Но следующая моя цель - далеко на западе, в дикой местности. Скажи мне, что ты знаешь о существе по имени Уорлок?»

Эния



Под «Пустотой» я понимаю то, что не имеет начала и конца. Постигание этого принципа означает его непостижимость.

Путь стратегии - это путь природы. Когда ты почувствуешь силу природы, ощущая ритм каждой ситуации, ты будешь способен наносить удары и атаковать противника естественно. Вот - Путь Пустоты. Я намерен показать, как следовать ему, согласуясь с природой.

- Миямото Мусаси

Исход Меццера Город Гором

Если ты освоил принципы фехтования, и ты свободно можешь победить одного бойца, значит, ты можешь победить любого человека в мире. Дух победы над одиночкой подобен духу победы над десятью миллионами. В моей стратегии один человек - это то же, что и десять тысяч, таким образом, это и есть вся стратегия воина.

- Миямото Мусаси

Кассиус ввалился в темную комнату и рухнул в обветшалое кресло. Он потерял свои уставшие глаза и издал стон; он был слишком истощен, чтобы встать и зажечь масляную лампу.

В течение четырех часов он разыскивал Лину в Гороме; он был духовно и физически истощен. Город был огромный и зрелище процветающих здесь деградации и разврата повлияло на него; он чувствовал слабость и презрение.

Он увидел невольничьи рынки, бордели под открытым небом и боевые арены, на которых чудовища отрывали конечности обвиняемым, вне зависимости от того, виновны они или нет. Прямо на городских улицах были воры и убийцы, редкие и экзотические наркотики. Злобно убить врага было в Гороме обычным делом и считалось совершенно законным, но нищего за кражу куска хлеба «вознаграждали» ареной.

Еще более мучительным был легион храмов. Они были посвящены во множество зловещих сил, которые он не смог опознать. В каждом из них была наблюдающая статуя Темной Богини - Лилит. В эту ночь месяца, когда дневной свет уступил место черноте Темной Луны, этажи храма окрасились в темно-красный цвет крови. Некоторые жертвоприношения были добровольными, большинство из них - нет, но для орущей толпы не было никакой разницы. Они надеялись успокоить свою хозяйку, успокоить ее ужасный гнев, который бушевал каждую Темную Луну.

Болезненная ярость поднималась внутри Кассиуса. Он хотел разрушить до основания весь город. Он знал, что судьба Софии станет такой же, как судьба Горомы, если Уорлок когда-нибудь получит контроль над ней.

Он заставил себя подняться, подошел к чаше с водой, приготовленную заранее. Он плескал на себя холодной жидкостью, смывая пыль и грязь со своего лица. Он вслепую дотянулся до полотенца и вытерся. Вскоре он продолжит свой поиск.

Где этот чертов земной элементарь? - подумал он с раздражением.

Жуткий красный свет окрасил мрак комнаты. Он подошел к окну. Гором был перед ним, как инфекционное заболевание. Плохо построенные из дешевого дерева, здания были ветхими и обгоревшими; тесные и редкие, они достигали трех-четырёх этажей в высоту.

Улицы - узкие и клаустрофобные, кошмар архитектора - создавали запутанную структуру, оскорбляющую взор. Многие здания «сутулились» напротив друг друга, склонялись через улицу, образуя темные, зловещие проходы. Казалось, что если подтолкнуть одно здание, то весь город рухнет, подобно десяти тысячам домино.

Небо, равномерно окрашенное от темно-пурпурного до полночно-черного, теперь становилось ярко-алым. Ниже, на улицах города, появился красный туман. Кассиус напрягся: он знал, что скоро начнется кошмар. Люди торопились укрыться в своих домах. Стражники в черной униформе неохотно занимали оборонительные позиции, чтобы защитить богачей.

Кассиус почувствовал тяжесть на своих гетрах и посмотрел вниз. Он нахмурился, увидев за собой миниатюрную фигуру Сквинта.

«Где ты был, черт возьми?!», спросил он сердито. «Я искал много часов!»

Гном взволнованно запрыгал и запищал что-то на странном языке.

«Ты нашел Лину?»

Сквинт подмигнул и побежал по направлению к двери, его маленькие ножки быстро двигались вперед-назад, а живот подпрыгивал; через секунду он прошел через нее. Кассиус выругался и последовал за ним.

Минутой позже он мчался по темным, опасным улицам Горома. Красный туман сгущался. В нем скрывались полуоформленные существа, но Темная Луна встала еще не полностью и Кассиус пока остался невредим.

Сквинт вцепился в гриву коня, его тучное тело прыгало вверх и вниз. Когда они приблизились к концу улицы, он на мгновение ослабил свою хватку. Он издал сдавленный крик, когда резкий удар заставил его катапультироваться с шеи лошади.

Кассиус выругался. «Чертов элементарь!»

Он повернул направо - на следующую улицу. Через мгновение Сквинт появился на вершине здания перед ним. Элементарь угрюмо потирал ягодичы, но остановился, увидев мчащегося к нему Кассиуса.

Он указал в темную аллею и начал настойчиво подпрыгивать.

Кассиус пришпорил коня, молясь, чтобы не опоздать.

☆☆☆

Лина остановилась, подойдя к огромным, проржавевшим воротам Горома. Посмотрев вверх, она задрожала от страха при виде колоссальной шестиугольной стены, окружавшей когда-то мирный город. Зубцы стены были укреплены устрашающими пиками, направленными наружу, чтобы отражать попытки взобраться на нее.

Лина находилась в постоянном потоке людей, ищущих относительную неприкосновенность города в эту самую опасную из ночей. Спертый запах пота и аромат острых специй смешивались в толпе, образуя всепоглощающее зловоние.

Вскоре Лина поняла, что привлекает нежелательное внимание мужчин. Баст ровно сидела у нее на плече и шипела на каждого, кто смотрел на нее. Друг семьи была не больше нынешнего домашнего кота, но ее мускулистого тела и чужих недобрых зеленых глаз было достаточно, чтобы напугать даже самых развратных. Лина собрала свои длинные черные волосы и натянула на голову капюшон. Она погладила Баст, чтобы успокоить ее, и через несколько мгновений друг семьи перестала пугать толпу и удовлетворенно замурлыкала.

Лина размышляла о том, где был Сквинт. Она не видела гнома уже несколько дней, хотя это не было чем-то необычным. Иногда он исчезал на несколько недель, играя с другими элементами на своем родном плане. Обычно он возвращался, когда ему становилось скучно, или чтобы подразнить Баст.

Возможно, оно и к лучшему, что его здесь нет, подумала Лина.

Толпа вокруг нее становилась все более раздражительной от нетерпения и то тут, то там стали возникать потасовки. Быть схваченным снаружи без всякой защиты в Темную Луну означало бы верную смерть. В руке у Лины был ее кинжал на случай необходимости. В левой руке она держала черную четырехгранную дубинку, но всегда было полезно иметь подстраховку. Она мягко водила пальцами по знакам, нарисованным на рукоятке кинжала. Когда-то он принадлежал ее матери. Йихана пыталась с его помощью убить Лину в ночь, когда та покинула храм Желтой Школы. Однажды, много лет назад, этим оружием Йихана убила молодую женщину после того, как приняла у нее роды. Лина помнила, как мать рассказывала ей эту пугающую историю.

Она гадала, жива ли Йихана. Прошло две недели с тех пор, как ее мать напала на нее. Баст вмешалась, набросившись на Йихану и ранив ее, но у Лины не было ни малейшего понятия о том, убила ли Баст ее мать, или оставила раненую. Она вопросительно посмотрела на друга семьи. Умные зеленые глаза Баст блеснули с непониманием.

«Ну, так ты убила ее?», спросила Лина.

Она знала, что Баст понимает, о чем она думает; друг семьи обладала странной телепатической способностью, которую она могла использовать для общения со своими хозяином и хозяйкой. О Баст было известно очень немного; хотя друг семьи была по крайней мере такой же разумной, как человек, она редко общалась каким бы то ни было образом. Даже Малак после трех жизней, проведенных с ней, мало знал о способностях друга своей семьи. Единственное, что было известно наверняка, это абсолютная преданность хозяину и хозяйке.

«Ну? Убила?»

Баст наклонила голову и лизнула лицо Лины языком, похожим на наждачную бумагу.

«Ты мне не скажешь, правда?»

Баст игриво ударила ее по лицу и издала своеобразный кашляющий звук, который Лина когда-то определила как смех; кошка издала странный звук. Теперь люди в толпе таращились на Лину, удивляясь тому, что она разговаривает с кошкой.

«Мы продолжим этот допрос позже», прошептала она.

Баст снова издала кашляющий звук и прижалась к ее щеке.

За несколько минут она дошла до огромных ворот. Она была благодарна: близость толпы пугала ее. У ворот было несколько стражников, проверяющих входящих путников. К Лине подошел один из них - маленький, слащавый человек, его тело было слишком мало для висевшей на нем кольчуги.

Он откинул ее капюшон и бросил на нее ужасный плотоядный взгляд.

«Какое у тебя дело, девка?»

Лина боролась с сильным отвращением.

«Мне нужно отдохнуть две ночи».

«Ты, конечно же, не новенькая для одного из борделей?»

Глаза Лины гневно вспыхнули; ее руки сжали дубинку, которой она намеревалась нанести ему удар в пах. Баст зловеще зарычала, издав страшный звук. Стражник отошел назад, не уверенный в том, какое из существ было опаснее - женщина или кошка.

«Я не хотел вас обидеть, мадам», сказал он неуверенно, отступая под силой ее пристального взгляда. «За вход - две монеты и, возможно, я не возьму с вас монету за вашу дубинку».

Лина нахмурилась и вынула из кошелька на поясе три медные монеты.

«Мне не нужно никаких одолжений», сказала она холодно.

Стражник осторожно взял монеты, вежливо откинув свой шлем.

Лина вошла в Гором. Это был первый город, который она видела в своей нынешней жизни, и она была шокирована увиденным. Город

предстал перед ней, как смертельная инфекция, его строения были сочетанием дешевого дерева и необработанных кирпичей, многие из них были заброшены или повреждены огнем. Идолы причудливых богов и демонов, некоторые - окрашенные кровью, стояли, словно часовые, на углу каждой улицы.

Даже с внешнего края города запах был всепоглощающий - некая странная смесь, было сложно определить, из чего именно она состояла, но основной ингредиент был очевиден - отбросы и нищета. В Гороме не было никаких санитарных приспособлений, кроме Реки Уай, мутной от коричневого ила и отходов.

Когда Лина вошла, она почувствовала, что бросается в глаза; хотя ее желтые одежды были в дорожной пыли, по сравнению с общей толпой она была одета чисто и опрятно. Она уже привлекала внимательные взгляды. Жители города были грубы и несдержанны, все они были вооружены. Истинные наемники и солдаты, нетерпимые и высокомерные профессионалы, были легко узнаваемы по их кольчугам.

Пыль покрыла город; пурпурное небо начало темнеть. Лина знала, что должна найти убежище на ночь. Она подозревала, что город сегодня ночью будет мало спать - везде рыскали вооруженные стражники, в ожидании ужаса, который принесет ночь.

Она прошла какое-то расстояние в поисках гостиницы, в которой было бы свободное место. Вскоре она поняла тщетность ситуации - в каждую гостиницу стояла очередь, достигавшая половину улицы. Было очевидно, что даже те, кто был в начале очереди, уйдут ни с чем. Она планировала найти храм Желтой Школы и поискать приюта там. Технически она все еще была инициатом Желтой Школы и не было причины, по которой ее могли бы не принять, так как она знала необходимый пароль, но храм Желтой Школы был где-то в северной части города, а на то, чтобы пересечь Гором, уйдет полчаса. Она посмотрела вверх на стремительно темнеющее небо и поняла, что у нее не было так много времени.

Она пристально вглядывалась вокруг.

Думай, Лина! Думай!

Со всех сторон мимо нее мчались люди, ищущие безопасности у себя дома. Те, неместные, кому не повезло, стояли в очередях, неуверенные в том, что им делать. Они вошли в Гором в поисках убежища и, если у них не было денег, они его не нашли. Лина была полна решимости не стать еще одной наивной жертвой. Она не позволит, чтобы это произошло.

Ее взгляд остановился на двух мужчинах, стоящих через улицу и наблюдавших за ней. Один был высокий, другой, скорее, коротышка. Смотря на нее, они над чем-то смеялись; ей не было интересно, о чем шла речь, но она была готова рискнуть чем угодно, чтобы найти убежище. Она начала пробираться к ним через толпу.

«Простите, вы оба местные?» Вопрос казался глупым, но ей нужно было с чего-то начать.

«Да, милочка. А вот ты - не местная», сказал высокий. Он посмотрел на своего друга, и они засмеялись, как школьники.

«Я ищу убежище. Не могли бы вы подсказать, куда мне идти? Я могу хорошо заплатить».

«Если твои монеты не золотые, то сегодня ты не найдешь убежище», сказал коротышка. «Ну, или если у тебя нет другого товара». Его глаза пробежали по ее телу, хорошая фигура была заметна даже через одежду.

Лина нахмурилась. «Я - Желтый Адепт», солгала она.

«Я никогда не опущусь до такого уровня».

«Жаль».

«Жаль», согласился высокий. «Похоже, тебе придется остаться снаружи».

«Вы уверены?», спросила она, ее глаза пылали. Сидящая у нее на плече Баст наклонилась вперед и зарычала. Раздавшийся звук подошел бы, скорее, тигру, чем кошке. Внезапно эти двое стали вежливыми.

«Вы могли бы попытаться в Темной Расщелине», быстро сказал коротышка. «Это около пяти минут вниз по улице. Это единственное место, где вы сможете найти свободную комнату. Но тамошние клиенты могут быть опаснее, чем приспешники Лилит».

Высокий тихо посмеивался, нервно поглядывая на Баст. «Это место, как магнит, притягивает весь городской сброд. Воры, убийцы, бандиты. Они единственные, кто осмеливается туда войти. Они общаются с себе подобными».

«Самый высокий подсчет тел в Гороме», сказал его друг.

«Подсчет тел?»

Коротышка оскалился, обнажив почерневшие зубы. «Количество убитых за ночь. Они все кончают в Уай, уносимые течением. Видишь ли, задняя дверь открывается на реку».

«Но если ты Желтый Адепт, то, возможно, уцелеешь», сказал высокий. «Конечно, такая красивая женщина, как ты, очень быстро обратит на себя внимание. Единственные красивые женщины там работают и зачастую не получают за это денег. Рабыни, понимаешь».

Глаза Лины сузились от отвращения. «Спасибо», сказала она холодно.

«Уверена, что не хочешь остаться с нами?», спросил коротышка. Он придвинулся, чтобы откинуть ее капюшон. «Конечно, тебе придется поиграть с нами, но это будет безопаснее».

Баст выпустила когти, глубоко ранив его в руку. Она спрыгнула с плеча Лины и, продолжая рычать, прижала мужчину к двери.

«Ааааа! Это не кошка, это демон!», закричал раненый. Высокий быстро отступил назад, на случай, если его друг еще больше разозлит друга семьи.

Лина улыбнулась с удовлетворением. «Пойдем, Баст. Нам нужно найти жилье».

Она развернулась и продолжила свой путь вниз по улице. Баст бросила сверкающий взгляд на припертого к стене мужчину и спрятала когти. Она побежала за своей хозяйкой.

Теперь небо было алое. Лина знала, что у нее остались считанные минуты до того, как начнется ужас Темной Луны. Люди вокруг нее паниковали, разбегаясь во все стороны. Жители Горома уже укрылись в своих домах.

Ветер донес раздражающий звук. Лина посмотрела вверх и мрачно улыбнулась. Это была Темная Расщелина. Когда она подошла, несколько путников попытались силой войти в дверь. Раздался крик, и они внезапно отскочили назад, убегая в поисках приюта в другом месте. Лина поняла, почему: на пороге лежали двое умирающих, жестоко отброшенных огромным вышибалой.

Она сжала покрепче дубинку и пошла к двери. Перед ней маячил вышибала, удивленный ее смелостью.

«Это место без церемоний, мисси», сказал он. «Проваливай!»

Лина шла весь день и была физически истощена, но она сосредоточилась, чтобы освободить свою магическую энергию. У нее в запасе была лишь тонкая струйка - Темная Луна работала против нее. Она поняла, что требуется более тонкий подход.

Вышибала замер, когда она обратилась к его разуму, осторожно манипулируя его ощущениями. Его воля была на удивление крепкой, но его сопротивление длилось всего секунду. Он выглядел удивленным, как будто не был уверен в том, что делает. Лина перешагнула через тела и быстро проскользнула мимо громилы в таверну.

Основная комната таверны была тусклой и грязной, по углам было столько теней, что было невозможно угадать, что в них притаилось. Запах табака и марихуаны смешивался с горьким ароматом опиума. Лина заморгала глазами, раздраженными густым дымом.

Она подошла к бару, чувствуя на своем теле внимание множества взглядов. В воздухе витала атмосфера напряженного ожидания. Несколько человек разговаривали; большинство клиентов сидели одни, теряя себя в наркотическом забвении. Учитывая безумную толпу снаружи, комната была достаточно пустой. Лина не могла не заметить двоих: одного лежащим на столе, второго - на полу, оба бездыханно пилились в потолок.

Бармен подошел к ней. Это был лысый человек невысокого роста, но очень широкий в плечах. Он пробежал по ней глазами, но не

показал самодовольного отношения тех двоих снаружи. Она поняла - это потому, что она прошла невредимая мимо его вышибалы, это дало ей право войти в его таверну.

«Чего тебе?», прорычал он, вынимая изо рта трубку.

«Комнату», сказала она, «на две ночи. Пока не закончится фаза луны».

Он усмехнулся. «Ты думаешь, у меня есть комнаты в это время месяца? Они полны. Забито двадцать комнат. Но ты можешь остаться здесь, если хочешь». Он указал рукой на основную комнату.

«Сколько?»

Он пожал плечами. «Для такой красивой дамы, как ты, - нисколько».

«Оставьте свою благотворительность», холодно сказала Лина, оставляя на баре серебряную монету. «И дайте мне кружку воды».

Бармен удивленно поднял бровь. «У вас твердый характер, мисс». Он весьма грубо улыбнулся. «Но он может вам пригодиться здесь, когда они...начнут приставать».

Лина взяла кружку с водой и села за свободный столик рядом с выходом, спиной к стене. Баст расположилась в центре стола, ее глаза были закрыты, она дремала, но уши ее обследовали комнату. На несколько минут пристальные взгляды некоторых посетителей задержались на Лине, но в конце концов их внимание ушло. Несмотря на сказанное ей теми двумя, в таверне не было женщин. Казалось, что в такую ночь у мужчин не было для этого настроения. Они просто искали забвения в наркотиках или алкоголе. Она криво улыбнулась; вероятно, это была самая безопасная ночь месяца, так как никто не хотел насилия.

Он сделала небольшой глоток воды. Она имела горький вкус, а кружка была грязной, но она испытывала такую жажду, что ей было все равно.

«Закрой дверь!», крикнул бармен. Вышибала вошел в таверну и захлопнул дверь, укрепив ее большой деревянной перекладной. Ветер тревожно завывал.

Внимание Лины привлекла группа мужчин на другой стороне комнаты. Их было не меньше дюжины, возможно, солдаты или бандиты. Один из них как будто пялился на нее, хотя в темноте трудно было понять. Это не был обычный распутный взгляд, который на нее бросали. Это был взгляд, полный ненависти. Она натянула на голову капюшон и отвернулась.

Она выпила воды, обдумывая свое положение. Ее план - отыскать Небесную Башню. Она намеревалась найти там некоторые ответы на свои вопросы. Цель ее была проста - найти Малака. Небесная Башня была единственным пришедшим ей в голову местом, где она могла его искать. Она жаждала вновь соединиться со своим мужем; без него она чувство-

вала себя опустошенной. Они были разделены во времени на тысячу лет, но реальная продолжительность во времени казалась намного больше, чем эта.

Лине было непросто приспособиться к новой Энии. В своей предыдущей жизни она обладала натурой радостной, восхищавшейся красотой и природой, но опыт в теле Фионы изменил ее. Она никогда не была слаба духом: даже когда общалась с Белыми Адептами, которые были почти пацифистами, она не испытывала нехватки мужества. Однако благодаря опыту Фионы с Йиханой теперь она обладала более глубокой силой.

Ее самопожертвование Лилит также очень усилило ее. Благодаря боли и страданиям, через которые она прошла в тот безмерный период в Клиппоте, физическая боль казалась теперь мимолетной и нереальной. Хотя, с другой стороны, этот опыт ослабил ее, так как простого упоминания Лилит было достаточно, чтобы по ее телу прошла ледяная боль. Она боялась Архи-Демона всеми фибрами своей души.

Снаружи раздавался пронзительный крик ветра, когда сущность Лилит поднималась над Энией, покрывая ее подобно лоскутному одеялу. Где-то вдалеке раздавался вой волков, собиравшихся в охотничьи группы. Лина невольно вздрогнула.

Вдруг в комнату проник глубокий гортанный рык. Баст быстро открыла глаза, черные зрачки тревожно сузились. Она прошипела (в сторону) своей хозяйки; Лина сразу же поняла, что появилась опасность. В комнате повисла тишина, когда клиенты поняли, что звук шел с улицы. Некоторые взяли в руки свое оружие. Этот звук был необычным даже для Темной Луны.

Дверь мягко задрожала, затем - более настойчиво. За дверью раздалось раздраженное рычание.

«Проваливай», проворчал вышибала. «Здесь нет ничего интересного. Проваливай!» Он сжал в руке страшный на вид молот.

Но было очевидно, что существо снаружи выбрало Темную Расщелину с определенной целью.

«Это за нами, Мендас!», сказал один из группы бандитов. «Вспомни, что сказал Фенрин! Он сказал, что мы умрем в Гороме!»

«Тихо!», прошипел главарь. Он все еще пристально изучал Лину враждебным взглядом.

Дверь снова задрожала, в этот раз так неистово, что прогнулось от напряжения. После этого стало тихо. Вышибала оскалился. «Не может попасть внутрь».

В щель под дверью просочился туман, ощупывая свой путь в таверну. Вышибала сконфуженно отошел назад. Туман начал сгущаться, приобретая форму и постепенно увеличиваясь в размере.

«Это волк», сказал бармен.

Вышибала тряхнул головой. «Это не одна из тварей Лилит».

Волк был огромного роста, он достигал уровня грудной клетки. Когда внутрь просочился весь туман, он открыл глаза. Они были красного цвета и излучали ненависть. Лина затаила дыхание, когда узнала существо, которое она невольно создала всего две недели назад. Оно преследовало Джаада, намереваясь его убить.

Баст отреагировала первая. Она прыгнула на демона, готовая нанести удар когтями. Волк отбросил ее с колоссальной силой, спокойно глядя на ее маленький размер. Баст ударила об стену, тяжело упав на пол. Она упала и не двигалась.

«Так, значит, тебе нравится пугать кисок, да?», сказал вышибала. «Попробуй это!»

Он сделал шаг вперед и с силой опустил молот на голову демона. Оружие прошло сквозь голову чудовища, вышибала оступился и упал вперед, его равновесие было нарушено неудачным ударом. Волк набросился на громилу, разрывая его горло грязными желтыми клыками. Серая бестелесная, волнистая шкура демона окрасилась кровью.

«Гарпократ, помоги нам», пробормотал бармен, отходя назад.

На какое-то мгновение стало тихо. Волк внимательно осматривал таверну, будто ища чего-то или кого-то. Клиенты не осмеливались пошевелиться. Затем чудовище прыгнуло вперед и побежало к группе бандитов. Комнату охватил хаос. Столы и напитки полетели в разные стороны, когда мужчины начали хватать оружие или мчаться к заднему выходу. Один из бандитов нанес волку удар длинным мечом. Лезвие проскользнуло сквозь тело волка, не встретив никакого сопротивления. Чудовище смело его с пути, двигаясь к цели. Мендас медленно отходил назад, понимая, что он и был его добычей.

Внезапно волк атаковал, прижав его к полу. Мендас наносил удары, но ни один из них не произвел никакого эффекта. Страх парализовал его, когда он ощутил на себе пристальный взгляд красных глаз, ищущих способа подавить его волю. Другие бандиты атаковали с помощью мечей, кулаков и кресел, но ничего не помогало. Чудовище даже не обратило внимание на их слабые попытки напасть на него.

Через минуту шокированная Лина поняла, что не может просто стоять и смотреть, как чудовище убивает. Она создала это существо и ее совесть чувствовала ответственность за его действия.

Она ударом отбросила свой столик и вытащила кинжал. Подойдя ближе, она со всей силой метнула оружие. Она очень хорошо прицелилась прямо в волчье горло. Она выругалась, когда кинжал показался с другой стороны, оставив демона невредимым.

Мендас дрался, как дикое животное, пытаясь защитить горло. Но, похоже, демону было неинтересно убивать его. Он прижал его к полу, медленно гипнотизируя его своим страшным взглядом.

Лина приблизилась на несколько шагов.

«Уйдите с дороги!», крикнула она атакующим бандитам.

Один из них повиновался, страстно желая убежать от этого существа. Другие проигнорировали ее, намереваясь спасти своего главаря.

«Проваливайте!», закричала она.

Мужчины игнорировали ее и она выкрикнула - «Я вас предупредила!»

Она сформировала Знак Хоруса, вложив в единственный удар каждую унцию своей силы. Взрывная волна ударила по группе атакующих. Мужчины отскочили, ударяясь об столы и стены. Волк был отброшен от Мендаса и приземлился в нескольких футах от него.

Демон повернулся, чтобы посмотреть на нее, его алые глаза были полны ярости. Лина поняла свою ошибку. Она только разозлила чудовище; из-за Темной Луны ее удар не причинил ему никакого вреда. Она была физически и психически истощена, но удерживала устрашающий взгляд волка, приготовившегося напасть на нее.

Вдруг чудовище остановилось в неуверенности. Оно узнало своего создателя. Огрызнувшись, демон направился к Мендасу с намерением унести его отсюда.

«Нет!», скомандовала Лина. Она сделала шаг вперед, чтобы закрыть ему путь.

Чудовище злобно зарывало, и в таверне снова повисла тишина. Посетители сдерживали дыхание, пока демон пристально смотрел на Лину, не уверенный, что ему делать.

Затем чудовище огрызнулось и побежало к выходу. Оно исчезло под дверью в облаке тумана.

Ноги Лины внезапно согнулись и она, шатаясь, попыталась поймать равновесие, схватившись за стол. Через мгновение она почувствовала на своем плече мягкое прикосновение руки. Это был мужчина, которого она спасла.

Он улыбнулся ей. «Я - Мендас. К Вашим услугам. Позвольте помочь Вам сесть».

«Со мной все в порядке. Я могу сесть сама», сказала Лина, но он не убрал свою руку до тех пор, пока не помог ей сесть на стул.

Он сел напротив нее. «Позвольте заменить Вам напиток. Похоже, ваш разлился в схватке. Что Вы пили?»

«Воду», сказала она, слишком устав, чтобы противиться его настойчивой вежливости. Она едва могла держать глаза открытыми: взрыв энергии, выпущенной ею, крайне истощил ее.

Мендас поднял бровь. «Очень экзотично. Бармен! Принесите мне кружку воды. Чистую!»

«Да, Мендас».

Посетители расслабились, и таверна постепенно вернулась к

нормальной жизни.

«Поставьте столы и стулья ровно», приказал Мендас своим людям. «И принесите кинжал дамы сюда». Он посмотрел на Лиину. «Могу я спросить ваше имя? Обычно я не общаюсь со своими врагами из Желтой Школы, но думаю, что здесь я могу сделать исключение».

«Я...», запнулась Лина; даже когда она росла в защищенном Зачарованном Лесу, ей рассказывали о Призыве. Использовать ее настоящее имя означало бы привлечь неприятности. «Я - Фиона».

Бармен поставил чашку воды для нее и кружку с элем для Мендаса. «Отлично сработано, мисс», сказал он хриплым голосом. «Я думал, чудовище убьет всех нас».

«Оставь нас», приказал Мендас, прогоняя его после рукопожатия. «Да, Мендас».

Лина поняла, что Мендас имел большой авторитет; судя по всему, он был очень умелым воином. Некоторые из его людей смотрели на него почти с благоговением.

Один из людей передал ему кинжал Лины. Несмотря на свою усталость, она заметила мгновенную перемену в нем. Она попыталась вернуть себя в состояние боевой готовности. Здесь она почувствовала себя в большей опасности.

Мендас хищно улыбнулся. Лина заметила, насколько изменчивыми были его глаза; она чувствовала в его ауре ту же непредсказуемость.

Он положи кинжал на столе перед собой и вытащил свой, положив оба оружия рядом. Глаза Лины расширились. На обоих кинжалах были одинаковые надписи.

«Отметка моей банды», сказал Мендас почти обычным тоном, но глаза его были угрожающими. «Скажи мне, откуда у тебя этот кинжал?»

Лина посмотрела на него неуверенно. До нее дошло, что он назвал Желтую Школу своим врагом, но она все равно не понимала, что происходит.

«Он принадлежал моей матери», сказала она осторожно.

Мендас кивнул. «Твоя мать тоже была Желтым Адептом?»

Лина кивнула, но больше никакой информации не сообщила.

«Твоя мать была невысокого роста, со светлыми волосами. Совершенно уродливая?»

Лина медлила в нерешительности, не приведет ли ложь к еще большим неприятностям.

«Моя мать была блондинкой. И да, она была непривлекательной».

Мендас поднял кинжал Лины, внимательно изучая его. «Он принадлежал моему человеку, умершему более двадцати лет назад».

Лина почувствовала тревогу; в его тоне чувствовалась приближающаяся гроза. «Твоя мать забрала у меня эту вещь. И твоя мать убила мою

жену».

Он посмотрел на нее, и в его глазах Лина увидела ненависть еще большую, чем в атаковавшем его волке. Сила его пристального взгляда заставила ее содрогнуться.

«Я долго ждал этого», сказал он тихо.

Внезапно он очутился перед Линой. Она едва заметила его движение, как он уже приставил кинжал к ее горлу. Он грубо схватил ее за волосы, мешая ей двигаться. Лине было страшно, но она слишком устала, чтобы сопротивляться. Она была почти готова уступить, просто чтобы немного отдохнуть.

«Мы встречались раньше», прошептал он прямо ей в ухо. «Твоя мать была беременна тобой, когда вошла в мою пещеру много лет назад».

Он сжал волосы в кулаке.

«Удивительно, как ты пришла прямо ко мне в руки», сказал Мендас. «Я знал, что найду что-то в Гороме. Я не могу видеть, как Фенрин, но я знаю, когда что-то идет правильно. Нам было суждено встретиться таким образом, тебе и мне».

Лина слабо сопротивлялась в его объятиях. «Я не причинила тебе никакого вреда».

«Никакого вреда?», засмеялся Мендас, его дыхание стало ужасным. «Янус! Подойди сюда, парень!»

От группы бандитов отделился и быстро подошел молодой человек.

«Это она?», спросил Мендас. «Это она напала на тебя?»

Лина застонала. Это был охранник, которого она оглушила две недели назад, когда искала Джаада.

Глаза Януса расширились. «Это она, Мендас! Я бы никогда не забыл такое лицо. Она красавица!»

Мендас злобно улыбнулся. «Видишь ли, красотка моя. Ты причинила мне большой вред. Ты напала на моего сына».

Он прижался грубой щекой к щеке Лины; она содрогнулась от такой близости, но не посмела двинуться. Другие посетители таверны с интересом наблюдали за ним. Вероятно, никто из них не собирался вмешиваться.

Вдруг у стола раздалось рычание. Лина посмотрела вниз, чтобы увидеть Баст, глаза друга семьи были четко сфокусированы на Мендасе. Она процарапала в столе глубокую царапину.

«Одно движение и я распорю ее горло!», крикнул Мендас. Баст зашипела.

«Если ты думаешь, что я недостаточно быстрый, попробуй», бросил вызов Мендас. «Давай!»

Баст смерила его взглядом, ее тело было натянуто, как пружина,

готовая раскрыться. Но ее взгляд упал на кинжал у шеи Лины и она осталась неподвижной.

Мендас рассмеялся. «Не думал. Ты умная кошечка, да?»

Но все равно было похоже, что Баст готова разорвать его глотку.

«Что случилось с моим сыном?», спросил он. «Где Джаад?»

«Не знаю», сказала Лина. «Я не видела его с той ночи».

Мендас еще сильнее прижал кинжал к ее горлу, на тонкой шее проступила кровь. Она не доставила ему удовольствия, не показала, что ей больно.

«Он жив?»

«Не знаю, но я не убивала его. Он убежал от меня. Его преследовал тот волк-демон, который только что атаковал тебя».

Мендас задумался.

«Если он жив, то можешь найти своего сына совсем другим», сказала Лина.

Баст снова зарычала, едва сдерживаясь от атаки.

«Я убью ее вне зависимости от того, что ты сделаешь», проговорил Мендас. «Я полжизни ждал, чтобы отомстить за свою жену. Похоже, теперь я отомщу сразу и за жену, и за сына». Он улыбнулся. «Прощай, Фиона».

Вдруг дверь задрожала. Мендас остановился. В комнате было тихо.

«Этот проклятый волк», сказал бармен, отходя назад.

«Откройте дверь!», раздался голос снаружи.

«Кто, черт возьми, там может быть?!», спросил Мендас. За дверью пронзительно завывал ветер и раздавался вой волков, охотящихся на тех, кто не нашел убежища.

Баст прыгнула со стола и побежала к выходу. Приблизившись, она подпрыгнула и сдвинула деревянную перекладину, подпиравшую дверь. Дверь распахнулась, и внутрь вошел воин с серебристо-серыми волосами и усами. Его бледные голубые глаза гневно сузились, когда он увидел, в каком положении оказалась Лина.

«Отпусти ее!», приказал он.

«Кто ты, черт возьми?», спросил Мендас.

«Кассиус Хоукин из Софии. Отпусти ее или заберу ее силой!»

«Принц Кассиус Хоукин? Прекрасно. А я - Уорлок. Займитесь им». Мендас махнул своим людям.

Кассиус проявил твердость, когда восемь человек выстроились перед ним в линию с поднятыми мечами. Гнев пропал из его глаз при их приближении. Над ним витало спокойное чувство отстраненности. Мендас и Лина были единственными, кто заметил его расслабленную, уверенную позицию.

Внезапно бандиты набросились на него. Кассиус вытащил ката-

ну с поразительной скоростью, разрезав первого раньше, чем он смог отреагировать. Он повернулся против часовой стрелки к следующему, атакуя сзади и пронзая мечом его подмышку. Не останавливаясь, он развернулся и оказался теперь на другой стороне их линии.

Бандиты повернулись, не веря своим глазам. Атака их врага была слишком быстрой и плавной, чтобы они могли среагировать.

«Заколоть его!», прорычал Мендас.

Кассиус схватил катану правой рукой, а левой выбросил вакидзаси. Он крутил обоими мечами, создавая стальной барьер, оборонительный щит, сквозь который не могло проникнуть ни одно лезвие. Кассиус двигался по таверне, используя в качестве прикрытия столы и опоры, и парировал все атаки бандитов. К нему могли подступиться не более трех противников.

Для близкого боя он использовал вакидзаси, в то время, как его катана рубила в огромных арках, мстительно разрезая со свистом воздух. Он сразил еще двух противников, его острый меч разрубил их дешевые доспехи. Остальные бандиты беспорядочно наносили удары, их уровень владения мечом был жалок по сравнению с его мастерством.

Лина изумленно наблюдала за тем, как Кассиус передвигался, гипнотически перемещаясь, подобно смертельно опасной змее. Его движения были плавными, как вода, его техника спокойна и точна. Он варьировал скорость движения, иногда передвигаясь медленно, иногда быстро; он менял даже скорость отдельных атак, когда был на полпути от противника, чтобы помешать тому парировать удар и пронзить его защиту.

Он сделал обманный выпад мечом в сторону одного из противников, и нанес смертельный удар, когда тот попытался отбить ложную атаку. Мощным ударом ноги он отбил меч солдата, проламывая ему ребра даже через доспехи. Меч резко поднялся на 45 градусов, проткнув сердце солдата и убив его на месте. Через долю секунды Кассиус скрутил и обезглавил с помощью катаны следующего противника.

Осталось только двое и Кассиус легко отбросил их назад. Он атаковал быстро и сильно, хотя разум его оставался бесстрастным. Последние два бандита быстро отступили, направляясь к двери. Кассиус прекратил атаку. Они мгновенно выбежали из таверны, предпочтя подвергнуться риску ужаса снаружи, чем бороться с воином внутри.

Кассиус вытер лезвие вакидзаси и вложил его в ножны. Он повернулся к Мендасу. Глаза вожака выражали шок: он никогда не видел такого ия-джицу.

«Один шаг и я убью ее!», крикнул он.

Баст запрыгнула на стол и угрожающе зарычала.

«Правда?», сказал Кассиус, грозно приближаясь.

«Ее мать убила мою жену», сказал Мендас. «Я отомщу за это,

убьешь ты меня или нет!»

«Мендас, моя мать умерла», сказала Лина, сжавшись, когда кинжал вошел еще глубже в шею.

«Умерла? Как?»

«Ее убила кошка», сказала Лина. «Это произошло две недели назад. Тогда же, когда Джаад сбежал».

Глаза Мендаса сузились с подозрением.

«Мендас, мы с моей матерью - враги. Если ты убьешь меня, ты окажешь ей услугу. И даю тебе слово - Джаад все еще жив».

Кассиус ждал в нескольких шагах, его катана была готова к удару.

«Откуда тебе это известно?», спросил Мендас. «Ты говорила, что не знаешь».

«Я думаю, это намного вероятнее, чем то, что этот демон убил Детена», сказала Лина. «Твой сын все еще жив, поверь мне. Ты, конечно же, хочешь жить, чтобы помириться с ним?»

«Детен? Я не знаю этого имени. Разумеется, я хочу помириться с Джаадам. Я превратил его жизнь в ад».

Лина скривилась. «Если ты настолько испортил ему жизнь, то очень скоро поймешь, кто такой Детен, потому что твой сын найдет тебя».

Менда с пожал плечами. «Возможно, ты и врешь, но я не могу так рисковать. Если мой сын жив, я должен увидеть его».

Он ослабил хватку и мягко оттолкнул Лиину в сторону. Баст спрята ла когти, но Кассиус все еще держал катану наготове.

«Я оставляю это», сказал Мендас, показывая кинжал, принадлежавший Лине.

Она кивнула. «Будем считать, что он вернулся к своему владельцу». Она сделала паузу. «Примири с самим собой, прежде чем Джаад придет к тебе. В городе есть храм Желтой Школы. Скажи пароль «Маат» (прим.переводчика - в Египетской мифологии - богиня правды, справедливости и космического порядка, дочь Ра. Она изображается как молодая и красивая женщина, стоящая или сидящая, с пером на голове) и они позволят тебе войти».

«Спасибо, Фиона. Возможно, наши пути снова пересекутся».

Лина подумала о преследующем его Детене. «Я в этом сомневаюсь, Мендас. Сомневаюсь».

«Лина, ты ранена?», спросил Кассиус.

«Нет. Спасибо за помощь», внезапно взгляд Лины стал подозрительным (набежало облако подозрения). «Откуда Вам известно, кто я?».

Планета Теллус



Корабль плывет, я стою и смотрю до тех пор, пока она не исчезла за горизонтом, и кто-то рядом со мной говорит «Она ушла». Куда ушла? Пропала из виду, вот и все; она такая же большая, как была тогда, когда я ее увидел. Уменьшенный размер, полная потеря видимости — во мне самом, а не в ней, и в тот момент, когда кто-то рядом со мной говорит «Она ушла», другие видят ее и другие голоса радостно восклицают «Вот она!» И это есть умирание.

- Бишоп Брент

Малкут Ассия Центральная часть Саксонии

Кейрос вошел в слабо освещенную спальню, в которой отдыхал Эканар. Он кивком отпустил Тедру; она поднялась со стула и молча выскользнула из комнаты.

«А, Кейрос», слабо произнес Эканар. «Ты знаешь, должно быть, путешествие из Ниппона отняло у меня больше сил, чем я думал».

Кейрос грустно улыбнулся и пересек комнату, чтобы встать рядом с кроватью. Он видел, что аура Эканара сократилась до пары дюймов; цвета были темные и нездоровые. Лицо его было бледным и истощенным, а его тело дрожало.

Кейрос сел. «Ты должен попытаться отдохнуть, старый друг».

В его голосе была трогательная грусть, которую Эканар сразу узнал.

«Ну что? Ты принял решение относительно Шадрака?»

«Да. Но не волнуйся. Орден позаботится о нем, хотя, конечно, он не будет инициирован. Мне дали указание пробудить Мастера Ордена».

«Слава богам. Но я думал, что Мастер - всего лишь миф».

«Нет. Все Иерофанты знают его историю. Не волнуйся, Галан присмотрит за ним».

Напряженное лицо Эканара расслабилось, но Кейрос заметил, что его аура тоже слегка потускнела. На минуту между двумя мужчинами повисла тишина. Ее нарушил мудрец.

«Кейрос, что ты нашел в этом Ордене, к которому я повернулся спиной?»

Кейрос сам себе улыбнулся, предаваясь воспоминаниям.

«Когда я был инициирован во Внутренний Орден, кое-что пре-

красное, чего нельзя описать, коснулось меня. Это был самый потрясающий опыт: это тронуло меня так глубоко, что все остальное в жизни резко сфокусировалось».

«Что это было?», спросил Эканар с горящим взглядом.

«Высшее «Я», или Святой Ангел-Хранитель. И если оно прикоснулось к тебе однажды, то уже никогда тебя не покидает. Его поддержка присутствует всегда. Ты сохраняешь чувство спокойной отстраненности и чувство целостности. Есть некая...независимость от внешних факторов».

«Когда я знал тебя раньше, ты был вспыльчивым и полным нервной энергии».

«О, всё постепенно изменилось во Внешнем Ордене, когда элементы в моей Сфере Восприятия уравнились. Со временем я достиг Степени Портала, уравнивание завершилось».

Эканар понимающе кивнул. «Я был не прав, что ушел. Это была самая большая ошибка в моей жизни».

Он схватил Кейроса за руку, демонстрируя удивительную силу.

«Ведь еще не слишком поздно, правда? Разве не написано, что инициированный всегда возвращается? Я предан Пути. Разве это не так?»

Взгляд Эканара был умоляющим; Кейрос с болью закрыл глаза.

«В чем дело, Кейрос?»

«Эканар, ранее, когда я коснулся твоей руки, я...у меня было видение».

«Видение?»

«Эканар...». Глаза Кейроса были полны глубокой скорби. «Ты не переживешь эту ночь».

Мудрец запаниковал. «Но..но это же всего лишь грипп или пневмония, или что-то подобное. Это определенно не может быть...».

«Эканар!», сказала Кейрос мягко, но решительно. «Пожалуйста, успокойся. Ты не можешь бороться с кармой».

«О чем ты?» В его глазах был дикий страх.

«Тебе было суждено доставить сюда человека-демона Шадрака и привести его к Галану».

«Но как же моя собственная жизнь и планы? Я хочу пройти по Пути Возвращения больше, чем что-либо другое: теперь я знаю о своей ошибке. Как судьба может быть такой жестокой теперь, в конце моей жизни! Я буду бороться!»

Кейрос взял его слабую руку и покачал головой. «Ох, старый друг. Разве ты не понимаешь? Это была твоя реализация, через которую ты должен был пройти. Вернувшись сюда, ты завершил цикл своей жизни и признал свою ошибку».

«Но какой конец! Завтра я буду мертв и я не обрету то, чего теперь так страстно желаю!»

«Твоя душа теперь обучилась и то, что ты узнал и чему научил-

ся в этой жизни, останется с тобой. Лучше всего мы учимся на горьких уроках. Если бы ты остался в Ордене много лет назад, ты мог бы стать Адептом средних способностей. А теперь в своей следующей жизни ты будешь кем-то очень особенным».

«Что ты имеешь в виду?»

«Ты заберешь выученный урок с собой. И в следующей жизни, я уверен, ты будешь самым осознанным инициатом, к какому бы Ордену ты ни присоединился. Если так, то я уверен, что ты поднимешься над духовным уровнем, которого достиг я».

Мгновение Эканар выглядел шокированным, а затем на его лице медленно начала появляться улыбка.

«Ты очень мудрый, Кейрос. Думаю, что я понимаю...».

Кейрос снова улыбнулся. «Если понимаешь, то ты уже начал свою духовную трансформацию. Зачастую вещи кажутся жестокими из-за нашего ограниченного восприятия. Чтобы искренне понять это, границы восприятия должны расшириться».

Эканар кивнул, и некоторое время сохранял молчание, прежде чем заговорить. «Моя смерть будет болезненной?»

«Нет. Я верю, что ты мирно умрешь во сне. Бояться нечего».

«Что произойдет? Я имею в виду...когда моя душа покинет тело».

«В течение нескольких дней твоя астральная форма будет продолжать спать и видеть сны в астральном плане. Астральное тело будет медленно разделяться, и как только разделение завершится, ты сможешь подняться сквозь планы. Там ты сможешь отдохнуть, прежде чем снова воплотиться».

«Интересно, кем я вернусь. Кажется, это захватывающее приключение...», сказал мудрец задумчиво.

«Я останусь здесь до утра, если хочешь».

«Очень любезно с твоей стороны, я хотел бы этого. Думаю, сейчас я немного посплю...».

Кейрос смотрел на своего друга с грустью: он знал, что Эканар никогда больше не откроет глаза в этой жизни.



Кейрос шел за Галаном вниз по ступенькам, ведущим в одиночный склеп собора. Лестница была узкая и осыпающаяся, покрытая слоем пыли сотен лет простоя; двое мужчин спускались, оставляя четкие следы. Воздух был влажный и спёртый, запах плесени был всепоглощающим.

Ступеньки вели вниз, в тесную комнату, освещенную двумя мерцающими факелами. Стены комнаты, изогнутые и потрескавшиеся, были покрыты мириадами трещин и разломов, кишевших насекомыми.

Толстые, серебристо-серые паутины покрывали всю комнату, подобно тонкому волосанному покрову. Среди них лениво грелись жирные арахниды, свет факела отражался в легионе их глаз.

Решетки камеры-одиночки формировали дальнюю стену комнаты. Снаружи стояли два неопита, мужчина и женщина, которые были стражами и хранителями. Выглядели они обеспокоенными, по их коже ползали насекомые и пауки. На их лицах появилось облегчение, когда по лестнице спустились двое.

Галан пристально посмотрел на них. «Уходите и освежитесь. Эта гробница - не место для живых. Земные существа давно покинули это место».

Пара быстро вышла из клаустрофобного прохода.

Плотная паутина была содрана с кирпичей камеры, хотя серые обрывки все еще свисали то там, то тут, колыхаясь в воздушных потоках. Галан увидел Шадрака, лежащего за проржавевшей железной решеткой, до сих пор скованного цепями; он что-то несвязно шептал сам себе. Двое Адептов приблизились к решетке. Шадрак поднял голову.

Демон сразу же выделил Галана, как угрозу. Низкий, угрожающий рык вырвался из его глотки, гортанный звук, который не мог издать человек. Его тусклые красные глаза засверкали, когда он вышел из апатии. Здесь была угроза его благополучию.

«Магистр Темпли, Эканар сказал мне, что сила демона была полностью выпущена только однажды», сказал Кейрос. «С тех пор одержимость была лишь частичной. Эканар сказал, что цепи не смогут остановить всю мощь этого существа».

Галан рассеянно кивнул, поглощенный мыслями. Кейрос понял, что он ведет ментальную битву с демоном, чьи глаза теперь сверкали с пугающей силой. Не разрывая зрительного контакта, он задвигал ногами, злобно смотря вперед.

Пристальный взгляд Галана стал еще более сфокусированным. Возможно, это было воображение, но Кейросу показалось, что Галан чрезвычайно вырос, как будто он оставил границы своего физического тела. Кейрос отошел назад, когда почувствовал в ауре старика алое свечение.

Он понял, что, как Магистр Темпли, Галан поднялся выше Сефиры Гебура; а поэтому он получил ее силу. От него исходил божественный гнев Бога, сила Сефиры, уничтожавшая зло и несправедливость.

Теперь демон выглядел очень опасным. Цепи скрипели и натягивались, когда его тело изгибалось. Однако взгляд его был направлен мимо Галана, как будто тот был невидимый.

Аура Галана засветилась ярче, когда сквозь демона пошли вибрации произносимых божественных имен Гебуры. Он использовал атакующий знак Хорус: он поднял свои руки к голове и резко выбросил

их вперед на демона, одновременно сделав левой ногой шаг вперед. Своим даром ясновидения Кейрос увидел темно-красный взрыв энергии, исходящий от ауры Галана.

Демон издал мученический крик, отшатнувшись назад и ударившись о заднюю стену камеры. Воздух вокруг тела Шадрака потемнел и исказился, как будто что-то пыталось убежать из него.

Галан не дал существу передышку. Он отодвинул назад свою левую ногу и прижал указательный палец левой руки к губам, формируя знак Гарпократы. Он очертил на лбу свой третий глаз, прикоснувшись кончиками больших и указательных пальцев, чтобы сформировать треугольник. Визуализировав яркую синюю пентаграмму внутри треугольника, он выбросил руки вперед, направив пентаграмму на демона.

Пентаграмма быстро пролетела сквозь решетку камеры, стремительно увеличиваясь в размере. Когда мгновение спустя она ударила по демону, она была высотой с рост человека. Демон заревел от гнева и боли. Маленькие черные сущности, вырванные из ауры Шадрака, корчились в воздухе, после чего на большой скорости помчались сквозь стены, потолок и пол.

Шадрак упал вперед, ударившись об пол.

Не отрывая глаз от демона, Галан сказал: «Открой дверь, Кейрос».

Ошеломленный силой Галана, Кейрос на мгновение запнулся. Он пришел в себя и направился вперед, чтобы открыть дверь камеры; ключ с трудом провернулся в древнем замке. Он зачарованно смотрел, как Галан вошел в камеру и приблизился к демону, который лежал теперь на спине. Он был очень сильно ослаблен и с ненавистью смотрел вверх на своего противника.

Галан стоял над существом, вычерчивая из левого бедра изгоняющую пентаграмму. Кейрос с изумлением наблюдал за происходящим. Символ пульсировал бриллиантовым голубым цветом с золотистыми искрами. Его интенсивность почти ослепила его астральное зрение. Когда Галан заговорил, его голос показался совершенно другим. В нем были сила и власть, которым ничто не посмеет противостоять:

«Властью и могуществом ШАДДАЙ ЭЛЬ ХАЙ, Бога Всемогущего, приказываю тебе, тварь, немедленно и без расплаты покинуть тело этого дитя земли. Не ищи пути назад, пока он живет под защитой этого Ордена, или будешь проклят божественным именем ШАДДАЙ ЭЛЬ ХАЙ! Да будет так!»

Раздался отчетливый шипящий звук, как будто что-то освободилось от давления; из тела Шадрака вытекла черная газообразная тень. Она начала двигаться по каменному полу к двум Адептам. Кейрос почувствовал, как его ноги охватил ледяной холод, когда тень прошла мимо него. Приблизившись к Галану, тень закружилась вокруг него, как волна, омывающая остров: у нее не было силы или желания войти в его ауру.

«Он изгнан?», спросил Кейрос сдавленным голосом.

Галан повернулся к нему; его глаза вернулись к более безразличному состоянию, будто его внимание снова не было полностью сфокусировано на физическом плане.

«Я воплотил демона. Он больше не сможет владеть им, но сможет вернуться, чтобы насмеяться над ним. Тем не менее, я подозреваю, что ощущать его будет только Шадрак, так как другие члены Ордена защищены».

Шадрак сидел и безучастно пялился на стену перед собой.

«Шадрак», позвал Галан, но не получил ответа.

Он посмотрел поближе, заметив, что глаза Шадрака, когда-то голубые, теперь были водянисто-серыми. Они были почти бесцветные, будто отбеленные.

Галан сказал: «Убери с него цепи, Кейрос. Теперь мы в безопасности».

Он отошел на шаг назад, пока Младший Адепт снимал цепи с тела ронина. Шадрак даже не заметил присутствия Адепта, когда Кейрос опустился прямо перед ним на колени. Он также не отреагировал, когда Кейрос несколько раз позвал его по имени: он не обращал никакого внимания на двоих мужчин.

«Думаю, он лишился разума, Магистр Темпли».

«Его разум был разрушен, но, возможно, нам удастся собрать его обломки вместе».

Галан опустился перед Шадраком на колени, расположив свою голову на уровне головы ронина. Внезапно Кейроса поразило внешнее сходство между этими двумя: у обоих был ястребиный профиль, придающий их лицам хищное выражение. Это было странное совпадение: они не могли быть близкими родственниками.

«Шадрак, ты меня слышишь?», спросил Галан.

«Галан, не думаю, что он говорит на каком-то из западных языков», сказал Кейрос.

Галан кивнул и взял ладонями голову Шадрака. Он медленно поворачивал голову ронина до тех пор, пока тот не посмотрел ему в лицо. Вдруг глаза Шадрака сфокусировались, их выражение стало недоверчивым.

«Галан?» Голос у него был надтреснутый и охрипший, но произнесенное им слово не вызвало никаких сомнений.

Галан и Кейрос изумленно переглянулись.

«Откуда ты меня знаешь, дитя?», спросил Магистр Темпли на древнееврейском.

«Ты разве не...», его глаза затуманились, «Маг?»

«Я еще не имею чести носить этот титул. Как тебя зовут, дитя?»

«Я Ма...Мал...» Он выглядел озадаченным. «Я Шадрак, чужак».

Галан с Кейросом, сбитые с толку, обменялись взглядами.

«Ты воин, Шадрак?»

«Я - саму...я - ронин». Он повесил голову, а затем посмотрел наверх в замешательстве, понимание пропало из его глаз. «Но кто ты?»

Магистр Темпли протянул руку. «Я - Галан. Я был избран, чтобы помочь тебе. Ты доверишься мне?» Проблеск узнавания снова появился в лице Шадрака.

«Да...доверюсь».

Он схватил руку Галана и слабо наклонился вперед, чтобы обнять его.

«Помогите...отец...пожалуйста...помогите...».

9

Каждый человек должен преодолеть свои личные преграды, обнажить свои собственные иллюзии. Однако другие могут помочь ему сделать это, и они могут дать ему возможность избежать многих неверных путей, ведущих никуда, искушающих изнуренные стопы непосвященного пилигрима.

- Алистер Кроули

Планета Шеллус



Город Тренцлау

Галан убрал астральную печать с комнаты Шадрака и открыл тяжелую дверь из красного дерева. Он закрыл ее за собой и осмотрел комнату. Как и все комнаты в соборе, это помещение когда-то занимали монахи, однако недавно оно было отреставрировано. Обстановка в комнате была очень простой. Тут была грубая, неудобная кровать, стоявшая у правой стены и рядом с ней - довольно старый, обветшалый комод для личных вещей. На комод стояла закоптившаяся медная лампа, не зажигаемая десятилетиями.

У противоположной стены стояла приличная библиотека, состоявшая из научных и оккультных сочинений, большинство из которых были невероятно старыми, а некоторые были написаны от руки. С годами страницы покрылись плесенью и пожелтели, но в них содержались ключи к секретам вселенной.

Рядом с большим книжным шкафом стоял маленький сосновый столик и шатающийся деревянный стул. Последним предметом мебели был черный алтарь в форме двух соединенных кубов. В нем были приспособления для ритуальной магии, оставленные несколько лет назад предыдущим жильцом комнаты.

Все предметы в комнате были прижаты к стене, оставляя обширный деревянный пол свободным. На нем лежал тонкий ковёр, когда-то яркий и бесценный подарок из Азии, но теперь он обветшал и выцвел. Узкое окно-арка неохотно впускало в комнату дневной свет.

Шадрак сидел, скрестив ноги, в центре комнаты, его голова была опущена, он не обращал никакого внимания на то, что происходило вокруг него. Цепи с него уже сняли, он был одет в серые одежды, показывающий его статус неинициированного.

Его черные волосы отросли, а его густая борода была почти такой же непослушной, как у Галана. У него была слишком бледная кожа, даже

для человека из ледяной земли Ниппон. Галан был изумлен своим сходством с Шадраком. Кармическая связь между ним и ронином все еще была очень сильна.

И брат близнец, напомнил себе Галан.

Он подошел к Шадраку и опустился перед ним на колени. Он открыл свое второе зрение и изучил ауру ронина. С тех пор, как демон был изгнан из него, состояние Шадрака было противоречивым. Хотя он мог говорить разумно, он был забывчивым и часто, когда разговаривал, сам себя повторял. Никому, кроме Галана, он не позволял к себе приблизиться; к тому же никто в Храме не говорил на древнееврейском или ниппонском достаточно свободно, чтобы общаться с ним.

Галан не удивился, когда увидел, что чакры Шадрака все еще были смещены; некоторые из них были неверного цвета, как будто была нарушена их работа. Одержимость демоном нанесла ужасный удар по его физическому, астральному и ментальному телам. Галан знал, что у Шадрака не было связи с его атмическим телом.

В тишине Галан возобновил выполнение трудной задачи, которую он начал несколько недель назад. Захватывая чакры по одной, он заставлял их работать правильно, используя собственные чакры для создания ответного потока энергии. Эту процедуру нужно было проводить несколько раз в день: эфирное тело Шадрака было очень сильно повреждено, и многие энергетические потоки были изменены. Тем не менее, Галан знал, что когда чакры будут восстановлены, они «смоют» блоки, как река, прорвавшая дамбу.

После нескольких минут работы Шадрак вяло поднял голову. Галан знал, что он всё время знал о его присутствии; к сожалению, основным его нынешним состоянием была апатия. Его ничего не интересовало.

«У меня в груди - желтое свечение», сказал он.

Галан кивнул. «Это хорошо. Это означает, что твои чакры начинают отвечать. Это приятное ощущение?»

«Это приятно».

Магистр Темпли продолжил свою работу, сдвинув внимание на следующий центр силы.

«Откуда я знаю тебя, Галан?», спросил Шадрак. «Иногда я о тебе думаю, и я помню. Но обычно забываю».

«Я - эхо из твоей предыдущей жизни. Ты знаешь о реинкарнации?»

«Да. Но я не думал, что это правда. Я помню план с розовым небом и высокого человека, могущественного и злого. Но больше всего - темноволосую женщину, которую я когда-то считал очень красивой».

Галан приостановил свою работу, ему стало интересно: впервые Шадрак рассказывал о своих воспоминаниях или пытался общаться, не

будучи спрошенным.

«У тебя всегда были эти воспоминания?»

«Отрывочно. Но сейчас я мало что чувствую в отношении их. Мои эмоции покинули меня, они умерли. Что со мной произошло в прошлой жизни? Ты должен знать, если ты был ее частью».

Галан покачал головой. «Ситуация очень сложная. Если объяснить просто - в прошлой жизни ты воплотился на плане ниже Энии. Таким образом, я действительно был частью твоей последней жизни, хотя лишь мимолетно. Для меня, однако, это событие лежит в будущем. В своей следующей жизни я буду твоим генетическим отцом. Для тебя же это было три жизни назад. Относительно друг друга - мы вне времени».

«Так, значит, я могу знать твое будущее, а ты обо мне не знаешь ничего. Если так, откуда у тебя это знание?»

«Это может показаться странным, если мою память пробудить, я «помню» фрагменты своего будущего, как если бы это было моё прошлое. Для меня время достаточно иллюзорно».

Галан продолжил свою работу.

Шадрак равнодушно наблюдал за ним. «Что ты делаешь?»

«Тебе действительно это интересно?»

Шадрак пожал плечами. «Немного».

«Так я и думал», сказал Галан с осуждением. «Я пытаюсь выровнять чакры твоего тела, которое получает различные силы из астрального плана, из еды и воздуха, которым ты дышишь. Потом они проводят энергию по сети, поддерживающей тебя астрально, и поэтому поддерживает жизнь в твоём физическом теле».

«Астральное тело - улучшенная версия физического?»

«Да. Да, верно».

«Думаю, я читал это в книге, но не знаю где...». Он нахмурился, а затем вдруг спросил, «С Эканаром всё в порядке?»

«Эканар умер», прямо ответил Галан, осторожно наблюдая за любой эмоциональной реакцией».

«О», сказал Шадрак скривившись. «Он был старый, я полагаю».

Галан нахмурился: реакция была нездоровой. Он закончил работу с чакрами вокруг ног Шадрара и поднялся.

«На сегодня всё. Чувствуешь себя более сбалансированным?»

Шадрак пожал плечами. «Думаю, более сбалансированным. И мертвым».

Галан кивнул. «У тебя - необычная форма шизофрении. Твой интеллект восстанавливается, но он полностью отрезан от твоих эмоций. Это может быть опасно - это произошло из-за эмоций, которыми Лилит владела ...тобой....».

Шадрак отшатнулся назад, в его глазах было безумие. Галан впервые увидел у него сильную реакцию.

«Пожалуйста...», прошептал Шадрак, «не говорите её имя».

Галан понял, что его теория была верной. Кроме ужасного физического и астрального состояния был еще страх, производимый апатией Шадрара. Галан знал, что если эту апатию не сломать, то хватка демона никогда не ослабнет. Когда Шадрак покинет Орден, что в конечном итоге он должен сделать, Лилит будет ждать его.



Шадрак проснулся и с трудом открыл глаза. Плохо освещенная комната была ему незнакома, но он каким-то образом понимал, что должен ее узнать. Мир перед ним сдвинулся и скользил; казалось, что предметы в комнате дрожат. Вокруг него мерцали вспышки света, в воздухе искрились кометоподобные бриллиантово-белые вспышки.

Он знал, что его разум поврежден, возможно - безвозвратно, но его осведомленность была в сто раз лучше, чем тогда, когда им владела Она. Он мысленно яростно содрогнулся.

Ему было очень сложно сохранять концентрацию своего разум. Он размышлял о том, где Танака; или его звали Галан? Один из них - его отец, или был его отцом. Неважно который; все, кто его знал, в конце концов умерли.

Он попытался встать. После нескольких попыток ему это удалось. Его тело гудело, особенно грудная клетка, ноги и руки. Также чувствовалась боль во лбу, в его «третьем глазе».

Он подумал о том, где был его меч? В нем очень глубоко сидела мысль о том, что самурай должен всегда держать катану при себе. Кроме того, ему нужен был его вакидзаси. Он должен закончить свою жизнь сейчас, прежде чем он причинит себе и другим еще большую боль.

Почему я не могу быть нормальным? думал он с горечью. Даже его детство было неестественным.

Он увидел в комнате двойной кубический алтарь и начал двигаться к нему. Когда он шел, его ноги тянулись за телом, хотя было ощущение, что они впереди него.

Алтарь должен открыться и показать инструменты внутри; он был в этом уверен, не зная почему. Он осознал, что у него есть воспоминания, которые, хоть и были его собственными, казались чужими, принадлежащими другой личности. Они были хаотичны и легко забывались. Ему удалось понять очень мало из того, что было у него в голове; воспоминания из прошлого смешались с воспоминаниями из его настоящей жизни, создав при этом запутанный поток знаний.

Он еще не дошел до алтаря. Это занимало много времени. Или он страдал от искажения времени? Его ноги все больше и больше отставали за телом, и он ощущал себя растянутым. Он чувствовал тупую боль на

лице. Он каким-то образом споткнулся. Он начал ползти по ковру.

Теперь он смог заглянуть внутрь алтаря, хотя не помнил, что открывал его. В нем было несколько предметов, но его внимание тотчас привлёк выкрашенный в желтый цвет кинжал. Его пленительные пурпурные символы как будто сверкали и меняли цвет. Он схватил кинжал.

Перед его мысленным взором двое людей тревожили его. Один был темным, могущественным человеком с навязчивым взглядом. Он был врагом, которого нужно уничтожить, и который, к тому же, был слишком сильным, чтобы противостоять ему. Лучше бежать и прятаться. Была ненависть к этому человеку, но она принадлежала другому и больше не была его собственной. Теперь его мало что волновало.

Была также красивейшая женщина с глубокими притягательными карими глазами, молящими его о помощи. Эта женщина очень сильно взволновала его, и он чувствовал мощную волну любви, пробивающейся сквозь его апатию. Эта эмоция была далёкая, как будто исходила от кого-то другого, но в этот раз он не смог притвориться, что она не касается его.

Больше всего на свете он желал быть с этой женщиной. Он боялся Архи-Демона; она может вернуться и снова завладеть им. Он невольно задрожал от страха. пытки Лилит были ужасны, он не сможет пережить их снова.

Перед его взором комната раскачивалась из стороны в сторону, и он понял, что качается на своих коленях. Он направил острие кинжала в живот. Глаза темноволосой женщины преследовали его. Совершить самоубийство означало бы предать её, он не мог так поступить, но знал, что должен. Черное забвение смерти было его единственным шансом обрести покой. Он не мог принять ответственность, которая давила на него, но и не мог больше испытывать боль. Если бы он нашел женщину, то, вероятно, в любом случае уничтожил бы её. Он уничтожил всё остальное в своей жизни.

Приняв решение, он нанес кинжалом удар в живот. Он стиснул зубы и ждал боли. Но её не было. Танака схватил кинжал; или его звали Галан?

Он услышал голос, прошептавший ему в ухо: «Не делай этого, Шадрак. Если ты не освободишься от Лилит в этой жизни, ты не сможешь воплотиться снова, и она будет владеть тобою даже в смерти. Там для тебя нет покоя».

Шадрак ослабил хватку на кинжале и затрясся, по его красному лицу текли слёзы.

«Тогда я совершенно потерял...спасения нет», сказал он.

«Только одно», сказал Галан. «Ты должен восстановить силу, которую когда-то имел, а затем ты должен нанести Ей поражение. Перед тобой стоит сложная задача, выполнить которую не решится никакой

нормальный человек. Но теперь я научу тебя, как учил в твоей прошлой, и буду учить в своей будущей жизни».

Шадрак посмотрел на старика, из его бесцветных глаз текли слёзы. Его взгляд был наполнен глубоким смятением.

«Тогда стань моим учителем, отец, и я научусь», сказал он, его слова вдруг наполнились эмоциями.

10

В жизни мы движемся сквозь сложную кармическую паутину, оставляя отпечаток на каждой личности, с которой вступаем в контакт. Знайте, что ничего не забывается по-настоящему, даже после многих воплощений. Но хотя враги могут успокоиться и даже стать друзьями, истинные союзники вечны.

- Доктрина Белой Школы

Эния



Месод Мецира
Город Гором

Тёмная Расщелина трещала под ударами пронзительного ветра. Лина пристально вглядывалась в щель закрытого ставнями окна. Тёмно-красный туман плыл по улицам, подобно бушующей реке. В нём притаились тёмные, зловещие формы, готовые схватить свою жертву. Зелёные вихри поднимались из тумана, их жуткий свет бросал страшное, призрачное сияние на город. Вихри завывали с первобытным голодом.

Лина содрогнулась и отодвинулась от окна. Она везде ощущала сущность Лилит, и она была на грани.

«Ты должна попытаться расслабиться, Лина», сказал Кассиус, когда она села напротив него. «Через несколько часов наступит рассвет».

Он поглаживал свою лошадь, которую завёл в таверну после боя.

«Ты действительно Кассиус Хоукин?»

«К вашим услугам».

Лина изучила его, взгляд её был недоверчивым. «Похоже, я должна тебя поблагодарить. Но скажи, откуда ты знаешь моё имя? Очевидно, что ты меня искал».

«Ты не доверяешь мне?»

Лина язвительно улыбнулась. «Доверие нужно заслужить. К сожалению, в последние дни ко мне приходит в первую очередь недоверие. Дар от моей любимой матери».

Кассиус осторожно рассматривал её. Физическое состояние Лины было намного лучше, чем он ожидал. Её слегка смуглая кожа была безупречна, а черты лица женственные, но решительные. У неё были блестящие чёрные волосы, длина их достигала середины спины. Глаза были тёмно-кариыми, глубокими и притягательными, с золотистыми прожилками.

«Ты такая же красивая, какой тебя помнит история», сказал он.

«Но, думаю, это грустная, мучительная красота. Я ожидал увидеть идеалистическую девушку, а не циничную, недоверчивую женщину».

«Ожидания - опасная вещь», сказала Лина. «Когда-то я была чиста, но я слишком много страдала, чтобы когда-нибудь вернуться к этому. И пока я не найду своего мужа, я ни в чём не смогу найти радость».

«О, убежать от прошлого», сказал Кассиус, взгляд его затуманился. «Если бы только...».

«Бармен! Принесите мне вина!», заказала Лина.

Она окинула взглядом таверну. Почти все клиенты уже спали, либо выпивали и употребляли наркотики. Одна компания играла в карты, но даже они не шумели. Как будто Тёмная Луна принесла в таверну перемирие и затишье. В углу сидел в одиночестве Мендас, держась руками за голову.

«Я думал, Белым Адептам нельзя употреблять алкоголь», сказал потрясённый Кассиус.

«Да, нельзя. Но мне нужно выпить».

«Но правила...».

«К чёрту правила!», прервала его Лина. «Я устала и мне не до них. У меня было достаточно правил в Жёлтой Школе».

«Правила и законы созданы не для того, чтобы их нарушать», сказал Кассиус неодобрительно.

«Это спорный вопрос», сказала Лина, забирая у бармена кружку.

Пока она пила своё вино, повисло неловкое молчание. Его нарушил тихий щелчок - звук, который Лина тотчас узнала. Через мгновение на столе материализовался Сквинт.

«Привет, Сквинт», сказала Лина, слишком уставшая, чтобы поздороваться с ним как следует. Элементаль подмигнул и прошёл по столу, чтобы сесть ей на колени.

«Вот как я нашел тебя», сказал Кассиус, указывая на Сквинта.

«Элементаль привёл меня к тебе».

Лина подняла бровь. «Ну, и как так вышло, что ты меня искал?»

«Меня послал Иешуа из Белой Школы».

«Иешуа?», нахмурилась Лина.

«Да, тот же, которого ты знала в своей прошлой жизни».

«Это было тысячу лет назад», с пренебрежением сказала Лина.

Кассиус пожал плечами. «Многие вещи теперь возможны в Энии. Иешуа почти всё время спит, и ему приходится использовать всю свою силу воли и магию, чтобы цепляться за жизнь. Он ждёт твоего возвращения».

«Почему я?»

«События, окружающие Призыв во Втором Зоне - прямое следствие нынешних событий в Энии. Карма, окружающая всех, вовлечённых в это событие, чрезвычайно сильна, и все вы будете собраны в этом

времени. Битва должна возобновиться и тесная кармическая сеть должна быть разрешена».

Лина задумчиво потягивала вино. Их разговор прервал голос.

«Мендас, что мне делать с твоими людьми?», спросил бармен.

Мендас не обращал никакого внимания на присутствие бармена.

У его ног были свалены мертвые стражники.

«Мендас, я собираюсь выбросить их в реку. Если я оставлю их здесь, запах привлечет демонов Лилит. Мендас?»

Главарь бандитов посмотрел вверх безжизненным взглядом.

«Забирай их», сказал он бесстрастно.

Лина и Кассиус смотрели, как бармен с помощником начали выбрасывать тела.

«У него нет чести», сказал Кассиус. «Это бесчестно, позволять так обходиться со своими людьми».

Лина повернулась, чтобы посмотреть на Мендаса. «Есть вещи, с которыми ему нужно примириться. Кроме того, честь - понятие личное. То, что благородно для одного - бессмысленно для другого. Нужно быть честным с самим собой».

Кассиус нахмурился. «Я и не ждал, что ты поймешь. Ты - женщина. Ты ничего не знаешь о чести».

Лина наклонилась вперед. «Похоже, ты ничего не знаешь о женщинах».

Кассиус напрягся и, казалось, собирался дать гневный ответ, но вовремя вернул самообладание.

«Вижу, это похоже на правду», сказала Лина. «У тебя трудности с женой или любовницей? Или, может быть, с дочерью? С такими разговорами - я не удивляюсь».

Кассиус уставился в стол, неуверенный в том, злитесь ли он или сконфужен.

«Скажи мне, Кассиус. Похоже, ты многое обо мне знаешь. Что тебе известно о моем муже?», спросила Лина. «Я направляюсь в Небесную Башню, чтобы найти его».

Кассиус вздохнул. «Ты знаешь, что это Малак вырвал тебя из когтей Лилит. После твоего самопожертвования он заключил сделку, и спас твою душу».

Лина кивнула. «Я так и предполагала».

Глубокая скорбь появилась в глазах воина. «Лина, в процессе Малак потерял свою собственную душу».

Лина уставилась на него, абсолютно потрясенная. «Нет, этого не может быть...он бы не сделал ничего настолько глупого».

«Лина, Малак теперь принадлежит Лилит. Его душа едина с её душой. Он - её марионетка. Я знаю это лучше, чем кто-либо».

«Нет», затрясла она головой, «этого не может быть!»

Её

глаза увлажнились, когда она начала терять эмоциональный контроль. Лина подняла кружку, чтобы сделать глоток, Кассиус заметил, что у неё дрожат руки.

«Где он сейчас?», спросила она почти шепотом. «Я должна найти его! Я нужна ему!»

Кассиус вздохнул. «Он не на этом плане. В настоящий момент он в Малкуте. Но очень скоро он вернется. Это его судьба. Тем временем, Иешуа хочет, чтобы ты вернулась со мной в Софию. Именно там мы будем собирать наши силы против Уорлока. Но Малак будет центром битвы. Он будет нашим спасением или разрушением».

«О чём ты? Малак никогда не подвергнет нас опасности!»

«Лина», мягко сказал Кассиус, «душа Малакка принадлежит Лилит. Он не может противиться её воли. Ни один человек не может. Я наблюдал её силу».

У Лины вспыхнули глаза. «Я видела её силу ближе, чем кто-либо! Но я не оставляю своего мужа! Он никогда не предаст меня, в каком бы он ни был состоянии! И если даже мне придётся вновь столкнуться лицом к лицу с Лилит, я не отступлю!»

Кассиус кивнул. «После увиденной в твоих глазах уверенности я не сомневаюсь в твоей силе духа. Я знаю, что Лилит - твой самый большой страх после того, что с тобой случилось».

«Она была бы и твоим страхом тоже, если бы ты прошел через то, через что мне довелось», сказала Лина. «Каким-то образом тон её голоса встревожил Кассиуса; у него прошла дрожь по позвоночнику».

«Возможно, ты права. Но никто не говорит о том, чтобы бросить Малака здесь, Лина. Кроме тебя, я - последний человек, кто бы это сделал».

Лина нахмурилась. «Как ты связан с Малаком? Откуда ты столько о нём знаешь?»

Кассиус скривил губы, и Лина поняла, что он пытается улыбнуться. «У меня более личный интерес, чем ты можешь знать. Видишь ли, в своей прошлой жизни я знал Малака, как сына».

Лина встряхнула головой. «Я теряюсь...я не понимаю. Тогда, разумеется, я тоже тебя знала. Как тебя звали?»

«Нет, моё предыдущее имя тебе ни о чём не скажет, Лина».

Он глубоко вдохнул. «Но для Малака, для Шадрака, имя Изйасу Танака очень дорого».

Если бы мы могли прочитать тайную историю наших врагов, то мы бы обнаружили в жизни каждого человека печаль и страдание, достаточные для того, чтобы усмирить всю враждебность.

*- Доктрина Белой Школы
(Генри Уодсворт Лонгфеллоу)*

Эния



Исход Мецира Город Гором

11

Детен стоял в огромных железных воротах Горома, люди суеливо проходили мимо него по обеим сторонам. Несмотря на его изорванную одежду, никто не приближался к его тёмной, зловещей фигуре.

Солнце опускалось за городом, тьма проникала на улицы. После жаркого дня воздух наполнял запах нечистот, исходивший от Реки Уай; он создавал странный контраст с запахом ароматных специй. С неба лил сильный дождь, но на Детена упали всего лишь несколько капель. Черные тучи предвещали бурю. Глаза Детена сузились. Он ненавидел гром, возвращавший страшные воспоминания о жизни, которую он пытался похоронить.

Он закрыл глаза, разыскивая свою жертву с помощью внутренне-го зрения. Гором был огромен, но он знал характерные черты Мендаса так же хорошо, как свои собственные.

Умы людей, которых он касался, вызывали у него отвращение. Гором был болен. Население было кровожадным и беспощадным, прожорливым и жадным. Он ощущал едва ли не единственный здоровый разум в воспалённом городе. В городе не было равновесия, не было гармонии. Он чувствовал тёмные храмы для кровавых жертвоприношений, бордели под открытым небом и боевые арены.

Его Целью было положить конец болезни, которую он теперь ощущал: прекратить вечные страдания человеческой расы. Хотя он сам мог быть жестоким и безжалостным, это всегда было ради определённой Цели. Ему не нравилось опускаться до такого уровня, но это была вынужденная жертва. Чтобы уничтожить Древо Жизни, он пожертвует чем угодно. Он посвятил всё своё существование моменту, когда он швырнёт

Архи-Демона Кронзона из Бездны в глубины Клиппота.

Для начала он распознал психический след Мендаса. Тотчас ужасная ярость взорвалась внутри него. Эмоция исходила от Джаада, и подавить её было невозможно. Детен знал, что если он её сдержит, она в конечном итоге вернётся, усиленная во много раз.

Мендас был единственным живущим человеком, которому Джаад жаждал отомстить, но это было страстное желание. А со смертью Мендаса к Детену вернётся вся его сила.

Он решительно пошёл к намеченной жертве.



Мендас опустился на колени перед статуей Маат, его лицо опухло от постоянно текущих слёз. Он рассматривал темноглазую богиню равновесия. Она была высокой и стройной, с длинными чёрными волосами; чёрно-белый немее (прим.переводчика: головной убор египетских фараонов) почти скрыл это. У неё была золотистая кожа, а в руках она держала анх (прим.переводчика: предмет, использовавшийся в древнем Египте в качестве символа жизни) и перо.

От входа в зал за ним бесстрастно наблюдали двое Жёлтых Адептов. Он повернулся и смерил их взглядом. Он ненавидел их племя и находил ироничным, что пребывал в святилище Жёлтой Школы. Хотя ему нужно было многое обдумать, а в храме было спокойно и мирно - то, чего во всём остальном Гороме не хватало. Это было единственное место, где он мог думать, не будучи потревоженным.

Примиришься с самим собой, потому что если ты так плохо с ним обращался, твой сын найдёт тебя. Он вспоминал слова Фионы. И хотя он страстно желал снова увидеть своего сына, от этих слов у него в затылке покалывало от страха.

Мендас терзался чувством вины. У Джаада никогда не было жизни, о которой можно было бы рассказать. Его запугивали и высмеивали все двадцать пять лет его жизни, и он ни разу не набросился, чтобы отомстить, несмотря на его огромный рост. Мендасу было стыдно, он знал, что изводил мальчика больше, чем кто-либо другой.

Бедный малый.

Джаад был слабоумным; вместо того, чтобы защитить его, отец постоянно избивал и унижал его. Его мать умерла при родах, и за это Мендас винил тоже его. Он вспомнил, как в ярости опустил рукоятку кинжала на голову младенца.

Боги, защитите меня! Что я наделал?

Он смотрел на бутылку с ликёром, которую держал в руках. Он разлил вокруг коричневую жидкость, вглядываясь в яд, который он глотал каждый час. С тех пор, как умерла его жена, он едва мог вспомнить

случай, когда был трезв. Теперь он был трезвый, и реальность была хуже, чем он помнил.

Он медленно открутил крышку бутылки. Только эликсир забвения смог бы облегчить его боль. Он поднёс бутылку ко рту.

Вдруг он швырнул её в статую Маат. Богиня смотрела на него с тем же спокойным выражением.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Жёлтых Адептов. Они осторожно наблюдали за ним, но ни один из них не двигался к нему.

Мендас посмотрел на фигуру Маат. Он знал, что она олицетворяет, кроме прочего, равновесие - то, чего ему всегда в жизни не хватало. И, возможно, это прибавляло ему ненависти к Жёлтой Школе. Он перешёл от одной эмоциональной крайности к другой, набрасываясь на своих людей по одному лишь капризу. Он на мгновение с грустью закрыл глаза, вспомнив, что у него больше не осталось ни одного человека.

Нехватка равновесия усугубилась после смерти его жены. Она значила для него всё. Хотя он знал, что и до того в нём не было равновесия, жертва своего детства, по сравнению с которым детство Джаада выглядело спокойным.

Он облизал губы, вернувшись к наводящим ужас воспоминаниям. Ему нужно было выпить.

«Смерть, забери меня!», яростно выкрикнул он.

«Она здесь, Отец», произнёс низкий голос. «И она собирается это сделать».

Мендас медленно повернулся. Детен стоял у входа в храм, в его чёрных глазах кипела ненависть.

«Джаад». Слово застряло в горле Мендаса.

Детен вошёл в святилище. Жёлтые Адепты тотчас пошли, чтобы остановить его.

«Пароль?», спросил один из них.

Детен продолжал идти, как будто не замечал их присутствия: его внимание было сосредоточено исключительно на Мендасе. Первый Адепт сформировал Знак Хорус, направив в него поток энергии. Адепт упал, когда энергия отразилась от ауры Детена.

Второй Адепт положил руку на его плечо.

«Остановись, или я буду вынужден...ах!»

Он закричал, когда Детен схватил его руку, скрутил запястье и сломал его одним плавным движением. Другая его рука зажала горло Адепта, как в тисках. Он продолжал идти, таща Адепта за собой, пока тот пытался убрать его пальцы. Через несколько мгновений Адепт перестал сопротивляться и Детен дал ему упасть.

Мендас стоял, его сын приближался к нему. «Ты не Джаад...», сказал он неуверенно.

«Я именно тот, кто ты думаешь, отец. Только теперь меня знают

как Детена. Я вырос. Теперь я обрёл себя настоящего».

Мендас осторожно смотрел. Его сын был тихий и глупый, а этот человек был невероятно опасен. От его пристального взгляда тряслась душа. Хотя он знал, что человек перед ним - всё-таки его сын.

«Фиона сказала, что ты придёшь за мной», сказал Мендас. «Она даже знала твоё имя: Детен».

Детен положил руку на рукоятку Лишающего жизни. «Я на шёл твоих людей в пещере».

«Кто-нибудь из них жив?»

«Только Неймот».

Мендас опустил глаза. «Он - единственный, кто никогда не обижал тебя. Остальные лучшего не заслужили».

«Как и ты не заслуживаешь лучшего», сказал Детен угрожающим голосом. «Вытащи свой меч».

Мендас с трудом сглотнул. Его пальцы обхватили рукоятку меча. В его глазах появились слёзы, когда он медленно обнажал лезвие. Детен смотрел на него, как хищная птица, глазами, полными ярости.

Кончик лезвия Мендаса покинул ножны. Меч оставался зависшим в воздухе, ни один из них не двигался; Детен хотел продлить его страдание.

Мендас ослабил хватку, и меч с шумом упал на пол.

«Прошу тебя...просто сделай это. Я не могу жить с собой таким, какой есть. И я, конечно, не могу убить своего единственного сына».

«Джаад жаждет мести».

Мендас опустил голову. «Так пусть это свершится. Он имеет право, после всех его страданий».

Гранат размером с кулак Лишающего жизни жадно сверкнул.

«Прежде чем ты это сделаешь, я хочу, чтобы ты знал кое-что.

Я знаю, это выглядит жалко, что я так долго ждал, чтобы сказать тебе, Джаад, но я тебя люблю. Всегда любил и всегда буду любить. Если бы я сам себе в этом признался, то, возможно, признался бы в этом и тебе».

В глазах Детена появилось сомнение.

«Возможно, я был плохим отцом, Джаад, и даже ужасным. Но я, по крайней мере, не был таким ублюдком, каким был мой отец».

Детен вытащил Лишающего жизни.

«Ты думаешь, тебя оправдывает то, что твой отец дурно с тобой обращался? Ты думаешь, это даёт тебе право обращаться так со мной?» В глазах Детена снова появилась ненависть, хоть и не такая сильная.

Мендас засмеялся, этот звук застрял у него в горле. «О, боги, нет. Но, возможно, всё сложилось бы по-другому, если бы кто-нибудь убил его раньше, чем это сделал я».

«Ты убил собственного отца?»

Мендас горько улыбнулся. «Забавно, не правда ли? Ты собира-

ешься сделать то же, что я сделал много лет назад. Мне было четырнадцать, когда я убил своего отца, и с того дня я не сделал ничего пристойного. В тот день я узнал, как убивать, и с тех пор я грабил, разорял и убивал».

Детен пристально смотрел на своего отца. Когда Мендас говорил об отце, в его глазах было больше ненависти, чем в глазах Детена.

«Почему ты убил его?», спросил Детен. Он крепче сжал Лишающего жизни, когда тот нетерпеливо задрожал.

«Почему? Почему я это сделал?», голос Мендаса был угрожающе тихим. «Ты знаешь, каково это, когда тебя насилюют ночь за ночью? Когда тебя каждый день оскорбляют, а тебе еще нет и десяти лет? Нет. Я, может, и бил тебя, но я никогда не принуждал тебя к этому».

Лицо Мендаса скривилось в маске агонии, когда будто он заново пережил то, о чём рассказывал. Детен не мог усомниться в его словах.

«Ты убил его за это?»

«Нет. Даже за это я мог бы его простить. В конечном итоге. Но слышать, как он каждую ночь насиловал мою младшую сестру, которая не могла ничего с этим поделать... За это я его убил. Я убил его и сделал это с радостью. Когда он убил её».

Детен, поражённый, рассматривал его. Так много боли в лице он видел лишь однажды: когда смотрел в зеркало.

«Ты должен отпустить свою ненависть, отец. Если ты этого не сделаешь, она сожжёт тебя. Она будет поглощать тебя до тех пор, пока для тебя не останется ничего, кроме ненависти».

Мендас поднял взгляд. «А что насчёт тебя, Джаад? Разве ты не должен тоже отпустить свою ненависть? Я вижу в тебе ужасный мрак».

Детен злое улыбка. «Для меня слишком поздно, отец. Возможно, когда-то я мог вернуться назад, но теперь уже нет. Боль и ненависть - это всё, что у меня есть».

«Слишком много боли, Джаад», всхлипнул Мендас. «Слишком много боли».

Он наклонился вперёд, чтобы обнять сына. Детен напрягся в неуверенности. Затем он убрал в ножны Лишающего жизни и обнял отца рукой. В его глазах появилась одна единственная слеза. Он изумлённо потрогал её.

«Ты выглядишь так, будто никогда раньше не видел слёз», сказал Мендас.

Детен нахмурился «Джаад плачет, Детен - нет. Не плакал на протяжении трёх жизней».

Он отпустил Мендаса, чтобы пристально на него посмотреть. «Скажи мне, отец. Хотел бы ты положить конец боли? Всей боли? Положить конец боли всего мироздания?»

Мендас выглядел озадаченным. «Разве это возможно?»

«Это - Цель». Он положил руку Мендасу на плечо. «Пошли, отец. Нам многое нужно сделать».

«Куда мы идём?»

«В логово Чёрной Школы. Пришло время мне вернуть мой трон ...».



Бэл сидел в пятиугольном тронном зале Уорлока, его движение было ограничено магическими цепями, связывавшими его. Комната была достаточно маленькая, с минимумом украшений. Огромный трон был высечен из цельного камня, без видимых стыков или дефектов. Он был усыпан рубинами и сапфирами, а его грубые края были отделаны золотом и платиной.

Стены были украшены разноцветными гобеленами превосходного качества и изумительной красоты. Каждый из гобеленов изображал одну из многочисленных триумфаторских побед Уорлока. Сами стены светились мягким серо-голубым светом. Они были заколдованы, сквозь защитное поле не могла проникнуть магия более слабая, чем Уорлока, что делало их совершенно неуязвимыми.

Вдруг дверь плавно открылась и вошёл Уорлок, от его тяжёлой поступи комната дрожала. С каждым шагом его посох с силой ударял по полу. Бэл заметил, что Уорлок всегда держит посох при себе. Демон дорожил им больше всего на свете.

Глаза Уорлока казались ярче, чем обычно. Было сложно представить, что глаза такого пленительного цвета могли принадлежать существу настолько злобному.

«Ты ещё здесь?», спросил Уорлок голосом, полным сарказма.

«Мне больше нечем заняться», холодно сказал Бэл.

Уорлок сел и уставился на Бэла пронизывающим взглядом. Бэл почувствовал, как его изучают, и не смог разорвать зрительный контакт. Впервые с тех пор, как его пленили, Уорлок обратил на него внимание, и это не сулило ничего хорошего.

«У тебя конфликт внутри тебя самого, Бэл. Мне интересно, как ты его разрешишь».

«Ты ошибаешься. Внутри меня нет конфликта. Я живу только ради того, чтобы служить своему Мастеру».

«Правда?» Черное злобное скелетоподобное лицо Уорлока приблизилось. «Да, я вижу твою преданность. Огромную преданность. Если бы мои адепты были такими же преданными, как ты».

«Тогда ты понимаешь, что я никогда не смогу предать своего Мастера».

«Возможно. Но не недооценивай другие преобладающие качества твоей личности».

«И что бы это могло быть, о, Великий Мудрец?», сказал Бэл с сарказмом.

На мгновение показалось, что Уорлок ударит его своим посохом, но это мгновение прошло.

«Твоё тщеславие, разумеется. И поверь мне - оно такое же сильное, как и твоя преданность!»

«Никогда», сказал Бэл, но на его лице был стыд, как будто из него вытащили большой секрет.

«Мне интересно, что восторгается. Скажи мне, ты хочешь руководить Чёрной Школой на месте твоего Мастера?»

Бэл сохранял молчание. Казалось, что Уорлоку было весело.

«Давай посмотрим. Я загляну в твою душу, чтобы прочитать твоё будущее. Мы увидим, каким великим человеком ты станешь».

Бэл почувствовал, как его разум подвергся тщательному изучению, и начал бороться. Даже собрав всю свою волю вместе, он всё равно не смог оторваться от взгляда Уорлока.

«Что это?» Голос Уорлока стал серьезным. «Похоже, твоё будущее будет еще более великим, чем я думал».

«Что ты видишь?», спросил Бэл, пытаясь не выдать свой интерес.

Скелетоподобные черты лица Уорлока неодобрительно скрипились. «Похоже, что после всего ты будешь управлять одной из Школ магии».

«Это невозможно», сказал Бэл. «Ты увидел неверно».

«Я не вижу неправду», сказал Уорлок. «Возможно также, что я тебя сейчас убью. Я берёг тебя, что ты увидел, как Детен встанет передо мной на колени, но, возможно, мне стоит быть осторожным со студентами, нежели с Мастером».

Бэл слабо улыбнулся. «Именно Детен свергнет тебя. Не сомневайся в этом».

«Это невозможно. Но, в целях предосторожности, я должен быстро разобраться с вами обоими».

Бэл тяжело сглотнул, когда посох Уорлока начал сиять.

Вдруг в комнату вошёл капитан Чёрных Стражников. Он запаниковал, когда увидел пылающий посох, но быстро вернул самообладание и преклонил колени.

«Мастер, у меня для вас новости».

Казалось, Уорлок не мог решить, что делать. Он остановился, и посох потемнел.

«Какие новости ты принёс? Смерть Кассиуса Хоукина, я надеюсь?»

Глаза капитана выдали его нервозность. «Нет, Мастер. Похоже, Хоукин выжил после нападения, а Грешвин был схвачен врагом. Хоукина видели вчера в Гороме».

«Он ещё жив!» Голос Демона сотряс комнату. «Похоже, мне при-

дётся самому разбираться с этим человеком, если даже нужно будет отправиться в Софию». Он на мгновение остановился в глубокой задумчивости. «Что ты делал в Гороме, Хоукин?»

«Мастер, кое-что ещё произошло в Гороме. Возможно, это ничего не значит, но у нас указание докладывать обо всём...».

Уорлок нетерпеливым жестом дал капитану знак продолжать.

«Произошел инцидент в храме Жёлтой Школы. Туда силой про-
рвался большой человек, а затем, спустя несколько минут, он ушёл».

Брови Уорлока сдвинулись. «Жёлтая Школа - не слабая. Такая задача не из лёгких. Вход охраняется сильными Адептами».

Солдат кивнул. «Мастер, на незваном госте были чёрные одежды».

Бэл усмехнулся. «Он идёт, Уорлок. Мой Мастер придёт за тобой».

Демон уставился на своего пленника. «Так пусть придёт. Я ждал этого противостояния веками, подготавливая защиту. Теперь ни один человек не сможет бросить мне вызов». Он погладил самоцвет на посохе. «Не правда ли, хороший мой?»

Самоцвет зловеще задрожал.

Этот Орден часто критикуют за его причастие к боевым искусствам. Но я вам скажу: если у человека никогда не будет возможности совершить зло, то как же он сможет заслужить доверие, чтобы следовать Свету? Подобно тому, как если человек не знает, как причинять зло и разрушать, то как он сможет постичь, чтобы не делать этого?

Берегитесь, ибо пацифизм не является оправданием малодушия. Чтобы подняться над сражением, сначала нужно стать воином.

Планета Шеллус



Малкут Ассия Город Пренцлау

- Маг Жёлтой Школы

12

Шадрак стоял в центре своей комнаты, его разум обдумывал ситуацию. Он в Ордене уже шесть недель, его разум был намного более сосредоточенным. И хотя он всё ещё чувствовал большое внутреннее смятение, его предыдущая жизнь теперь казалась ему частью его самого - он знал, что Он и Белый Адепт из его видений - это один и тот же человек. Однако связь была чрезвычайно тонкой. Шадрак сконцентрировался и скрестил руки впереди, в позицию их в уоі (готовность). Его тело начало приходить в себя от демонической одержимости, но всё ещё было слабым. Его эфирное тело теперь было правильно связано с физическим, и последние две недели у него не было ощущения, что его ноги волочатся.

Он сделал шаг вперёд в gedan-barai (нижний секущий блок), блокируя своё нижнее тело взмахом левой руки. Он недовольно скривился; технике не доставало скорости или силы. Он понял, что ему придётся восстанавливать свой budo-kaï с нуля. Сперва ему нужно вернуть хорошую физическую форму, равновесие и технику. Затем он сможет начать работу по скорости и силе.

Он начал практиковать базовые техники, двигаясь вверх и вниз. Каждую атаку он выполнял медленно, постоянно отслеживая положение каждой части тела. Таким образом он определял любые отклонения от оптимальной линии силы.

Сейчас ему придётся полагаться на себя самого. У него больше не было отца, Ийзасу, чтобы корректировать его техники и ментальное состояние.

Очень быстро он начал уставать. Он ускорялся, заставляя тело

почувствовать тренировку, которой ему так долго не хватало. Его разум пытался блуждать, и каждый раз ему приходилось мягко возвращать его назад, чтобы сосредоточиться на теле.

Он нашёл состояние своего budo-kaï крайне удручающим, но он знал важный трюизм, которому его научил отец: практикуй ради практики, а не ради жадности результатов. Потому что люди, жаждущие получить результат, повторяют то, в чём уже были мастерами; а поэтому они пренебрегают своей слабостью. В реальности слабость - Ахиллесова пята, от которой нужно избавиться.

Шадрак повернулся в противоположном направлении. Вдруг атмосфера в комнате изменилась. Он подумал, что, возможно, это была игра его подсознания, пытающегося захватить его внимание и избежать тренировки, которую он ему навязывал, поэтому он продолжил работу. Однако после двух ударов послышался злобный шёпот, кружащийся вокруг него в постоянно уменьшающемся круге.

Он остановился, внутри него поднимался страх. Он увидел очертания чёрных тенеподобных существ, кружащихся вокруг него. Глубокое, угрожающее рычание сотрясло комнату. Он опустился на пол, его глаза расширились от страха. Он знал, что Она возвращается.

Вокруг него появилось мерцание, схожее с северным сиянием; комната стала сюрреалистичной. Впервые за многие месяцы он почувствовал удар либидо.

Он быстро поднялся с пола и начал двигаться, проходя над кольцом кружащихся сущностей. Дойдя до противоположной стены, он с усилием рванул дверную ручку. Она не сдвинулась с места. Он повернулся, чтобы осмотреть комнату, крепко прижавшись спиной к двери.

Чёрные демоны кружили, ускоряясь, в центре комнаты в постоянно уменьшающемся круге. Шадрак с ужасом наблюдал, как они слились вместе, формируя единую вращающуюся чёрную массу. От неё исходило красивое зелёное свечение; она медленно вытягивалась в вертикальный столб шести футов в высоту.

Порыв ветра затушил масляную лампу. Шадрак задрожал, оставшись в кромешной тьме; он видел только зелёный свет, но, несмотря на его яркость, он не освещал комнату. У Шадрака возникло сильное чувство deja vu.

Столб медленно расширялся, формируя светящуюся человеческую фигуру. Затем свет погас, оставив Шадрака одного в непроглядной тьме. Его сердце болезненно забилося, а дыхание стало учащенным. Она вернулась за ним; она была здесь. Он ощущал её смех в глубине своей души - души, которой она владела.

Внутри него зажглась маленькая искра гнева. Воспоминания о его прошлой жизни до некоторой степени укрепили его; теперь он мог взять силу духа обеих личностей. Лампа вернулась к жизни, и он увидел её. Её

лицо было почти в дюйме от его собственного, и его гнев тотчас испарился.

Впервые в своей нынешней жизни Шадрак увидел, насколько она соблазнительна. Её губы были ярко-красного цвета, чистые и нетронутые мужчиной. Её идеальная фигура и элегантные брови прекрасно сочетались с её эльфийскими ушами и носом. У неё была безупречная, идеально белая кожа. Её блестящие чёрные волосы опускались каскадом по нежным плечам, почти доставая до её обнажённой груди.

Её глаза затягивали Шадрака, заманивая его, как беспомощное насекомое, в стальную паутину. Она были глубокими, ярко-пурпурными; это был цвет из другого мира, который невозможно найти на земле. Цвет жил своей собственной жизнью, в нём была неприкосновенная сущность. Он знал, что принадлежал этим глазам, что его место - в этих потусторонних владениях; и он знал, что его разум и душа - лишь незначительная точка в этом мире. Он впервые понял, что хоть Лилит и была Архидемоном, она была больше похожа на Богиню, чем на женщину. Её сила подчинила его.

«Ты узнаёшь меня, Шадрак? Или мне следует сказать...Малак?», промурлыкала она; от этого голоса его тело задрожало от сексуального желания, сразу вызвавшего эрекцию.

«Я - Шадрак...», прошептал он.

Он едва мог контролировать себя, пока её глаза высасывали из его тела жизненную силу. Она была одновременно существом, которого он желал больше всего в мире, и существом, которого он больше всего боялся. Желание было маниакальным и страстным, от которого невозможно отказаться, но в то же время оно вызывало ужасный страх. И хотя сейчас она была перед ним в своей соблазнительной, сексуальной форме, она владела им на протяжении нескольких месяцев в своей ужасной, brutальной демонической форме. Это было то, что он никогда не сможет забыть, ни на одну минуту своей жизни.

«Ты знаешь, кому ты принадлежишь, Шадрак?», спросила она.

Он попытался закрыть глаза и разорвать зрительный контакт с ней, но его тело отказалось. Он тяжело дышал, метаясь в агонии, когда в его систему были запущены гормоны невероятной потенции.

«Ты принадлежишь мне, ты - моя игрушка...». Она провела пальцем по его груди. Он издал сдавленный крик, когда его кожа почернела от её прикосновения, оставлявшего за собой чёрный, дымящийся след боли; одновременно по его телу промчался экстаз оргазма.

У него не было воли; его существование было смехотворно. Он кивнул в знак согласия.

«Я...принадлежу тебе».

«Всегда помни, что твоя душа - моя, и ты родился в этом мире, потому что я так решила. Скоро ты переместишься в свой родной мир, в

Йесод. Там ты должен выполнить данное задание».

«Всё, что угодно, госпожа...». Несмотря на агонию, он делает что угодно, чтобы вновь ощутить её прикосновение.

«Когда ты переместишься назад в Энию, ты должен будешь найти своего брата, Детена. С его помощью я смогу использовать твоё тело в качестве ворот назад в план. Ты сделаешь это для меня, и в этот раз для меня не будет границ. В этот раз не будет никаких ограничений».

Шадрак нахмурился в замешательстве, когда его опьянённый разум внезапно пронзила мысль.

«А что с Энией, она будет уничтожена...».

Глаза Лилит гневно потемнели, в них появилась сверкающая темнота, не поддающаяся описанию. Она прижала указательный палец к его губам.

«Шшшш! Помни!»

Шадрак попытался крикнуть от этого прикосновения, когда вокруг его рта замелькали вспышки огня, но его губы были запечатаны вместе. Комната вокруг него стала терять реальность. Он почувствовал жалющую боль в лице, и всё почернело.

Затем он увидел расплывчатое лицо Галана; боль потихоньку отступала.

«Что...что...».

«Расслабься, дитя, с тобой произошло страшное событие», сказал Галан.

«Она была здесь...».

Галан кивнул. «Она погрузила тебя в твой собственный разум. У неё теперь нет силы, чтобы владеть тобой или навредить в физическом плане, который не находится в гармонии с её собственным. Она может это делать только через тебя».

В глазах Шадрака были слёзы. «Я не могу бороться с ней, Галан... Она слишком сильна!»

«Ты должен, или мы все будем потеряны...», сказал Галан. «Я могу помочь тебе, но эта битва - только твоя».

Шадрак сокрушенно повесил голову, вновь ощутив, что его душа начинает раскалываться.



До рассвета оставалось несколько минут; Шадрак сидел на кровати, бесстрастно рассматривая комнату. Его поза была неуклюжей, голова наклонилась под углом вперёд. Кожа была бледной и нездоровой, глаза - впалые и бесцветные. В них больше не было воли к жизни.

Он увидел первые утренние лучи, падающие сквозь арочное окно, и услышал пение птиц, возвещавших приход нового дня. Но это

только раздражало его, хотя он в лучшем случае смутно осознавал их присутствие. Гнетущая жара комнаты была очень некомфортной; в Ниппоне в середине лета никогда не было так тепло, даже в полдень.

Он поднял голову; мимо него проплывали кометоподобные вспышки бриллиантово-белого цвета, а в воздухе сверкали голубые искры. Это были явления, которые он не мог контролировать, и, хуже того, они напоминали ему о Лилит. Он содрогнулся при одной лишь мысли о её имени; он сжался, ожидая, что Архи-Демон набросится на него за его дерзость.

Его разум лениво блуждал от предмета к предмету. Он постоянно возвращался к вопросу о его личности. В нём существовало два набора воспоминаний, когда-то отчётливых и определённых, но теперь смешанных и запутанных. Ни один из наборов не был полным, и он постоянно путал их друг с другом. Он чувствовал две отдельные личности и жизни, но он был не Малак, не Шадрак, и даже не странный гибрид. Он погрузился в бесконечную пустоту, неизменный лимб, из которого нет спасения.

Его эмоции проходили сквозь апатию, смятение и страх, которые всегда присутствовали, просто менялась интенсивность их влияния. Он знал, что повторное появление Лилит разрушило его трусливую невозмутимость: он боялся демона всеми фибрами своей души.

Его разум был неспособен отличить иллюзию от реальности. Рядом с ним на кровати сидел маленький красный демон с чёрными рогами и чудовищными, как смоль, глазами. Он сидел так же, как Шадрак, раздражая каждое его движение, а по комнате плавно тихо двигалась маленькая, стройная женская фигура. Это было невероятно красивое существо с большими прозрачными, грациозно хлопавшими, крыльями. Однако Шадрак был слеп к красоте: он был завёрнут в кокон, через который едва проникали чувства и ощущения.

Странный посторонний звук нарушил его механический мыслительный процесс, и через мгновение он почувствовал проблеск интереса. Он повернул голову к двери.

«Мяу!» Он еще раз вздрогнул от этого звука. Шум, которого он не слышал никогда раньше, хотя что-то глубоко внутри тянулось к нему.

Котёнок вошёл в комнату и посмотрел на него с игривым любопытством. Ему едва было несколько недель от роду, его зелёные глаза смотрели на всё с восторгом. У него была чёрная шерсть, блестящая здоровьем, а его уши постоянно подёргивались.

Шадрак зачарованно смотрел на это создание, ощущая его призыв к чему-то глубоко внутри него. Котёнок выглядел самым реальным из всего, что он когда-либо видел: рядом с ним всё остальное казалось двумерным. Он понял, что так он начинает видеть мир: для него он потерял всю глубину.

Хотя этот котёнок был чудом, более восхитительным, чем что-либо, что он мог себе представить. Он поднял сморщенную мордочку вверх, закрыл глаза и зевнул, широко открыв рот. Шадрак улыбнулся, когда заметил игольчатые зубки и маленький розовый язычок. Усы у котёнка были почти такими же широкими, каким длинным было его тело, а живот висел возле пола, выдавая, что он недавно был накормлен.

Теперь он стоял перед Шадром и, с любопытством наклонив голову, смотрел на него. Зелёный цвет его глаз казался Шадру невероятно ярким. В них был необычный отклик, почти сюрреалистичный. Хотя он знал, что глаза не были необычными: просто он видел вещи совсем иначе, намного яснее, чем прежде.

Котёнок игриво сел и почесался лапкой.

Шадрак тяжело задышал, когда к нему вернулись воспоминания о другой кошке. Перед его мысленным взором появилось существо с чёрной, как смоль, шерстью и глазами, подобно двум кусочкам нефрита. Но этот зверь не был котёнком: у неё было блестящее тело пантеры с подвижными, выступающими мускулами. И вдруг оказалось, что он знает её имя - Баст.

Теперь он чувствовал сильное стремление к другу своей семьи. Он вспомнил чужеродный взгляд и её преданность на протяжении нескольких жизней. Он вспомнил последний раз, когда они были вместе, когда она покинула его в Небесной Башне перед тем, как он вызвал Лилит. Он не винил Баст за это, потому что именно он предал её, а также всех остальных из Белой Школы. Он думал о том, вернётся ли Баст когда-нибудь к нему.

Пробуждённые воспоминаниями о Баст, перед его мысленным взором начали возникать другие образы. Мир вокруг него медленно начал исчезать из сознания, когда он погрузился в себя. Он увидел единого рога у водопада и образ раненого ястреба, которого он когда-то излечил. Затем он смог реально почувствовать и ощутить запах тела его старой лошади, скачущей сквозь деревья Зачарованного Леса, касаясь их синезелёных листьев.

Он сразу понял, что это всё воспоминания Малака. Мгновение он боролся с ними, боясь потерять их подлинность. Хотя он, вне всякого сомнения, знал, что это его собственные воспоминания, и что Он и Малак - это одна сущность, разделенная только временем и опытом.

Видения расширялись и усиливались, становясь более осязаемыми и печальными. Он переживал сцену за сценой, проходя сквозь старые события и переживания в их мгновенной, едва ощутимой цельности. Видения проникали из всех углов, а его зрение внезапно стало всеведущим, проникающим во всех направлениях.

Видения были из предыдущих жизней до нынешнего воплощения Малака, они пролетали с поразительной скоростью, будто двигались

сквозь безграничный конус. Он пытался удержать их подлинность, помнить, что он всё ещё жив, но чувства уносили его, как приливная волна.

Он запаниковал, когда почувствовал, что тонет, и попытался бороться за своё дыхание. Видения создавали чудовищное давление, сокрушая его во всех направлениях, даже когда он их переживал. Они без конца мелькали и изменялись, показывая незнакомые пейзажи и создания за пределами воображения. Он попытался крикнуть, когда двинулся быстрее, ускоряясь по направлению к какой-то неизвестной, мистической точке.

А затем образы исчезли. Он двигался в безмятежной, пульсирующей темноте, излучающей чувство безопасности. Это была тёплая, комфортная темнота, как забытое лоно. Его разум чувствовал себя свободно, паря, как орёл, над его многочисленными воплощениями, и с лёгкостью их принимая. На мгновение он ощутил вечную истину. Он осознал бесполезность своего имени, вне зависимости от того, называет он себя Малаком или Шадром. Его сущность была вечной, следующей от жизни к жизни в поиске опыта. И хотя новые имя и личность в каждом воплощении были вымышленными, сама сущность была неизменной и постоянной - он был бессмертен.

Осознание длилось всего секунду, хотя он страстно желал удержаться в нём. А затем он почувствовал, что падает, падает. Толчок - он вновь ощутил своё тело и открыл глаза. Физический мир постепенно снова фокусировался, и он глубоко вдохнул, поражённый путешествием, которое совершил.

На полу перед ним сидел Галан, державший удовлетворённо мурлыкавшего чёрного котёнка.

«Ты специально это устроил», сказал он.

«Я знал, что на подобного котёнка будет сильная реакция».

Шадрок покачал головой. «Ты достаточно хорошо меня знаешь, Галан».

Когда он осмотрел комнату, он понял, что в нём произошло невероятное ментальное изменение. Его апатия была сломлена; всё было ново и свежо, как его восприятие котёнка, когда он пришёл впервые. Золотые лучи раннего утреннего солнца светили через окно и в комнату доносился звук пения птиц. Он чувствовал себя заново рождённым.

«Как ты себя чувствуешь?», спросил Галан, словно прочитав его мысли.

«Почти завершён», сказал он.

Галан кивнул. «Чувствительность будет постепенно ослабевать по мере того, как в твоей памяти будут гаснуть пережитые события, но ты не погрузишься назад в своё предыдущее эмоциональное состояние. Теперь ты сделаешь большой шаг вперёд».

Шадрок немного успокоился и кивнул.

«Как бы то ни было», продолжил Галан, «для того, чтобы ещё больше тебя подбодрить, я приготовил для тебя кое-какие подарки».

«Подарки?»

Галан рукой указал Шадрок на два свёртка, лежащих рядом с ним на кровати. Один - квадратная коробочка, другой - длинная и тонкая.

«Что в них?»

«Есть только один способ это узнать».

Шадрок осторожно открыл коробку. Он открыл рот от удивления, когда увидел содержимое: полотняный тренировочный gi, традиционная униформа для занятий каратэ с древних времён. Даже когда он жил с Ийзасу Танакой, у него не было такого.

«Я подумал, что это подойдёт», сказал Галан. «Теперь открой второй».

Шадрок развернул чёрный шёлк, в который был завернут длинный свёрток, и изумлённо посмотрел. Галан вернул ему его катану и вакидзаси.

Он почтительно вытащил катану, заметив, что лезвие было заточено после битвы в деревне Киото. Он порезал палец о край и снова захватил оружие.

«Теперь ты снова самурай», сказал Галан. «И ты можешь восполнить ту огромную силу, которой Ийзасу Танака тебя обучил».

Шадрок крепко прижал к себе мечи и закрыл глаза.

«Да, я самурай».

Галан удовлетворённо кивнул, услышав в голосе ронина силу и решительность.

Самое непостижимое в этом мире — это
то, что он постижим.

- Альберт Эйнштейн

Планета Теллус



Малкут Ассия
Город Пренцлау

13

Шадрак окончил выполнять ритуал с изгоняющей пентаграммой и опустил руки по бокам. Он глубоко вдохнул, наслаждаясь чувством спокойной отстранённости, которым его вознаграждал этот ритуал. На протяжении трёх месяцев он следовал программе ритуальной магии, которую ему посоветовал Галан. Каждое утро он вставал вместе с солнцем, а вечером ложился спать, когда оно садилось. Несколько раз в день он выполнял ритуал с изгоняющей пентаграммой, чтобы освободиться от негативных физических сил, а также Rousing of the Citadels (буквальный перевод-возбуждение цитаделей), с помощью которого он стимулировал свои основные чакры через визуализацию.

Работа произвела на него благотворный эффект. Теперь он чувствовал себя намного более сбалансированным, и хотя он часто был скептическим, он больше не был охвачен присущей ему ранее апатией. У него больше не было посетителей от Лилит. Он знал, что план Малкут был ей чужд, и что здесь ей сложно применять свою силу. Она также очень осторожно относилась к силе Галана, зная, что он обладает гораздо большей силой, чем можно подумать.

Будто зная, что ронин о нём думает, раздался стук в дверь.

«Входи», крикнул Шадрак.

Галан вошёл и шутливо посмотрел на Шадрара.

«Ты только что закончил свои ритуалы», сказал он.

«Откуда ты знаешь?»

«Я вижу пентаграммы. Они тусклые: тебе следует попытаться визуализировать их сильнее».

«Да, отец».

Галан пересёк комнату и сел в середине на пол. Шадрак опустил-

ся, чтобы присоединиться к нему.

«Я думаю, что, возможно, пришло время изменить режим твоего питания», сказал Галан.

«Изменить?»

«Мы исключим мясо, рыбу и яйца».

«Зачем? Мой рацион не годится?»

«Новая диета ещё больше откроет твои чакры, очистит и улучшит твоё астральное тело. К тому же плотная пища не годится для твоей астральной формы или для твоего физического тела. И хотя у человека зубы всеядного животного, у него кишечник вегетарианца; мясо никогда полностью не переваривается. Я думаю, что твой прогресс в ритуале должен защитить тебя от слишком сильного физического раскрытия».

«Но почему нельзя яйца?»

«С принятием в пищу мяса и рыбы приобретается кармический долг, пропорциональный состоянию поедаемого существа. Съедая его, ты частично принимаешь ответственность за его смерть. Но яйца обладают совершенно другим эффектом из-за большой астральной формы. Плотные протеины, содержащиеся в яйцах, служат причиной животного поведения людей. Есть старая максима, гласящая: Ты - то, что ты ешь, и это абсолютная, правда. Тебя так долго кормили подобной пищей, чтобы излечить твоё когда-то разрушенное тело».

Шадрак улыбнулся. «Означает ли это, что я - овощ?»

Галан не ответил. Шадрак заметил, что он говорил только тогда, когда было что-то значимое, о чём нужно сказать. Как будто он возмущался каждому моменту, проведённому на физическом плане; он никогда не казался полностью сосредоточенным внутри него.

«Галан, ты мудр. Ты ответишь на мой вопрос?»

«Мудрый человек просто знает границы своего собственного неведения. Но я постараюсь ответить».

«Зачем мы здесь? Я не имею в виду на Теллусе, я имею в виду - зачем мы существуем? Мы постоянно страдаем, а смерть кажется единственной целью. А затем мы повторяем цикл страдания, воплощаясь снова».

«Ты говоришь почти как инициат Чёрной Школы».

«Их доктрина, как ты объяснил её, для меня имеет смысл. Тебя беспокоит, если я приму философию Чёрной Школы?»

Галан нахмурился. «Лично меня - нет. Все пути ведут к одной цели. Мастерство - в выборе верного пути в правильное время, чтобы расти. Этот путь не поможет твоему росту. Но это твой выбор. На меня он не влияет».

Шадрак смотрел в пол. «Иногда ты говоришь так безразлично, как будто тебе ни до чего нет дела».

Галан пристально на него посмотрел, на какое-то мгновение его

внимание было полностью сфокусировано. Шадрак содрогнулся; сила этого взгляда напомнила ему о Детене.

«Ты должен понять, Шадрак, что я поднялся выше того, что ты можешь представить. Ничто никогда не сможет подготовить тебя к горькому опыту Бинах. Я пересёк Бездну, отбросил свои смертные ограничения такими способами, которые ты не можешь постичь. Я вижу Божественный Свет во всём, ощущаю его реальность каждой клеткой своего существа. Но, несмотря на это, я всё ещё отделён от Света».

«Ты желаешь объединиться с ним?»

Глаза Галана загорелись так ярко, что Шадрак подумал, они его испепелят.

«Да! Это всё, чего я хочу! Всё остальное для меня не важно. Эта планета - всего лишь точка в бесконечной вселенной, которая сама является всего лишь точкой в Божественном. Любые события, происходящие здесь, только оттягивают моё единение со Светом».

«Вокруг тебя тьма, отец. Хотя я знаю, что, когда ты добьёшься цели, ты совсем не будешь таким. Как Маг ты заботился обо всех и обо всём: ни одно существо не оставалось без твоего внимания».

Галан улыбнулся; вдруг в его взгляде появилось столько сострадания, что оно пронзило Шадрака до мозга костей.

«Ни одно существо не останется без моего внимания. Помни, что для меня эти события ещё только должны произойти». Он помолчал. «Сейчас я могу казаться тебе безразличным и, возможно, я такой и есть. Но если я не сосредоточусь целиком на своей цели, то я не достигну её. Ты должен понять, что моя осведомлённость совсем не такая, как у тебя. Пока я сижу здесь, я осознаю планы, о существовании которых ты даже не подозреваешь. На некоторых из них я работаю, обучаю или общаюсь с другими, кому нужна помощь. Этого требует от меня Свет. Сложно распределять моё внимание равномерно. Если кажется, что мне не хватает эмоций, то это потому, что я поглощён многими другими проблемами. Возможно, я сделал первый шаг на пути через Бездну, но я всё ещё человек. Когда я стану единым целым со Всем Этим, тогда мои возможности будут безграничны».

«Оно стоит того? Всей боли, через которую мы проходим?»

«Ты очень много страдал в этой жизни, и в предыдущей. Но ты всегда должен задаваться вопросом о причине, стоящей за всем этим».

«Я не хочу знать. Я хочу только покоя и чтобы боль прекратилась. А также, возможно, соединиться когда-нибудь с Линой».

Галан поднял бровь: впервые Шадрак сказал об этом последнем желании.

«Жизнь сложна: это самое трудное задание. Но помни, что это постоянный экзамен. Нам предоставляются цели, которых мы можем достичь, если только мы достаточно глубоко займемся ими. И в конечном

итоге человек получает приз намного больший, чем покой, которого ты желаешь.

Если человек может заглянуть в самую глубокую тьму, не отступив, значит есть надежда на то, что он сможет приблизиться к Свету Бога, не будучи сожжённым». Он вздохнул. «И сейчас я нахожусь в глубочайшей тьме - это последнее, самое трудное задание перед окончанием моего образования».

«Там, где я существую, Бога нет», сказал Шадрак.

«Он везде, хотя нормальному человеку сложно это осознать».

«Потому что он находится отдельно в его самопровозглашённой Бездной святости!»

«Бездна действительно существует, и она отделяет нас от Бога. Но это происходит из-за нашей собственной малости. Чтобы понять Бога, слабая человеческая природа должна совершить переход от ограничения к бесконечности, от смертности к бессмертию.

Человек должен расширить своё сознание от состояния замкнутости в одном месте и времени, с мелкими эгоистичными желаниями, до состояния всезнания, всемогущества и глобальности. Бог создал мужчину и женщину, измерения пространства и времени. Описывать его в подобных выражениях - ещё более нелепо, чем объяснять природу солнца в таких человеческих выражениях, как гнев и зависть. Помни: «Свет - это тень Бога». Его природа выходит за пределы всех описаний, а узнать его можно только ощутив его присутствие».

«Что мы и заинтересованы сделать».

«Каждый человек и существо в конечном итоге снова сливается с ним, но это всё происходит по доброй воле. Каждое существо должно сделать свой личный выбор по своей собственной воле».

«Почему ты говоришь о Боге, как о «нём»?»

«Языковые ограничения. У Бога есть мужское и женское начало, однако он выходит за пределы обоих».

Шадрак задумался. «Тогда как нам до него дотянуться? Как нам развиваться?»

«Есть много способов, и будет мудро никогда не критиковать путь другого человека. Но в основном сама жизнь ведёт нас через события, которые нужны нам для роста. Есть более быстрые способы, но они зачастую более опасные. Твой брат-близнец понял это. Однажды он попытался использовать ритуальную магию».

Шадрак кивнул. «Мне кажется, что мои собственные ритуалы постепенно становятся сильнее. Иногда во время их выполнения я вижу в воздухе вспышки».

«Это хорошо: ты начинаешь развивать астральное зрение. Я заметил, что твоё боевое мастерство быстро улучшается, а твоё физическое здоровье теперь лучше».

«Да, мой budo-kaï стал намного лучше».

В глазах Галана появилась редкая хитринка.

«Тогда, возможно, мы сможем произвести обмен: я помогу тебе в твоём магическом обучении, а ты научишь меня боевому искусству».

«Тебе не кажется, что пятьсот лет - это многовато, чтобы начать заниматься?»

«Было predetermined, что ты меня обучишь. Иначе каким образом ты узнаешь budo-kaï как Малак? Как ты знаешь, моя будущая жизнь находится в твоём прошлом, а ты - единственный, кто способен обучить меня, чтобы в своей следующей жизни в качестве Мага Энии я смог обучить Малака и Детена».

Шадрак озадаченно нахмурился. «Так значит...ты хочешь, чтобы я обучил тебя, чтобы ты смог потом в своей следующей жизни обучить меня?»

Галак кивнул, его странные глаза блестели. «Интересный парадокс».

Эния

Исход Мецира

Что человек посеет, то он и пожнёт.

- Галатам 6:17

А если будет вред, то отдай душу за душу, жизнь за жизнь, Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу.

- Исход 21:23-25



Чёрная Школа

Подземное

логово

14

Густые чёрные и пурпурные облака сливались в вечернем небе, ночь сгущалась над дикой, заброшенной западной частью Энии. На пылающем горизонте виднелись силуэты двух фигур на лошадях.

Детен знал, что он близок к своей цели. Вокруг него лежала изломленная и засохшая земля гигантской пустоши, известной как Дикая Местность. В прошлую жизнь Детена здесь никто никогда не жил, и даже теперь эта земля была населена только отшельниками, змеями и скорпионами. Но Детен знал, что подземный лабиринт, который он когда-то построил, находится меньше, чем в миле отсюда, его многочисленные входы спрятаны даже от самых упорных искателей.

«Мы на месте», сказал он. «Тебе лучше подождать здесь».

Мендас нахмурился. «Я буду драться на твоей стороне, Джаад».

Детен кивнул. «Я знаю, но твое умение здесь тебе не предоставит защиту».

Он повернулся к Греймисту. «Охраняй его», приказал он. На мгновение он остановился, удивляясь самому себе.

Он погнал свою слабевшую лошадь вперёд. Он знал, что найдёт в Чёрной Школе Уорлока, существо огромной силы. Его собственная сила уже полностью вернулась. Он знал, что битва будет жестокой; победитель может быть только один.



Детен шёл по узкому коридору, не обращая внимания на гигантские, плотные паутины, блокирующие путь. Он знал, что этот вход Уорлоку не известен. Раньше только Детен знал о его существовании, и

паутины указывали на то, что так было до сих пор.

Он посмотрел сквозь магический кристалл на лабиринтоподобные проходы подземного логова, проверяя, не появились ли новые защиты со времени его последнего посещения. Изменилось очень мало, хотя части конструкции расширились. Он обнаружил магическую печать около центра лабиринта. Он не смог проникнуть сквозь неё с помощью ясновидения, но он знал, что его цель находилась внутри опечатанной комнаты, бывшей когда-то комнатой инициации Чёрной Гвардии.

Он спешил, игнорируя гигантских насекомых, попавших в паутины. Лишающий жизни бросал жуткий красный свет в небольшом радиусе вокруг себя, но за его пределами была абсолютная темнота.

В некоторых местах проход был настолько узким, что он думал, что не сможет продолжить путь. Его изорванная одежда стала грязной, покрылась обрывками паутины идохлыми пауками. Даже его волосы не избежали грязи.

После нескольких минут пути проход расширился и паутины исчезли. Он знал, что приблизился к заселённым участкам убежища. Шёпот в воздухе сообщил ему, что он приблизился к первому кольцу эфирных защит.

Когда он руководил Чёрной Школой, защиты были действительно серьёзными. Он ожидал, что теперь они будут даже сильнее, так как магическое колебание было гораздо опаснее.

Он прошёл всего несколько ярдов, прежде чем его ожидания оправдались. Впереди части каменного прохода равномерно отделились от стен. Большие камни упали на пол, накалившись добела, будто превратившись в лужи с расплавленной жидкостью. Они стали чёткими, будто замёрзнув, постепенно трансформируясь перед глазами Детена. Они медленно поднимались, белая, прогнившая кожа пульсировала на их деформированных, омерзительных «телах». Кожа двигалась, будто выворачиваясь наизнанку; толстые чёрные вены проступали, создавая волнообразные вибрирующие сети,двигающиеся по собственному разумению. Сопровождающее их зловоние выворачивало внутренности Детена.

Он скривился и взял себя в руки, прежде чем двинуться дальше. Белые упыри выпустили защиту, состоящую из острых чёрных шипов, а тот, что был ближе всех, показал щупальца. Детен продолжал идти вперёд, пряча своё отвращение.

«Кто посмел бросить вызов мощи и силе Уорлока?», сипло прорычало ближайшее существо, не размыкая рта.

Детен остановился и выдержал взгляд розовых альбиносных глаз главаря.

«Его Немезида», сказал Детен, поднимая руки, чтобы направить растопыренные пальцы в упырей.

Существа, шатаясь, пошли вперёд, но далеко они не продвину-

лись. Пурпурная молния вылетела из пальцев Детена, сжигая существ. С громкими воплями они взорвались, превратившись в зловонную массу. Детен закрыл свои руки и лицо от разлетевшихся кусков. Он выругался, когда один из них прожёл его одежду, как кислота, но его кожа осталась невредимой.

Ослабнув из-за сильного взрыва выпущенной им энергии, Детен немного подышал, чтобы взять себя в руки. Он знал, что не сможет выпустить много взрывов, прежде чем его астральное тело полностью не истощится энергией.

Вернув самообладание, он возобновил свой путь к сердцу подземного комплекса. Он осторожно осмотрел тела мёртвых существ, перешагивая через их трупы.

Некоторое время ничто больше не становилось на его пути. Детен был доволен: он знал, что когда он пройдёт сквозь внешнее кольцо защиты, он будет в безопасности. Однако эта мысль пришла к нему слишком рано.

В воздухе перед ним материализовался призрак, его хрупкая форма без усилий парила в воздухе. Его тело вращалось сквозь спектр цветов, подобно калейдоскопу, создавая красивые и причудливые образы. Его глаза были словно кусочки гагата, чернее ночного неба, хотя казалось, что эта тьма светится.

Детен увидел ещё несколько существ, парящих за первым; ему не пришлось поворачиваться, чтобы почувствовать сзади ледяной холод других призраков.

Когда первый из них заговорил, Детен понял, что это была разумная сущность.

«Ты давно должен был повернуться, незванный гость. Сейчас ты встретишься с нашим гневом и смертью более болезненной, чем ты можешь представить...». Слова вибрировали у Детена в позвоночнике, минуя воздух между ними.

Впервые Детен забеспокоился. В проходе было не меньше шести сущностей, и он не был уверен в том, достаточно ли у него силы, чтобы победить их всех. Если ему это удастся, то это, несомненно, смертельно ослабит его перед столкновением с Уорлоком.

Фантомы приближались к нему, их чёрные глаза нацелились на его живительную ауру.

Детен твёрдо стоял на ногах.

«Я - Брат Детен из Чёрной Школы Магии, Старший Адепт могущественной Сефиры Гебура! Не навреди мне, ибо между мной и тобой нет вражды!»

Призраки не замедлили своего хода. Детен на мгновение запнулся, а затем достал полночное лезвие Лишающего жизни. Он жадно зазвенел перед взором призраков, его вибрации подстроились к вибрациям

своего хозяина.

Детен держал меч на уровне глаз, его рука вытянулась, направив слегка изогнутое лезвие вперёд. Тёмный, кроваво-красный гранат начал пульсировать светом, освещая проход в обоих направлениях. Он усиливался до тех пор, пока его свет не стала почти ослепляющим.

Теперь в нескольких ярдах от Детена призраки корчились от боли.

«Свет! Это агония, мучение, мука!», ощутил Детен вопли внизу позвоночника.

«Ты чувствуешь мою сущность, создание тьмы. Ибо душа этого меча тесно связана с моей собственной».

Свет стал ещё ярче. Фантомы зашипели, очевидно, испытывая сильную боль.

«Брат Детен из Чёрной Школы, могущественный Старший Адепт Гебуры, между нами и тобой нет вражды. Проходи беспрепятственно, ибо ты истинный Мастер».

Детен кивнул в знак признательности и опустил Лишающего жизни. Призраки дематериализовались и Лишающий жизни разочарованно потускнел, когда его вложили в ножны.

Детен продолжил свой путь вперёд, удовлетворённый сознанием того, что оставил позади последнюю из эфирных защит.



Скелетообразная рука Уорлока крепко сжимала посох из слоновой кости; его самоцвет настойчиво светился в полумраке. Панические крики и вопли ужаса отдавались эхом в проходе за пределами тронного зала.

Внутри комнаты стояли шесть вооружённых Адептов. Бэл сидел около трона, всё ещё связанный магией Уорлока.

«Он не должен был суметь пройти через внешние защиты, Мастер», сказал один из Адептов с волнением в голосе.

«Не волнуйтесь, дети. Я не ожидаю от Детена ничего меньшего. Этого человека остановит только полное освобождение моей силы».

Из-за огромной дубовой двери донёсся чудовищный крик. Шестеро Адептов заметно побледнели.

Бэл злобно улыбнулся. «Мой Мастер идёт», сказал он, будучи не в состоянии скрыть своё ликование.

Уорлок зарычал. «Я позволил тебе жить только для того, чтобы увидеть падение твоего так называемого мастера. Ты увидишь, как он встанет передо мной на колени!»

Все взоры были направлены ко входу в комнату, который, как и всё помещение, был защищён от магических атак. Дверь взорвалась,

когда боковой удар Детена, *уоко-гери*, разломал конструкцию. Он вошёл в комнату, Лишающий жизни страстно гудел в его руке.

Он остановился в дверях, его пристальный взгляд сцепился со взглядом Уорлока. Изысканные голубые глаза Демона яростно боролись с суровым чёрным взглядом Детена. Ни один из них не отступил в течение нескольких долгих секунд, пока не возникла патовая ситуация. Детен был поражён внешним видом демона, его горящими глазами, скелетообразным лицом и торчащими рогами. Ещё больше он был поражён его размером: его рост составлял более восьми футов.

«Так значит, это и есть легендарный Детен?», усмехнулся Уорлок.

Он засмеялся, группа Адептов присоединилась к нему, нервничая.

Висевшая на Детене одежда была изорвана и прожжена насквозь. Обрывки паутины зацепились за его волосы, смешавшись с белой грязью от уничтоженных упырей. Его взгляд был полной противоположностью его грязного внешнего вида.

«Ты преклонишь предо мной колени, Детен из Энии».

«Не думаю», сказал Детен; он начал приближаться.

Уорлок подал знак группе Адептов. После небольшого колебания двое из них пошли в атаку. Детен ускользнул от меча первого атакующего и разрубил его. Тот упал с глухим криком. Лишающий жизни рассёк лезвие второго атакующего, поворачивая направление удара, чтобы обезглавить своего противника. Он повернулся, чтобы продолжить своё угрожающее наступление.

Глаза Уорлока загорелись ещё более яростно.

«Похоже, я должен сам тебя уничтожить, Детен».

Он поднял скелетообразную руку. Из неё вылетела вспышка фиолетового пламени. Застигнутый врасплох, Детен был с силой отброшен на пол. Лишающий жизни выскользнул из его руки. Он лежал не двигаясь, почти не дыша. Сила взрыва поразила его. Он чувствовал отметины на лице, а его волосы тлели.

Уорлок подошёл к своей лежащей жертве.

«Ты был глуп, Детен. Любого другого противника ты бы одолел. Но бросить вызов Уорлоку - глупость».

Он повернулся к четырём Чёрным Адептам.

«Поднять его!»

Двое бросились поднимать Детена на ноги, после чего быстро отошли.

Детен устремил на Уорлока несфокусированный взгляд. Удар оглушил его. Демон смотрел в его глаза, с изумлением заметив, что в них нет ни следа гнева или смущения.

Он снова поднял руку; внезапно Детена окружил сияющий круг яркого света. Он потускнел, крепко сковав верхнее тело Детена цепями, ограничивающими его движения. Чёрный Адепт секунду поборолся, а за-

тем сдался: было очевидно, что ему никогда не выскользнуть из ловушки.

«А теперь, Детен из Энии, ты преклонишь предо мной колени и будешь служить мне, или будешь страдать от мучительных пыток всю твою оставшуюся жизнь на этом плане».

«Нет».

Тело Детена сотрясла конвульсия; с его губ сорвался крик от передаваемой боли, пробежавшей по его телу.

«Ты преклонишь колени, человек!»

«Нет».

Детен кричал, его существо подвергалось непереносимой пытке; он почувствовал, как отрывается его душа.

Глаза Уорлока сцепились с его глазами.

«ПОДЧИНИСЬ МНЕ!», приказал демон, его голос разрывал комнату.

Детен поражённо склонил голову, ручьи пота стекали с его лба. Печально вздохнув, он опустился на одно колено. В глазах Уорлока вспыхнул триумф.

«Ты был глупцом, когда бросил мне вызов».

«Я был глупцом», согласился Детен.

«И теперь ты будешь говорить мне «Мастер», ты, раб!»

Уорлок обращался со своими людьми, как с непослушными собаками.

«Вам это доставляет удовольствие, Мастер?», спросил Детен, в нём пропало сопротивление.

«О, да», сказал Уорлок, его демонический оскал стал плотоядным. «О, да!»

Детен поднял голову, встретившись со взглядом Демона.

«Хорошо. А теперь я тебя уничтожу».

Уорлок сделал шаг назад, увидев в глазах Чёрного Адепта ярость невероятной силы. Детен поднялся, его аура пылала алым. Она расширялась и усиливалась от приводящей в ужас силы его гнева.

Его оковы расплавились, жидкий металл стекал с его тела. Он сделал шаг вперёд. Уорлок, со страхом в глазах, поднял руку. Вырвалось фиолетовое пламя, еще более сильное, чем предыдущее. Детен создал Знак Гарпократы. От его ауры исходила энергия, ударившая по четырём Адептам, тотчас превратив их в пепел.

Уорлок запаниковал, у него задрожали руки. Но у него всё ещё было преимущество в физическом размере. Он ринулся вперёд, поднося свой посох для удара.

Детен пригнулся под мощным порывом ветра и вытянул руку. Лишающий жизни пролетел через комнату прямо ему в руку, когда на него обрушился второй удар. Ответный удар Детена был таким сильным, что посох из слоновой кости сломался. Уорлок с ужасом в глазах отступил

назад.

Детен посмотрел на осколки посоха у своих ног и поднял сверкающий голубой самоцвет. Он, нахмурившись, рассматривал камень.

«Пожалуйста, будь осторожен!», сказал, задыхаясь, Уорлок, отчаянно желавший сохранить свою собственность.

Детен злобно улыбнулся, опуская самоцвет. Демон замер, когда понял, что его секрет раскрыт.

«Может быть, ты захочешь сразиться со мной без помощи этого самоцвета?», спросил Детен, гнев в его глазах угасал.

Уорлок многозначительно покачал головой. «Возможно, перемирие, мы оба - здоровые мужчины...».

Детен откинул голову назад и засмеялся, звук получился злоеющим, в нём не было ни грамма юмора. «Ты прав, мы оба - мужчины».

Его лицо стало сосредоточенным, и устрашающая внешность Уорлока начала меняться. Рога втянулись, череп становился более человеческим, громоздкий скелет начал уменьшаться. Через несколько секунд Уорлок исчез. На его месте стояла темноволосая женщина в кольчуге, возможно, лет сорока.

«Кто ты?», спросил Детен.

«Калинда». В глазах женщины был страх, но она не сжалась.

Пристальный взгляд чёрных глаз Детена пронзил её. «В этой жизни ты можешь называть себя Калинда, но я думаю, что знаю тебя под более старым именем».

Женщина кивнула. «Другое тело, но душа та же».

«Да, я помню тебя, ученик. Пол, может быть, и другой, но ты всё ещё Фелмарр». Он задумчиво потрогал самоцвет. «Ты понимаешь, какое преступление совершила, пленив это существо?»

Калинда задрожала. «Пожалуйста... Прошу тебя, Детен. Не...».

«...разбивай самоцвет», закончил Детен.

Нижняя губа Калинды задрожала. Детен со злобой улыбнулся.

Он отпустил самоцвет; тот парил в воздухе. Когда Детен пристально посмотрел на камень, на его поверхности зажглись зелёные электрические вспышки. Внезапно он на огромной скорости направился к земле. Калинда в ужасе закричала, но она знала, что бессильна.

Самоцвет разбился вдребезги, взорвавшись лазурным светом, и высвобождая невероятный порыв ветра. Температура в комнате сильно понизилась, на стенах и полу появился толстый слой льда. Когда ветер утих, в воздухе повис холодный туман. В абсолютной тишине их дыхание кристаллизировалось в воздухе. Несмотря на тишину, в воздухе присутствовало большое предчувствие.

Детен вложил в ножны Лишающего жизни.

«Я - Брат Детен, Старший Адепт Гебуры. Я - тот, кто освободил тебя, дух камня».

Воздух залюминесцировал тёплым золотистым светом. Ответивший голос был мягким и женственным, похожим на бархат; в то же время он казался сильным и могущественным.

«Я буду вечно тебе благодарна, Детен из Энии».

Воздух начал мерцать и появился Китайский дракон с изумрудной блестящей чешуёй. Его огромное тело свернулось несколько раз по периметру комнаты. У дракона были пленительные глаза, такие же сверхъестественно голубые, как у Уорлока, и даже ещё более насыщенные.

«Я - Тиен Лунг, защитник небесных сфер. Попроси меня об одолжении и оно будет исполнено».

«Я прошу только о том, чтобы ты сохранил жизнь этой женщине», сказал Детен.

Губы дракона расплылись в улыбке, обнажая ряд устрашающих ромбовидных клыков. «Этот человек причинил мне зло, лишил меня свободы на тысячу лет. Я не могу оказать тебе такое одолжение, но я уважаю твоё нынешнее желание. Моя месть падёт на неё, когда она меньше всего будет этого ждать».

Калинда уставилась на дракона, прикованная страхом к полу.

«Убери это от меня, Детен. Ты не знаешь, на что оно способно!»

Дракон наклонился вперёд, его гипнотические глаза были в нескольких дюймах от глаз Калинды. «Не волнуйся, малышка. Позже у нас будет много времени поиграть».

Калинда сильно затряслась; её колени сдались, и она упала на пол, всё ещё пригвождённая острым взглядом.

Тело дракона начало кружиться, закручиваясь в вихрь тумана.

«Детен из Энии, знай. Тиен Лунг платит по долгам. Освободив меня сегодня, ты меня спас. Я оставляю тебя с пророчеством: я спасу тебя в будущем, захватив тебя. До тех пор наши пути не пересекутся».

Вихрь закрутился быстрее и быстрее, распространяясь по комнате. Затем он внезапно исчез.

Калинда подозрительно осмотрелась вокруг, слёзы на её лице уже высыхали. Она избежала прямой опасности и в её глазах снова появилась надменность.

Детен чувствовал невероятную усталость. Его взгляд блуждал над единственным сидением - тронем Уорлока. Рядом с ним сидел Чёрный Адепт. Хотя его лицо было другим, Детен сразу узнал его.

«Твоя сила не уменьшилась, Мастер», сказал Бэл, его глаза искрились удовольствием.

Детен улыбнулся и в кои-то веки это был добрый жест. Он подошёл, чтобы обнять своего старого ученика.

«Рад встрече, Бэл», сказал он. «Рад встрече».

Возможно, то, что для меня непонятно, поэтому и не неразумно. Может быть, есть область истины, из которой логика изгнана.

- Сократ

Эния



Город София

15

В восточном небе блеснул аметистовый свет, двое всадников приблизились к пятиугольным стенам города Софии. Воздух был свежий и влажный, он дрожал всё сильнее по мере того, как лучи рассвета пробуждали его от летаргии. Стены Софии сверкали, преломляя утренний свет на миллион голубых осколков.

Последние полмили Лина и Кассиус ехали молча, как и большую часть пройденного пути. За два дня они проехали много миль, очень мало отдыхали и совсем не спали. Эта дикая местность была слишком опасной, чтобы расслабляться, а Кассиус не испытывал судьбу, особенно когда восковая луна была всё ещё слаба. Было очень мало возможности пообщаться и путешествие получилось напряжённым.

Лина была удивлена размером города. Хотя он был большим по сравнению со старыми городами, но он уступал в размере Горому. Казалось, что между этими двумя городами нет ничего общего. Гором был отвратительной помойной ямой, кишевший сбродом, болезнями и развратом. София сразу обращала на себя внимание чистотой и прочностью, город был построен в форме квадрата, здания - в Египетском стиле. Некоторые люди вокруг несли себя с чувством собственного достоинства и изяществом, хотя, возможно, они были чересчур гордыми. В отличие от Горомы, не все жители были вооружены; было очевидно, что с женщинами и детьми здесь обходятся с гораздо большим уважением и заботой.

Стражники у ворот официально отсалютовали, когда Кассиус проехал внутрь.

«Приветствуем, принц Софии!»

Кассиус кивнул и отмахнулся, слишком уставший для формальностей.

Лина заметила, что стражники гордились своим внешним видом. У них были блестящие кольчуги и длинные мечи из хорошей стали. С их

плеч свисали синие плащи с серебристым пятиугольником, вышитым на спине.

В такой ранний час вокруг было немного людей, но Кассиуса уже несколько раз узнали. Лина отметила, что люди встречали его очень спокойно, а солдаты приветствовали его тепло. Ей вдруг пришло в голову, что после нескольких дней езды она всё ещё очень мало знала о своём попутчике. Она поняла, что есть вещи, которые ей нужно узнать.

«Кассиус?», позвала она.

Внимание воина было сосредоточено на городских стенах, он размышлял о вопросах защиты. Её голос заставил его вздрогнуть, как будто он забыл о её присутствии.

«В чём дело, Лина?» Его голос был уставшим.

«Ты расскажешь мне больше об этом...Шадраке?» Это имя было незнакомо Лине, но она найдёт своего дорогого Малака, какую бы форму он сейчас ни имел. «У него были воспоминания о его жизнях в Энии?»

Кассиус повернулся к ней, и вместо ожидаемого ею раздражённого взгляда в его бледных голубых глазах она увидела лёгкую привязанность.

«У него не было прямых воспоминаний, хотя он говорил на нашем языке, который на Теллусе известен как древнееврейский. И его постоянно преследовала его предыдущая личность, чего он не мог понять. Хотя, он часто видел тебя в видениях, и иногда вспоминал твоё имя».

Кассиус увидел в глазах Лины надежду и облегчение. Ему это было горько, так как только он знал истинный ужас души Шадрака.

«Какой он был? Он во многом был похож на Малака?», спросила Лина.

Он пожал плечами. «Сложный вопрос для любого отца, а кроме того, я не знал Малака. Но имя Шадрака пришло от его характера, оно означало «странный». Насколько я помню, имя ему дал Эканар. Но всё, чем он был, пришло из его жизни как Малака, и из его одержимости Лит».

«Должно быть, его жизнь была адской».

Аромат свежее испечённого хлеба донёсся до них, когда они проезжали мимо небольшой пекарни; освещение внутри здания погасло, так как пекарь закончил приготовление своего товара.

Кассиус вдохнул аромат, внезапно ощутив сильный голод. Это напомнило ему Ниппон, где такой роскоши, как хлеб, не существовало. Для деревень Империи каждый день был борьбой за выживание в условиях ужасного холода и нехватки еды и ресурсов. Чем больше Кассиус думал о Ниппоне, тем ближе его разум приближался к огромному стыду, преследовавшему его.

«Шадрак был чужаком», подтвердил он. «Он был навсегда отделён от других чем-то, чего он не мог понять. Он был сильным и умным

ребёнком, невероятно целеустремлённым. Почти казалось, что он знает о предстоящей ему великой задаче.

Но позже моё обучение произвело на него ещё больший эффект. Он отчаянно хотел стать самураем, представителем элитного воинства Ниппонской Империи. В конце концов, он стал самураем, после того, как я совершил смертельную и непростительную ошибку».

Он виновато опустил голову. Лина увидела на его лице бремя стыда. Она поняла, что немногие видели Принца Кассиуса Хоукина в таком состоянии.

«Вас преследует что-то из вашего прошлого», сказала она.

Кассиус вздохнул. «Как Ийзасу Танака, я метался между двумя крайностями, не понимая истины, которую я знаю теперь. Я был рождён от западного отца, что в суровой земле Ниппон сделало меня жалким полукровкой. Хотя я был горд и крайне амбициозен. Моё низкое происхождение, унижение и нехватка чести в глазах других заставили меня искать признания.

В Ниппоне самураи - как повелители, а все остальные - крестьяне, даже богатые торговцы. Я шёл вверх, чтобы не быть низким воином-полукровкой, немногим лучше, чем ронин».

«Ронин?» Лина произнесла незнакомое, иностранное слово.

«Низший самурай. Для Ниппонца всё в мире имеет своё место, идеально вписывающееся в строгую иерархию. Самураи - воины-аристократы, элита человечества. Но ронин - изгой, потерявший или предавший своего господина. Ронин считается бесполезным в мире, изолированным и осуждённым за свои корни. Любой уважающий себя самурай совершит сёрику, смертельный ритуал хара-кири, прежде чем принять подобную участь.

«А мои истоки были немногим лучше этого. Но, в конце концов, я дотянулся до статуса капитана Королевской Гвардии Сёгуна, очень почётное и престижное положение. На своём пути к славе я был жестоким и беспощадным. Я абсолютно не имел чести, которую искал в глазах других. По правде говоря, я был чудовищем.

Но то, что казалось случайным столкновением со старым мудрецом, запустило изменения внутри меня. В конце концов, это драматично проявилось много лет спустя, когда я отказался выполнить свой долг перед Сёгуном».

«Какой?»

Голос Кассиуса стал грустным: «Убить лидера противоборствующего клана. И убить его единственного ребёнка».

Лина увидела боль в его глазах, она поняла, что воспоминания всё ещё вызывали у него много эмоций. Хотя он носил другое имя, находящийся перед ней человек всё ещё был Ийзасу Танака.

«Не секрет, что жизнь часто замыкается по кругу», продолжил

он, «после моего позора я вернулся на дно социальной иерархии. Но в этот раз я был беглецом, настоящим ронином. Я был изгнанником, носимым по бесплодному миру. Моё отношение к жизни полностью изменилось. Хотя я ещё практиковал budo-kai, я ненавидел насилие, и считал его непростительным ни при каких условиях. Эту философию я прививал Шадраку, днём и ночью, пока она не стала его второй натурой».

«Он кого-то убил, да?»

Кассиус поднял взгляд, удивлённый её восприимчивостью.

«Он убил троих. И хотя он сделал это, чтобы спасти мне жизнь, я отрёкся от него». От стыда он низко опустил голову. «Я приказал ему покинуть деревню».

Глаза Лины стали чёрствыми, а голос - холодным. «Тогда ты видел его в последний раз?»

Кассиус покачал головой.

«Я обманул его ожидания. Он вернулся в деревню Киото два года спустя в составе Королевской Гвардии Сёгуна. Вот уж ирония судьбы. Ему приказали убить меня, так как я был беглецом. Когда он отказался, он потерял право на жизнь».

«Его убили?», осторожно спросила Лина.

Кассиус покачал головой. «Для него это было бы легче, чем развернувшийся ужас. Боль и давление всей его жизни вдруг взорвались, и Лилит овладела его телом. Самураи - элитные, непревзойдённые бойцы, однако он разорвал два их десятка на куски. В конечном итоге он убил Сёгуна, подняв его, как тряпичную куклу, и свернув ему шею, как тростинку».

Пока Лина слушала, в её глазах появились слёзы: она не могла представить себе ту боль, которую её муж пережил.

«Шадрака убили?»

Кассиус посмотрел на неё красными глазами. «Я не знаю. Он был смертельно ранен в битве, но я умер раньше». Его голос перешёл в шёпот. «Я думал, что следовал по достойному пути, но я совершил, возможно, самое большое своё преступление. Я эгоистично отнял собственную жизнь, когда Шадрак больше всего нуждался во мне».

«Ты покинул его?», голос Лины стал осуждающим.

Кассиус закрыл глаза, обвинение ранило его в самое сердце. «Я думаю, он мог выжить, но что касается состояния его рассудка...я думаю, что его человечность была просто уничтожена».

Лина моргала, смахивая слезы. «Я не могу это принять. В каком бы он ни был состоянии, я буду здесь для него. Похоже, рядом с ним больше никого нет».

Кассиус вздрогнул от боли в её голосе. «Лина, я знаю, ты, должно быть, думаешь, что я предал его. Но не таким было моё стремление. В то время я следовал по пути, который я считал единственным достой-

ным. Я надеюсь, что ты сможешь меня простить». В его глазах была мольба.

«Не я должна прощать тебя, Кассиус», холодно сказала Лина. Она наклонилась в седле. «Но если я узнаю, что Малак страдал из-за твоего предательства - я позабочусь о том, чтобы ты заплатил за это».

Она погнала свою лошадь вперёд, оставляя Кассиуса позади.

Кассиус нахмурился. В обычных условиях он бы высмеял угрозу, исходящую от женщины, но что-то в глазах Лины беспокоило его. Он вздрогнул и пустился рысью за ней.

*Человек становится тем, о чём он думает.
Каждый человек – сын своих дел.*

- Сервантес

Эния



*Чёрная Школа
Подземное логово*

16

Детен сидел в позе лотоса в комнате, бывшей когда-то его личной кельей, и обретенной им вновь. Со времени его пребывания здесь мало что изменилось, комната была тщательно вычищена. Помещение всё ещё несло на себе отпечаток магнетизма предыдущего воплощения Детена, и это каким-то образом не позволило паукам и насекомым заселить комнату.

Бал сидел перед Детеном, возбуждённый возвращением Мастера. Хотя Детену было приятно вновь обрести одного из своих самых преданных учеников, его отношение было более прохладным.

«Это твоё первое возвращение в Энию после Призыва?», спросил его Детен.

«Да, Мастер».

Бал рассматривал Чёрного Мастера. Он увидел, что лицо Детена слегка изменилось - неизбежное следствие нового воплощения. Грубые рубцы и шрамы всё еще присутствовали, так же, как и чёрные мешки под глазами. Теперь мешки увеличились и вытянулись вверх, образовав вокруг глаз чёрные кольца, казавшиеся ещё более призрачными.

«Как долго ты живешь?»

«Сорок пять лет, Мастер».

«И как ты провёл это время?»

«Свои ранние годы я провёл, возвращая свою личность и воспоминания».

Он запнулся в неуверенности. Он не хотел рассказывать о годах пьянства и распутства, которые он потратил на проститутку и наркотики. Детен никогда не поймёт такую трату времени. «Я определял политическую структуру Энии в ожидании твоего возвращения».

«Правда? Тогда скажи мне, Бал, что ты выяснил?»

«Чёрная школа полностью доминирует на плане благодаря действиям Уорлока. У нас больше людей и лучше организация, чем где бы то ни было в плане, и, поэтому, ничто не устоит против нас.

Только София смогла устоять перед Уорлоком».

«Что же отличает Софию?»

Бал пожал плечами. «У них необычный лидер. Его зовут Кассиус Хоукин и он опытный воин. Ещё ходят слухи, что он устойчив к магии».

Детен поднял бровь. «Он великий Адепт?»

«Нет. У него вообще нет никакой магической подготовки».

«Интересно... А как насчёт Жёлтой Школы?»

«Если они решат вмешаться, они станут непреодолимой силой на плане. Об их численности мало информации, но никто не сомневается в их силе. Даже Уорлок опасался враждовать с ними. Но, как всегда, они ведут политику невмешательства. Не о чем беспокоиться».

«Не делай предположений, Бал. Особенно таких опасных».

«Да, Мастер», сказал Бал.

«Итак, ты упомянул Уорлока, и я думаю, что Калинда ждёт аудиенции».

Бал нахмурился. «Мастер, ты сказал, что Калинда была когда-то Фелмарром?»

«Верно».

«Как он мог предать тебя? Когда-то он был верен так же, как и я!»

Детен цинично улыбнулся. «Не будь суров, Бал, даже не расстраивайся. Его предательство меня - ничто, а вот его измена Цели горька. Как бы там ни было, это ещё раз демонстрирует жалкое состояние человеческой природы, а Калинда укрепляет наше решение следовать Цели, даже если сама она её отрицает».

Бал кивнул, почувствовав себя более расслабленным. Он снова объединился с мудростью своего мастера, и всё было хорошо.

«Что за существо ты освободил из камня Калинды, Мастер?»

«Небесного Дракона по имени Тиен Лунг. Возможно, вызванный Калиндой и заключённый через ритуал. Она может знать его настоящее имя. Это существа большой силы и мудрости, и они обитают в более высоком астрале, в верхних сферах Йециры. Заключив это существо, Калинда заставила его направить свою силу в её».

«Почему ты помог этому созданию, Мастер? Это существо света, и конечно не наш союзник?»

Детен посмотрел на своего ученика с раздражением.

«Я в ссоре только с Кронзоном. Он управляет и навязывает всё, что существует ниже Бездны, и, поэтому, я уничтожу всё, что существует ниже Бездны. И когда могущественный Кронзон будет повержен, Бог ответит мне за мерзость Древа. Однако у меня нет разногласий с отдельными существами, если только они не пытаются нарушить мои планы».

«Я понял, Мастер. Мы должны сосредоточиться исключительно на Цели».

Внезапно разговор прервал стук в дверь.

«Я попросил кое-кого присоединиться к нам, Бал. Я очень хочу, чтобы ты встретился с этим человеком», Детен повысил голос: «Войдите!»

Дверь открылась, и вошёл Мендас. «Ты хотел меня видеть, Джаад?»

«Да, Мендас. Я хочу познакомить тебя с Балом, который был мне отцом в моей прошлой жизни».

Мендас кивнул и подошёл ближе. Бал встал и повернулся к нему лицом.

«Ты!», сказал он, потрясённый; Мендас мало изменился за двадцать пять лет, а Бал хорошо помнил события, происшедшие в пещере.

Мендас нахмурился. «Мы встречались?» Он рассматривал лысого, темнокожего Адепта. Тот почему-то казался ему знакомым.

«Та ночь!», прошипел Мендас. «Тёмная Луна, много лет назад. Ты околдовал мою жену!»

Детен поднялся. «Что происходит?», требовательно спросил он.

Мендас прыгнул вперёд, доставая кинжал. Бал был застигнут врасплох, поражённый скоростью нападающего. Он сумел отскочить в сторону, едва избежав удара. Мендас повернулся и снова напал, намереваясь нанести смертельный удар в сердце. Бал увернулся и приготовился выбросить в противника мощный астральный взрыв, достаточный, чтобы убить его.

Вдруг между ними возникло тело Детена. Кинжал отскочил от него, будто он был каменным, и вырвался взрыв энергии, сотрясший комнату, ударившись о стену.

«Здесь не будет никакой драки!», скомандовал Детен.

«Что, чёрт возьми, происходит?»

Мендас смотрел сердито и казалось, что собирается послушаться. «Этот мерзавец несёт ответственность за смерть моей жены, твоей матери. Он применил магию, чтобы затруднить её роды».

«Что значит «его матери?», спросил Бал, злой и, в то же время, озадаченный. «Я - отец Детена. Я применил магию в отношении твоей жены, потому что я защищал Йихану, свою супругу. Йихана была беременна Детеном».

Детен поднял бровь. «Нет, Бал. Мендас - мой отец. Я не знаю Йихану, о которой ты говоришь».

«Но, конечно...», Бал замолчал в неуверенности.

«Детен был тем ребёнком, к которому ты применил магию, кретин!» выкрикнул Мендас. Его глаза опасно блестели, но пристальный взгляд Детена заставил его утихнуть.

«Тогда, о боги, кого же родила Йихана?» спросил Бал, в его глазах был шок.

Мендас насмешливо ухмыльнулся. «Похоже, у тебя родилась

дочь, а ты её даже не знал. Я встретил её несколько дней назад в Горо-ме. Её зовут Фиона, и она гораздо красивее тебя!»

«Хватит!», сказал Детен. «Вы двое сейчас уладите все свои разногласия».

«Он отвечает за смерть твоей матери!», прошипел Мендас. «Его подруга перерезала ей горло!»

Бал за тряс головой. «Я только вызвал роды. Я бы не стал тратить магию на что-то ещё. И чтобы там Йихана ни сделала в моё отсутствие, это вряд ли моя вина. Я сожалею о твоей потере».

Мендас, будучи в неуверенности, колебался. Детен пристально разглядывал Бала.

«Он говорит правду», сказал он через какое-то время. «По крайней мере, что касается магии».

«И о том, что сожалеет?», спросил Мендас.

Детен сохранял молчание.

«Неужели тебя не волнует, что он причастен к смерти твоей матери?», сказал Мендас, в его глазах всё ещё была опасность.

Детен пожал плечами. «Люди умирают. Такова жизнь.

Именно поэтому мы пытаемся достигнуть Цели. Оставь нас ненадолго. Нам с Балом нужно поговорить».

Мендас неуверенно поднял кинжал выше.

«Оставь нас», сказал Детен. «И я не хочу, чтобы этот разговор снова состоялся. Ты пытаешься быть больше, чем ты есть».

Мендас вздохнул и убрал кинжал. «Да, Джаад. Я уйду, потому что таков твой приказ». Он бросил на Бала взгляд, полный ненависти, и вышел из комнаты.

«Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал», сказал Детен, когда он ушёл.

«Всё, что угодно, Мастер», сразу же сказал Бал.

«Я хочу, чтобы ты назначил его капитаном Чёрной Гвардии».

Бал зло улыбнулся. «Это завершит его жизнь быстрее, чем что-либо, что я могу сделать».

«Он намного крепче, чем ты думаешь», сказал Детен, а затем задумался. «На всякий случай, я хочу, чтобы ты приглядывал за ним. Убедись, что ему никто не навредит».

Бал смотрел скептически. «Разумеется, он позаботится о себе сам! Только сильный выживет! Таково правило. Это твоё правило!»

«Просто сделай это для меня!», крикнул Детен, его голос был не-типично эмоциональным.

«Да, Мастер», тихо сказал Бал.

«Теперь уходи», сказал Детен. «Мне нужно о многом подумать».

Бал встал и поклонился; когда он вышел, его взгляд был всё ещё рассерженным.

Детен натянул на голову капюшон и закрыл глаза. После битвы с Калиндой он чувствовал себя утомлённым, и ему многое нужно было обдумать. Теперь, когда в Энии не было Мага, он должен переосмыслить, как достигнуть Цели. Его первая попытка с вызовом Лилит была неудачной.

Было три важных фактора. Первый - сила магии на Энии, которая будет важным фактором в его планах. Второй - тот факт, что Небесная Башня была теперь продолжением владений Лилит, и что размеры Башни почти соответствовали Энии. Была возможность создать мост, чтобы Лилит могла его пересечь. Третьим важным фактором был Малак. Теперь его душа объединилась с душой Лилит и он мог представлять непредвиденные последствия.

Детен думал о том, вернулся ли его брат в Энию. Очень похоже, что воплотился, так как Детен знал, что он сам, Фелмарр, Бал и Лина реинкарнировали. Это было слишком большим совпадением: похоже, что все, кто принимал участие в Призыве, возвращаются, чтобы разрешить создавшиеся проблемы. Между ними существовала сложная кармическая связь, требующая разрешения.

Однако Детен чувствовал, что если бы Малак был на Энии, то он бы его ощутил. Это была загадка, так как очевидно, что Малак сыграет большую роль в предстоящей битве. Если он был под контролем Лилит, то, должно быть, Архи-Демон всё спланировала.

Вдруг Детен поднял голову и открыл глаза. Он ощущал присутствие в комнате, постоянно усиливающееся. Сила исходила из-за него: волосы на затылке поднялись в ожидании. Он посмотрел на темно-пурпурный алтарь в нескольких футах впереди себя. На нём лежал Лишающий жизни, медленно пульсируя тревожным кроваво-красным цветом. Он насторожился, когда понял, что Лишающий жизни нервничает. Его солнечное сплетение напряглось.

Он сидел идеально ровно, рассматривая воздух за своей головой через магический кристалл на алтаре. Его психический слух обострился; не было никакого сомнения, что сзади что-то материализовалось. В комнате появился тошнотворный запах жасмина, когда за его спиной появился и увеличился мягкий сине-зелёный свет. Его поверхность струилась волнами, и он медленно приобретал форму.

Через несколько секунд свет преобразовался в человеческую форму. Когда он поблёл, Детен увидел в кристалле нечёткий образ блондинки. И хотя её лицо всё ещё формировалось, он сразу понял, кто стоял за ним. У него перехватило горло от переполнивших его эмоций.

Женщина соблазнительно подошла к нему и обхватила руками его шею. От её прикосновения Детен задрожал, его разум начал терять свою остроту. Она мягко повернула его голову, чтобы он посмотрел ей в лицо; его сердце чуть не остановилось.

У нее были глубокие карие глаза, точно такие же, какими он их запомнил. Её мягкие, светлые волосы опускались на её обнажённые плечи. Он вытянулся и прикоснулся к гладкой, слегка смуглой коже её лица. Даже родинка на левой щеке была на месте и запах, мягкий, ласкающий запах её волос разбудил в нём воспоминания о любви, похороненной на четыре жизни.

«Аня!», сдавленно произнёс Детен.

Вернулась ли она, чтобы, наконец, простить его и положить конец сжигающей ненависти, которую он питал к самому себе? Глубоко внутри он знал, что сильная ненависть к себе, Кронзону и всей вселенной полностью его поглотила. И хотя он контролировал её железной хваткой, но в нём больше ничего не осталось.

Она наклонилась вперёд, чтобы поцеловать его, её глаза сцепились с его глазами. Его притуплённый разум боролся за ясность; он знал, что что-то не так, даже когда его тело страстно желало прикоснуться к её нежным губам.

«Нет!», сказал он, медленно отодвигая её назад. «Тебя не может быть! Аня мертва!»

Хотя он, отойдя назад к стене, сам не верил своим словам. Он не хотел верить им. Она обезоруживающе улыбнулась, демонстрируя идеально белые зубы, которые он так хорошо помнил. Он стоял спиной к стене, не имея возможности отступить дальше.

Его либидо бесконтрольно бушевало. После стольких жизней, в течение которых оно было насильно подавлено, сдерживаемая энергия вернулась в виде одной всепоглощающей волны. Дыхание Детена скрежетало со страстью, которую даже он не мог контролировать.

«Иди ко мне, Михаил!», промурлыкала она. «Так-то ты меня встречаешь после стольких лет? Иди сюда и мы займёмся любовью, как прежде...».

При упоминании своего предыдущего имени Детен непроизвольно вздрогнул. Это было имя, которое он отчаянно пытался забыть.

Когда она подошла к нему, он оказался прижатым к стене, не имея возможности к отступлению. Он знал, что на его разум влияют; его мысли были нечёткими. Но он отчаянно хотел, чтобы фантазия была реальностью.

Она прижалась к нему всем телом, приблизив своё лицо вплотную к его лицу. Она сделала движение с намерением поцеловать его, и он подался вперёд, чтобы принять её объятия, их руки оплели друг друга. Её язык проскользнул к нему в рот в поисках его языка, и у него закружилась голова. Его сердце парило среди звёзд.

Вдруг она закричала и отстранилась. Детен открыл глаза, его разум в ужасе задрожал. Он пронзил свою любовь мечом, лезвие глубоко вошло в её плоть. Кровь хлынула рекой, окрашивая белую ночную рубашку.

ку в ярко-красный цвет.

Детен затряс головой, по его лицу текли слёзы. Он видел в её глазах ужасную боль, и неизмеримая любовь превратилась в безграничную ненависть. Взгляд, полный предательства, пронзил его в самое сердце.

«Почему? Я любила тебя больше жизни!», сдавленно проговорила она с последним вздохом, слетевшим с её губ. Детен в агонии упал на колени, мучительно крича. Каждый раз, снова переживая эту боль, ему было труднее жить с самим собой, а его ненависть к Кронзону увеличилась в десять раз. Он упал, рыдая.

Звук девичьего смеха понемногу проникал сквозь его оболочку. Он поднял глаза, его лицо было в слезах. В центре комнаты стояла невероятно красивая обнажённая женщина с блестящими чёрными волосами и пурпурными, чужеродными глазами.

Лилит захихикала. «Не думала, что когда-нибудь увижу великого Детена плачущим при виде такой иллюзии! А ты архи-враг Лорда Кронзона! Как забавно! И как трогательно!»

«Ты!» Детен открыл рот от удивления, внутри него поднималась ярость.

Лилит склонилась, не обращая внимания на взгляд Детена, в котором появилась такая глубина, с которой не мог сравниться даже её демонический взгляд. Гнев kloкотал у него внутри, прорываясь, как приливная волна из глубины его души. Он поднялся. Лилит получила лишь мгновенное предупреждение, и, когда его аура вспыхнула насыщенным алым светом, комната была уже ослеплена.

С яростным криком Детен спроецировал своё астральное тело. Оно стремительно набрало скорость, и столкнулось с неподготовленной астральной формой Лилит. Два тела слились в одно и унеслись за пределы комнаты, пролетев через несколько подпланов.

Крик Детена пронёсся сквозь астральный план. Его тело смешалось с телом Лилит, создав падающую звезду. Каждая его часть горела в агонии от проникающей в него Демонической сущности. Это была невыносимая боль, которую не смог бы вынести ни один нормальный человек, но Детен крепко держался за Демона. Боль была его ближайшим другом, она была ему более привычна, чем дыхание.

Он увлекал Лилит выше астрала, подальше от частоты колебаний её собственных владений. Демон уже отошла от шока; она медленно вытаскивала из него жизнь. Она обернулась вокруг его астральной формы, сжимая его с невероятной силой. Детен неистово боролся, чтобы просто сохранить сознание. К нему быстро вернулась память о сокрушительной руке Кронзона вместе с чувством беспомощности, от которой он страдал.

С этим пришло воспоминание о своём бегстве, и он зло дал отпор. Он застал Лилит врасплох, почти поменяв их с ней положение. Но

она держала крепко, готовясь нанести окончательный удар, который уничтожит его тело, и сотрёт его с лица земли.

«Нет, Детен!», ощутил он в себе вибрирующие слова.

«Ты не пронзишь сердце этой женщины своим мечом!»

Гнев Детена подступал и усиливался вне его контроля, до тех пор, пока он не подумал, что утонет в нём. Он направил каждый атом своего существа в демона вместе с адской мукой и ненавистью, чувством разочарования и переживанием битвы с Кронзоном.

Впервые за всю вечность Лилит закричала.

Через мгновение Детен был отброшен назад в тело. Когда его астральная форма объединилась, он отошёл назад к стене.

Его туманный взор обрёл ясность, и он увидел Лилит, сидящую в середине комнаты. Его глаза стали жёстким, и он двинулся по направлению к Лишающему жизни.

«Он не понадобится», сказала Лилит. «Я пришла сюда не драться, Детен».

Он остановился и повернулся, чтобы посмотреть ей в лицо.

«Правда? Тогда, умоляю, скажи, зачем ты пришла, Демон?», спросил он с горечью в голосе.

Лилит улыбнулась, хотя надменность исчезла.

«Я пришла обсудить с тобой положение дел. Иллюзия, которую я направила на тебя, была слабостью, против которой я не смогла устоять. Однако ты отплатил мне таким же образом. Ты могущественный человек, Детен. Такой же сильный, как и твоя репутация. И внутри тебя есть такая ярость.

Но ты же понимаешь, что я продемонстрировала лишь частичку своей силы в Энии, иначе я бы тотчас сокрушила тебя, когда ты атаковал».

Детен не отреагировал, но он знал, что она не лжёт. Если бы она предстала во всей своей силе, то её проявление разрушило бы весь план. Хотя мало какие сущности могли бы проскользнуть сквозь ослабленную Границу, только частичка сущности Лилит смогла бы.

«Чего ты хочешь, Демон?»

«Я по-прежнему хочу этот план», сказала она. «Ибо войдя сюда из моего владения в Клиппоте, я смогу прорваться в Йесод. А там я могу достичь как раз того, чего желаешь ты».

Детен устало сел. «И как ты предлагаешь этого достичь?»

Лилит хитро улыбнулась. «Есть только один путь, и я уже начала приготовления. Чтобы вызвать всю мою сущность, требуются соответствующие врата, а Круг Розы уже доказал свою непригодность».

Детен кивнул, мысленно возвращаясь к ужасающему взрыву, убившему его в предыдущей жизни. Контраст между существом, которое он тогда вызвал, и невероятно красивой женщиной, сидящей перед ним,

был неправдоподобным, но он знал, что это одна и та же сущность.

«Какие врата ты предлагаешь?», спросил он. «Круг Розы - единственные врата, которые есть в Энии».

«Это единственные постоянные врата. Но у меня есть игрушка, которая замечательно выполнит эту задачу. Это твой любезный братец».

«Малак? Он в Энии?»

«Он был Малак. Теперь он Шадрок, и он воплотился в мире Ассия, на планете, известной как Теллус».

«Я её знаю. Я прожил жизнь на планете Теллус, которая потом стала Землёй».

«Всё, что тебе нужно сделать, - ждать его возвращения. А затем ты сможешь использовать его в качестве центра для второго своего ритуала, ибо наши с ним души едины».

«А почему ты уверена, что он вернётся?»

Лилит засмеялась. «Не беспокойся, милый Детен. Я сама его подтолкну, и думаю, что эффективный стимул получится из его прекрасной жены на этом плане...»

Детен кивнул. «Нам нужно ещё что-нибудь обсудить, Демон?»

Лилит видела, что он ещё не пришёл в себя после иллюзии, которую она направила на него. Она не сказала ему, что это была всего лишь фантазия, рождённая его собственным разумом, которую она превратила в реальность. Она не получила удовольствия от эмоциональной раны, которую она ему нанесла, ибо она всё ещё чувствовала отражение его атаки.

«Я скажу тебе кое-что, Детен. И хорошенько запомни это, ибо я поклянусь в этом своим собственным именем».

«Продолжай».

«Предстоит великая битва в конце между тобой и твоим братом, и только один из вас пересечёт Бездну, чтобы стать Магом Энии, если Эния спасёт наш нынешний план».

«Это я уже знаю».

Лилит улыбнулась. «Уже предначертано, кто это будет».

«И кто?»

«Ты, конечно же. Если даже твой ритуал будет неудачен, в конечном счёте, ты всё равно будешь победителем!»

Она засмеялась и исчезла во вспышке сине-зелёного света, оставив Детена озадаченным. По какой-то странной причине он чувствовал уверенность в том, что она сказала правду.

Планета Теллус



- Гамлет, Вильям Шекспир

Малкут Ассия
Центральные
Сахсонские земли

17

«Достаточно!», крикнул Галан, поражённо падая на землю. Шадрок удивлённо наклонил голову.

«Есть предел для физического состояния пятисотлетнего человека», сказал Галан.

Шадрок сел рядом с ним. За последние месяцы физическая форма Галана поразила его, вместе с его невероятной возможностью обучаться будо-кай. Старик всегда прекрасно контролировал своё тело, и, хотя его движения не были изумительно резкими, они были плавными и точными. Шадрок мог только предполагать высочайший духовный уровень Галана и его способность концентрировать своё сознание, способствовавшие его сверхъестественным способностям.

И хотя Галан не станет величайшим воином в этой жизни, было важно, что он приобрёл внутреннее понимание. Когда он вспомнит свои умения в своей следующей жизни, предположительно как отец Малака, его тело сможет использовать то, чему научилась его душа. Шадрок всё ещё волновал этот парадокс, но он старался об этом не думать.

Сейчас Галан лежал на спине, его руки лежали по бокам. Его глаза были закрыты, а его лицо покрыто потом. Шадрок с грустью наблюдал за ним. Он нежно любил старика, но Галан очень редко показывал какие-то ответные эмоции. Казалось, что он негодовал по поводу каждого момента, проведённого на физическом плане.

Через несколько минут Галан поднялся, его дыхание восстановилось.

«Пойдём», сказал он, «я хочу показать тебе кое-что, прежде чем ты уйдёшь».

Шадрок встал, чтобы последовать за ним, а затем понял, что сказал старик.

«Уйду?»

Галан остановился и шутливо посмотрел на него.

«Ты должен понимать, что уже почти здоров. Твоя судьба больше не будет ждать тебя».

Между двумя мужчинами повисла тишина, пока Галан вёл своего ученика по части собора, в которой ему ещё не приходилось бывать. В действительности, за последние несколько месяцев Шадрак редко покидал свою комнату.

В конце концов, они подошли к мало использованной двери, ведущей к началу винтовой лестницы.

«Надеюсь, что ты понимаешь, какой нагрузке ты подвергаешь суставы старика», пробормотал Галан, поднимаясь вверх, его ученик шёл за ним.

Лестница была узкая и казалась вытянутой вверх до бесконечности. Шадрак был в лёгком трансе, так как считал каждую пройденную ступеньку. Он насчитал 325, пока почти не столкнулся с Галаном.

«Мы на месте», сказал старик.

Шадрак последовал за ним наверх, на последний уцелевший виток лестницы. Они шли по зубчатой стене с бойницами.

Прохладный воздух поздней осени слегка касался их кожи, шёл небольшой дождь. Располагавшиеся под ними сады собора казались очень маленькими, и были похожи на картину, нарисованную каким-то талантливым художником. Руины Пренцлау раскинулись на много миль вокруг.

«Потрясающе...», сказал Шадрак с предыханием. «Я никогда не был так высоко».

«Я не это хотел тебе показать», сказал Галан, указав взмахом руки на картину перед ним. «Посмотри туда».

Шадрак проследил, куда он показывал, но дальняя местность была скрыта небольшим туманом, висевшим в утреннем воздухе.

«Позволь мне показать тебе», сказал Галан.

Он прикоснулся пальцами к вискам Шадрака. Внезапно зрение ронина поплыло, и ему показалось, что он парит над землёй, как орёл. Он устремился вниз над зелёными вершинами холмов, туда, где стояли восемь каменных часовых.

Через несколько секунд он нырнул в каменный круг из мегалитов. Он резко задержал дыхание, смутно вспоминая день, когда Танака нашёл его внутри каменного круга в Ниппоне.

«Что это?», спросил он дрожащим голосом.

«Это ведьмины камни. Они лежат в нескольких милях к северу и образуют мощные ворота между мирами».

«Я вернусь в Энию через этот круг?»

«Да», сказал Галан, убирая пальцы. Зрение Шадрака расплылось и вернулось к нормальному.

«Я ещё не готов вернуться», сказал Шадрак, вглядываясь в ту-

ман. «Я всё ещё готовлюсь».

«Ты близок к завершению. Твоё мастерство в будо-кай вернулось к внушительному уровню, а твоё тело снова стало сильным».

«А мой разум?»

Галан пристально смотрел на него тёмными, пронизательными глазами «Внутри тебя есть великая сила, унаследованная от Ийэасу Танаки. И хотя Малак развил лишь часть своей силы, когда умер, ты можешь черпать также и его силу».

«Я чувствую внутри себя искру, которая является Малаком, и это тревожит меня. Что, если он захватит мой разум?»

«Этому суждено было случиться, что Малак снова обретёт жизнь в твоём теле, но не бойся этого. Ибо он - это ты, а ты - это он. Когда Шадрак и Малак соединятся, ты будешь гораздо ближе к своему истинному «Я», к своей истинной сущности, вне зависимости от того, как ты себя называешь. Тогда у тебя будет сила обоих личностей, и, возможно, воспоминания даже о воплощениях, бывших до Малака».

Шадрак кивнул, согласившись с этим, но он всё ещё был встревожен.

«Галан, ты прав. У меня действительно есть большая сила. Однажды Ийэасу сказал мне, что я не должен никого бояться. Однако я не могу драться».

Галан вздохнул. «Я знаю. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь, Шадрак. Обучение Танаки, хотя и военное, но оно было абсолютно мирным. Хотя не знаю, был ли он прав. Ибо он умер бессмысленной смертью. Лишать себя жизни почти всегда непростительно».

«Он был человеком чести!»

«Несомненно, хотя он совершил хара-кири из-за того, что нарушил устаревший, неуместный и духовно безнравственный кодекс поведения. Многие в кодексе самураев было связано, скорее, с мелким эгоизмом, чем с честью, и Танака осознал это в последние годы».

Взгляд Шадрака затуманился: хотя он чувствовал, что Галан прав, это было нападением на основы его убеждений, которое он не мог принять.

«Всегда вот что», сказал Галан, устремив на него грустный взор. «Самая большая ошибка Малака была в том, что он не понял необходимость силы для того, чтобы выжить. Он был доволен жизнью в раю, которым Эния когда-то была. Но жизнь - это бесконечная битва. Было бы бессмысленно воплощаться, если бы Бог нас баловал на протяжении всего пути. Он всегда с нами, ибо он везде, но ошибки мы должны совершать сами. В жизни мы должны выковать наш собственный мир, или быть сокрушёнными мирами, выкованными другими».

Шадрак грустно покачал головой. «Я слышу тебя, Галан. Но я не могу убежать от призрака Ийэасу».

«Ты должен убежать от его привидения. Ты должен, потому что Детен и Лилит без колебаний уничтожат тебя».

Шадрак закрыл глаза и печально вздохнул. «Да будет так».

Галан наблюдал, как ронин подавленно смотрел на окрестности.

«Шадрак, знаком ли ты с такой доктриной, как Христианство?»

Шадрак нахмурился, удивлённый изменением направления разговора.

«За пределами Киото жила женщина», ответил он, немного подумав. «Люди считали её колдуньей, но теперь я понимаю, что она просто была психически сильной. Она была христианкой, и, когда я спросил Эканара, он объяснил мне основы этой мифологии. Христос действительно существовал?»

«В этом нет никаких сомнений: записи очевидны. Историки и богословы спорят о событиях его жизни. Я не сомневаюсь, что Христос был великим пророком, Адептом, пересекшим Бездну. Но важна не его историческая достоверность, а его значимость, которая очень многими понимается ошибочно».

«Какая?»

«История его воскрешения из мёртвых тесно связана с другими мифами, такими как миф об Осирисе или Фениксе. Это история о рождении. Не важно, произошла она или нет; эта история сама по себе имеет силу, как и все основные модели. Когда Христос висел на Кресте, над ним по-разному насмехались, его искушали, но он не сбил с пути. Он делал то, что считал правильным».

«Зачем ты говоришь мне это?»

«Ты знаешь, что, когда ты вернёшься в Энию, ты должен будешь встретиться с Лилит. Ты должен оказать ей сопротивление прежде, чем наступит Тёмная Луна, или всё будет потеряно. Её сущность раздавит твой разум, уничтожая Энию и Древо Жизни. Будущее несёт тебе уничтожение или возрождение. Возрождение - это Адептство, в Христианской мифологии оно символизировано воскрешением Христа из мёртвых».

«Думаю, что я понял».

«Ты не должен подчиниться, Шадрак. Тебя, как и его, как вообще любого человека, тоже будут подвергать насмешкам и искушениям. Но если твоя решимость не ослабнет, ты снова обретёшь Адептство и свою душу. Ты должен достичь подземной комнаты, где ты потерял свою душу. Но, прежде всего, помни, что на третий день Христос воскрес».

Шадрак нахмурился. «Какое это имеет значение?»

«Третий день!», сказал Галан с горящими глазами. «Когда придёт время, ты должен помнить!»

Шадрак пристально на него посмотрел, поражённый твёрдостью его голоса. «Да, отец. Третий день Я буду помнить».

Всякий раз, когда встречаются двое, в действительности присутствуют шестеро. Существует человек, каким он сам себя представляет, человек, каким его видят другие, и человек, какой он есть на самом деле.

- Уильям Джеймс

Эния



Исход Иецира
Город София

18

Раздался стук в дверь, и Лина очнулась от глубокого сна без сновидений. Она открыла глаза, мгновенно ослеплённая дневным светом.

Она была в комнате для гостей Софийского дворца, лежала на кровати с пологом, с простынями из дорогого шёлка и пышным матрасом. Ей не хотелось вылезать из тепла и покоя, но тут снова раздался стук в дверь.

«Иду», сказала она, пытаясь скрыть своё раздражение.

Она соскользнула с простыней на глубокий ковёр с замысловатым узором, такой толстый и плотный, что он изогнулся вокруг её ступней в чувственном объятии. На ковре были изображены гигантские летящие драконы насыщенных причудливых расцветок, их тела смешивались друг с другом таким образом, что каждый дракон был соединён с каждым другим драконом.

Накинув на неглиже тёмно-синий халат, она поняла, что проспала почти двадцать часов. Недостаток сна и комфорт настоящей кровати увлекли её измученное тело.

Она подошла к двери и открыла её. За ней стоял Кассиус, выглядевший усталым. Видимо, состояние дел позволило ему немного отдохнуть после возвращения.

Лина выгнулась, как кошка, её грудь поднималась и опускалась под тонкой тканью атласного халата. Кассиус смущённо уставился в пол.

«Я не хотел мешать», сказал он неловко. «Но Иешуа попросил меня отдать тебе это». Он передал ей маленький плоский предмет, завёрнутый в тёмно-синий шёлк.

Лина нахмурилась. «Что это?»

Кассиус пожал плечами. «Иешуа сказал, что ты поймешь. Он сказал, что это приведёт Малака к тебе».

Лина развернула свёрток. У неё в руке лежал плоский огненный опал, размером около четырёх дюймов. Идеальная поверхность ярко оранжевого камня была безупречна. Она сдвинула брови, думая о том, что же Иешуа имел в виду.

«Лина», сказал Кассиус, «я знаю, что то, что я тебе сказал вчера, тебя поразило и ранило, но для меня очень важно, чтобы мы остались друзьями. Я уверен, что Малак захочет, чтобы так было».

Лина завернула опал и вздохнула. «Кассиус, у меня сейчас нет друзей. Я могу полагаться только на Баст и Сквинта. Слишком больно сблизиться с кем-то ещё. Всё, что меня волнует - воссоединение с Малаком. Это моя навязчивая идея. До тех пор, пока это не произойдёт, я не могу радоваться».

Кассиус кивнул. «Может быть, когда он вернётся, мы оба будем исцелены».

«Возможно», сказала Лина, но Кассиус всё ещё видел в её глазах обвинение. Оно пронзало его.

«Я тебя оставлю», сказал он. «Надеюсь, ты поймешь, что Иешуа тебе прислал».

Он повернулся и вышел, не дожидаясь ответа. Лина посмотрела, как он ушёл, так и не решив, ненавидит она его или жалеет. Она знала, что ненависть сейчас приходила к ней слишком легко, это был ещё один подарок от её матери. Она вспомнила время в своё предыдущее воплощение, когда она ненавидела только две вещи: Детена и его мечи. Она мрачно улыбнулась.

Некоторые вещи не меняются.

Лина сидела на кровати, лениво крутя опал в руках. Камень был произведением искусства, и она не сомневалась в том, что он не был обработан естественным способом. Но она понятия не имела, зачем Иешуа прислал ей его.

Это приведёт Малака к тебе.

Конечно же, магия была единственным способом использовать этот предмет. В магии самоцветы, как правило, использовались в качестве Талисманов или Амулетов. Вдруг к ней пришло понимание. Предназначением Талисмана было привлечь что-то к себе. А она хотела вернуть Малака в Энию.

Почему огненный опал? гадала она.

Каббалистические знания говорили ей, что опалы ассоциировались с Сефирой Ход. Хотя это её озадачило, так как Сефира Ход была связана с интеллектом, обучением и мудростью. Она не понимала связи.

Но ей пришло в голову, что Греческий бог Меркурий ассоциировался с Ход, и несмотря на то, что он был богом обучения, он был также

быстроногим вестником, способным преодолевать огромные расстояния. И, что было более важно, Египетский бог Тот был связан с Ход. Как и Меркурий, Тот был великим учителем академической и оккультной мудрости, но он был также Повелителем Космоса и Времени.

Внезапно она поняла, что Иешуа хочет заставить её сделать Талисман Ход и использовать его, чтобы привести к ней Малака. Она никогда прежде не проводила подобного магического ритуала; в прошлых жизнях эффект Границы безрезультатно пресекал подобные акты. Но она была хорошо знакома с теорией и была уверена, что её навыков будет достаточно.



В течение следующих восьми дней Лина усердно работала. Она извлекла из колдовских книг Иешуа необходимые имена и сигилы, необходимые ей для зарядки Талисмана Ход. Как Адепт, большинство информации она выучила наизусть, но нужно было дважды всё проверить. Если хоть одно имя исказится, то исказится и сам Талисман. Точно так же все сигилы должны быть идеально переписаны, и она сама составила их форму, чтобы убедиться, что в колдовских книгах нет ошибки.

Было опасно работать с именами и сигилами в Энии, ибо, не смотря на Границу, этот план всё ещё был частью астрала. Это наделило сигилы жизнью и колебанием, как будто сам акт их написания пробудил могущественную силу, которую они представляют.

Нужно было соблюдать осторожность и не произносить имена громко, чтобы некоторые демонические осколки божественных сил не попытались проявиться. Каждая и любая сила во вселенной, за исключением самого Божества, имеет противоположности. Когда пробуждается доброжелательная сторона любой силы или сущности, самое главное - принять меры предосторожности, чтобы обеспечить её гармоничность. Иначе сила может пробудиться в крайней форме, а было хорошо известно, что любая крайность была, по существу, злом.

Если духи были пробуждены, чтобы стимулировать смелость и бесстрашие в битве, то, при неправильном проведении ритуала, можно вызвать кровожадных и беспощадных демонов. Эти неуравновешенные духи были известны, как Клиппот, и представляли главную опасность в магии. Именно поэтому неподготовленный маг иногда проходит через страшные переживания и события, а обычные люди относятся к магии со страхом и подозрительностью. Подобно тому, как жар может подерживать жизнь и готовить еду, и в тоже время может нанести ужасные ожоги. Так же магия была могущественной оккультной наукой, чьи результаты полностью зависели от подготовленности и намерений мага.

Лина использовала ритуальную комнату Иешуа, которая располагалась под его башней. Впервые войдя внутрь, она снова пробудила

мощные астральные печати, чтобы исключить любые нежелательные сущности - таким образом, только те существа, которых она призывала, могли войти в сферу её восприятия. Никто, кроме Сквинта, не видел её работу, но даже он был вынужден уйти, когда комната была опечатана.

Отдельно от изучения колдовских книг, она также сконструировала принадлежности, необходимые для предстоящего ритуала. Она создала церемониальную одежду исключительно для магической работы. Выполнять ритуал в повседневной одежде могло быть проблематично, так как она будет изрешечена грязным магнетизмом и ощущениями. Это могло испортить святость комнаты, в которой должны быть изгнаны все непослушные силы.

Кроме одежды, она сконструировала четыре элементарных оружия: пентакль, кинжал, чашу и волшебную палочку. Они представляли четыре элемента, и могли использоваться для контроля и направления их энергий. Последним нужным ей инструментом был магический меч, представлявший волю мага и мог использоваться для многих задач, включая вызывание и изгнание. Но по практическим и психологическим причинам для этой цели она решила воспользоваться стилетом с длинным лезвием.

Она могла вырезать деревянный пентакль и палочку сама, но она позволила Кире снабдить её кинжалом, чашей и стилетом. Лина произвела на неё впечатление, сказав, что предметы должны быть чистыми, неиспользованными с момента их изготовления. Несмотря на это, после получения она их очистила. С должной серьёзностью она изогнула свою ритуальную мускулатуру, по очереди концентрируясь на каждом из магических предметов в надлежащий час, и когда в астрале плыли потоки соответствующих элементов.

Она решила зарядить Талисман в Полнолуние, когда доступно наибольшее количество астральной энергии, а защитные силы находятся на своём пике. Ей было забавно думать, что в некоторых культурах к Полнолунию относились с подозрением. В действительности, это было благоприятное время; Тёмная Луна была гораздо страшнее.

За два дня до Полнолуния она начала сопоставлять все данные, которые собрала. Затем она сделала грубые наброски того, какой формы будет Талисман. В эскиз были включены и написаны на древнееврейском Имена, которые она досконально изучила. Вместе с ними были написаны соответствующие сгилы и геометрические формы, связанные с числом «восемь» (так как Ход был восьмой Сефирой). В оккультизме числа считались крайне важными. Каждое число было отдельной сущностью, почти живой и совершенно уникальной.

Она создала два эскиза: по одному для каждой стороны огненного опала, который ей передал Иешуа. Для своих рисунков она использовала бумагу, и, наконец, остановилась на двух набросках, которые, как

она ощущала, были правильными. В рисунки было «вплетено» имя её мужа и сгила его как Малака, и как Шадрака. Также они включали сгилу Энии, так как это был план, на который она хотела его «вытянуть».

За день до Полнолуния всё было готово. Она осторожно сожгла все эскизы Талисмана, запомнив те, что были ей нужны. Теперь ей оставалось только выработать астральные потоки, а также выбрать час, в который будет господствовать планета Меркурий. Когда это было сделано, она могла только сесть и ждать своего часа.

Талисман – хранилище некоего особого вида энергии, нужной для выполнения задачи, для которой вы его создали.

- Алистер Кроули

Я больше не могу думать о символах меньше, чем как о величайшей из всех сил, вне зависимости от того, используются ли они осознанно магическими мастерами, или полусознанно их преемниками, поэтами, музыкантами и художниками.

- У.Б.Йейтс (Frater D.E.D.I.)

Эния



Иесод Иецира
Город София

19

Лина стояла в центре ритуальной комнаты Иешуа, она с закрытыми глазами пыталась уравновесить себя.

Комната была идеально квадратной, с гладкими стенами, похожими на чёрный оникс. В структуре комнаты не было никаких изъянов, а единственной мебелью был чёрный алтарь, расположенный в центре. Алтарь был сформирован из двух кубов, один из которых стоял сверху другого. Это создавало десять сторон, символ десятой Сефиры Малкут, где происходили эффекты от ритуалов.

Длинные чёрные волосы Лины были распущены, они каскадом спадали по спине, достигая пояса. Она одела две мантии: внешняя была чёрной, внутренняя - белой. Внутренняя мантия символизировала её истинную сущность, которая навсегда останется незапятнанной миром вокруг неё, его дух парит над материальными заботами. Внешняя мантия была покровом, закрывающим её истинную сущность от любопытствующих глаз окружающих. Она также означала секретность; ничего из того, что она собиралась выполнить, не будет обсуждаться за пределами комнаты.

Перед ней на алтаре лежало элементарное оружие: пентакль, чаша, палочка и кинжал. Разложенные в виде креста, они означали равновесие и гармонию элементов в пределах её ауры. В центре креста был расположен квадратный огненный опал, завернутый в чёрный шёлк и трижды перевязанный.

Ниже Талисмана лежала карта таро: Вселенная, представляющая тридцать второй путь Древа Жизни. Карта отражала тёмную, тяжёлую

природу этого пути, формирующего мост между Иесод и Малкут. Лина знала, что для того, чтобы вернуть Малака в Энию, её мужу придётся сперва пересечь тридцать второй путь.

Вокруг, по краям храма горели восемь оранжевых свечей, расположенных на равном расстоянии друг от друга. Рядом с каждой из них была горелка с ладаном, воздух был наполнен приятным ванильным ароматом стиракса (бальзама).

Лина глубоко вдохнула и открыла глаза. Она была готова очистить провести обряд очищения ауры и очистить комнату.

Она направилась в восточную часть комнаты и нарисовала перед собой большую пентаграмму. Используя стилет, она начала из точки перед своим левым бедром. Пентаграмма была ярко-голубого цвета, мерцающая золотым, как газовое пламя. Когда фигура была закончена, она зарядила её, и нарисовала горизонтальную белую линию астральной энергии. Она нарисовала эту линию на уровне талии, двигаясь по кругу, пока не развернулась лицом к югу. Там она повторила процедуру, прежде чем перейти на запад и север. Наконец, она вернулась на восток, окружённая теперь четырьмя пентаграммами, соединёнными непрерывным кругом астральной энергии.

Она вернулась в центр круга и начала вызывать четырёх архангелов элементов.

«Предо мной стоит RAPHAEL!», провозгласила она, с силой произнося имя ангела.

Когда она произнесла имя Рафаэля, он появился перед ней на востоке. На нём были жёлтые одежды с пурпурными бликами. В правой руке он держал Жезл Кадуцей, и, хотя выглядел он, как человек, его аура сияла с невероятной силой. Во все стороны от него дул сильный ветер, от которого его одежда колыхалась.

«За мной стоит GABRIEL!», снова провозгласила она имя архангела.

Мысленным взором она увидела за собой ангела. Он был одет в синие одежды с оранжевыми бликами и держал в руках чашу. Он стоял внутри озера, покрытого лёгкой рябью, и за ним слышался звук водопада.

«Справа от меня стоит MICHAEL!», произнесла она нараспев.

Внезапно она почувствовала жар, идущий из южной части комнаты, где материализовалась фигура архангела в красном. Михаила она почувствовала намного сильнее, чем другие элементы, так как он хорошо совпадал с её огненной личностью. Его одежды имели ярко-зелёный оттенок, он держал меч с пылающим лезвием.

«Слева от меня стоит AURIEL!», сказала она, ощутив в северной части комнаты присутствие архангела.

Одежды Ариэли были зелёного и коричневого цветов, как плодородная земля, а в руках она держала золотой снопок пшеницы. Она была

сильной и непреклонной: представитель могучего элемента «земля».

Лина держала руки таким образом, что её тело образовывало крест.

«О, священный Повелитель Вселенной! Ты святейший, тот, чья природа не оформилась! Ты святейший, Некто бескрайний и могущественный! Повелитель Света и Тьмы!»

Пока она выражала своё поклонение Богу, ангелы кивали головами в знак уважения и повиновения.

Она сказала: «Заклинаю вас, могущественные Ангелы небесных сфер, чья обитель скрыта. Вы - хранители Врат Вселенной, будьте также хранителями тайной сферы. Держите зло и несбалансированность в отдалении! Укрепите и воодушевите меня, чтобы я смогла сохранить это жилище тайн Вечных Богов незапятнанным. Пусть моя сфера будет чистой и священной, чтобы я смогла войти и стать соучастницей секретов Божественного Света».

После того, как она завершила заклинание, комната засверкала белым, и архангелы исчезли. Когда свет погас, на стенах проявились символы элементов для каждой части света и четыре Энокийских плиты.

Теперь комната была сбалансирована между четырьмя элементами, так же, как и её аура. Следы четырёх архангелов остались, чтобы стабилизировать комнату во время ритуала. Никакое элементарное существо не посмеет проникнуть в храм, защищаемый архангелами.

Лина подняла Талисман и объявила: «Именем ELOHIM TZABOATH, и всеми силами, вызванными здесь в эту ночь в час Меркурия и при Полной Луне, заявляю, что я создам истинную и мощную связь между этим Талисманом и HOD, Сефирой Власти.

С этой целью я создала и довела до совершенства этот Талисман, имеющий необходимые печати, сигилы и символы. Я заявляю, что этот Талисман будет заряжен таким образом, чтобы Малак, известный также как Шадрак, смог быть возвращён в Энию. Я желаю, чтобы силы Света смогли снова объединиться на этом плане, а силы тьмы будут им противостоять. Да будут силы HOD свидетелями моего святого обета».

Держа Талисман в левой руке, она двинулась к западной части круга, отвернувшись от алтаря. С помощью стилета она начертила перед собой вызывающую гексаграмму Меркурия. Пульсирующая гексаграмма была ярко-оранжевого цвета. Она состояла из двух соединённых треугольников, один - направлен вверх, другой - вниз. Она прочертила оба треугольника по часовой стрелке, первый - начиная от левого бедра, формируя вершину возле головы, а затем вниз к правому бедру. Второй она начала от правого плеча, с вершиной в паху, затем вверх к левому плечу.

Закончив создавать гексаграмму, она сказала: «ARARITA! One is God's beginning! One is God's individuality! God's permutation is One!»

Гексаграмма энергично завибрировала.

«Теперь вызываю силы HOD в этот храм. Именем ELOHIM TZABOATH, будь здесь и сейчас! Знай, что всё готово для освящения этого Талисмана. Помогите своей силой, чтобы я смогла мотивировать великого архангела MICHAEL дать жизнь и силу этому существу Талисмана».

Двигаясь по часовой стрелке вдоль круга, она дошла до своей предыдущей позиции за алтарём.

«Заклинаю силу ELOHIM TZABOATH. Через этот Талисман, вытяните Малака в область Энии!»

Силой и властью Меркурия, вытяните Малака в область Энии!

О, священный Повелитель Вселенной, работающий в Тишине и не выражающий ничего, кроме Тишины!»

Она убрала покров с Талисмана, и подняла его ввысь.

Ярко-синие сигилы на поверхности настойчиво вибрировали, будто борясь против заключения.

«Придите, о, BENI ELOHIM, ангельский хор HOD и слуги Бога.

Окружите, освятите, благословите и зарядите этот Талисман!»

С силой произнося имя ангелов, она прочертила сигилу над Талисманом. Соответствующая сигила на поверхности Талисмана отозвалась, ярко засветившись.

«О, MICHAEL, помоги твоей покорной слуге освятить, благословить и зарядить этот Талисман!»

Она прочертила сигилу, и имя Михаила энергично запульсировало на поверхности огненного опала.

«Заклинаю силу ELOHIM TZABOATH! Заряди, освяти и благослови этот Талисман ради твоего Имени!»

Теперь вокруг Талисмана мерцал белый свет, а от его поверхности отскакивали голубые искры. Вся комната засияла сверхъестественным оранжевым светом, когда её наполнила сила Ход.

«Силы HOD, отнеситесь ко мне по-дружески, ибо я - Слуга того же, вашего Бога: истинный поклонник Наивысшего!»

Она двигалась вдоль круга на запад, держа Талисман, снова открытый и перевязанный. На Западе она начала произносить Четвёртый Энокийский Ключ.

Её голос был глубоким и звонким, и вскоре комната задрожала от его звука. Она усилила ритм проговаривания, её астральное тело сотрясало от незнакомых слов. Фундамент комнаты сильно задрожал.

Когда она достигла кульминации, вся комната на секунду задержала дыхание, прежде чем звук её голоса постепенно сошёл на нет. Когда она повернулась лицом к алтарю, тот был спрятан за тремя колоннами. Слева была Чёрная Колонна Строгости, справа - Белая Колонна Милосердия. В центре чуть дальше, в глубине, стояла Колонна Равновесия.

«Освящение закончено! Талисман жив!», подтвердила Лина. «Теперь он будет должным образом инициирован».

Сняв покрывало с Талисмана, она направилась к Чёрной Колонне. Внезапно перед ней материализовалась гигантская фигура в чёрном. Перед собой он держал огромный двуручный меч, его глаза пылали красным огнём.

«Я - МОГУЩЕСТВЕННЫЙ HIEREUS. СУЩЕСТВО ТАЛИСМАНА, НЕОЧИЩЕННОЕ И НЕЧИСТОЕ, ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ВОЙТИ В ЗАПАДНЫЕ ВРАТА!», прогудела фигура.

Лина склонила голову и отошла назад.

«Dadouchos и Stolistes, пожалуйста, выйдите вперёд».

Из южной части комнаты к Лине приблизилась фигура в красном. У него на груди был изображён вертикальный равнобедренный треугольник, а в руках он держал красно-зелёный горящий жезл.

«Я - Dadouchos», сказал он. «Существо Талисманов, очищая тебя огнём».

Лина убрала покрывало с Талисмана. Тот интенсивно пульсировал. Dadouchos провёл жезлом над Талисманом и он стал тёмно-красного цвета.

Dadouchos отошёл назад на своё место на юге, с севера подошла фигура в синем. На груди у неё был треугольник, направленный вниз, а в руках она держала сине-оранжевую чашу.

«Я - Stolistes», произнесла она. «Существо Талисманов, очищая тебя водой».

Она погрузила пальцы в чашу и бросила несколько капель воды на поверхность Талисмана. Талисман остыл, снова став ярко-оранжевым. Stolistes отошла назад, на север.

Держа Талисман перед собой, Лина снова приблизилась к Чёрной Колонне.

«ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВСЁ ПРЕВРАТИТСЯ В ХАОС, ТЬМУ И ВРАТА ЗЕМЛИ НОЧИ», сказал Hierous. «Я - ТОТ, ЧЬЁ ИМЯ ТЬМА. Я - ВЕЛИКИЙ С ПУТИ ТЕНЕЙ. Я ЭКЗОРЦИСТ В ЦЕНТРЕ ЭКЗОРЦИЗМА. НО Я НЕ БОЮСЬ ТЬМЫ ЗАПАДА, ИБО НЕТ МЕСТА, ГДЕ НЕ ПРИСУТСТВУЕТ БОГ И СВЕТ БОГА. ПОЭТОМУ БЕЗ СТРАХА ПРОЯВИСЬ ПЕРЕДО МНОЮ. ИБО НА ЗАПАДЕ ЕСТЬ ТОТ, КТО НЕ БОИТСЯ. А ТЕПЕРЬ, КОГДА ТЫ ЗНАЕШЬ ЭТО, ПРОЙДИ ВО ВРАТА ВОСТОКА».

Лина поклонилась и отошла назад. Она приблизилась к Белой Колонне. Ей преградила путь гигантская фигура в белом, материализовавшаяся перед ней. У него были глубокие голубые глаза. В руках он держал огромный красно-золотистый скипетр, увенчанный короной.

«Я - МИЛОСЕРДНЫЙ HIEROPHANT. СУЩЕСТВО ТАЛИСМАНА, НЕОЧИЩЕННОЕ И НЕЧИСТОЕ, ТЫ НЕ МОЖЕШЬ ВОЙТИ В ВОСТОЧНЫЕ ВРАТА!», прогудела фигура.

Лина склонила голову и отошла назад.

«Dadouchos и Stolistes, пожалуйста, выйдите вперёд», сказала она.

Одетый в красное Dadouchos и одетая в синее Stolistes приблизились и во второй раз освятили Талисман огнём и водой. Лина снова подошла к Белой Колонне.

Hierophant сказал: «ВСЛЕД ЗА БЕСФОРМЕННОСТЬЮ, ПУСТОТОЙ И ТЬМОЙ ПРИДЁТ ЗНАНИЕ СВЕТА. ЧТОБЫ СТАТЬ ТАЛИСМАНОМ, СИЛЬНЫМ И НАСТОЯЩИМ, ТЫ ДОЛЖЕН ПРОСЛЕДОВАТЬ ИЗ ТЬМЫ В СВЕТ, ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ. ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ЭТО, ТРЕБУЕТСЯ СВЕТ, ЛЬЮЩИЙСЯ ИЗ ТЬМЫ, ХОТЯ ТЬМА НЕ ОСОЗНАЁТ ЭТОГО. ВОЛЕЮ БОГА, Я МОГУ КОНТРОЛИРОВАТЬ КРУПИНКУ СВЕТА, ВОЗНИКАЮЩУЮ ВО ТЬМЕ. ПОМНИ, СУЩЕСТВО ТАЛИСМАНА, ФОРМА ТАК же НЕВИДИМА В ОСЛЕПЛЯЮЩЕМ СВЕТЕ, КАК И В НЕПРОГЛЯДНОЙ ТЬМЕ. ПРОЯВИСЬ ПЕРЕДО МНОЮ, ИБО Я - ТОТ, КТО ВЛАДЕЕТ СИЛАМИ РАВНОВЕСИЯ. ТЕПЕРЬ ТЫ УЗНАЛ МЕНЯ, ТАК ПРОЙДИ ЖЕ НА КУБИЧЕСКИЙ АЛТАРЬ ВСЕЛЕННОЙ ».

Dadouchos и Stolistes сделали шаг вперёд, чтобы очистить Талисман в последний, третий, раз. Лина прошла сквозь колонны-близнецы Света и Тьмы.

«СУЩЕСТВО ТАЛИСМАНА!», сказали Hierous и Hierophant вместе. «ТЫ ДОЛГО ПРЕБЫВАЛ НЕЖИВОЙ ТЬМЕ. ПОКИНЬ НОЧЬ И ИЩИ ДЕНЬ!»

Талисман в руке у Лины задрожал в знак понимания.

«Пусть белый блеск Божественного Духа снизойдёт на это существо Талисманов, и наполнит его величием!», провозгласила Лина. «Смотрите, все силы, присутствующие здесь. Я чиста. Я чиста. Я чиста. Будьте свидетелями того, что я должным образом очистила, инициировала, оживила, освятила и снабдила полномочиями это существо Талисманов!»

Талисман окружила аура силы; она знала, что ритуал прошёл успешно. Она накрыла его чёрным шёлковым покровом и положила его на алтарь. Теперь ей нужно было изгнать силы, которые она пробудила, и закрыть храм. Ей было трудно сосредоточиться, так как она знала, что скоро вновь соединиться со своим мужем. Она решительно прогнала из головы мысли и приступила к завершению ритуала.

«Подойдите к краю,
Сказал он. Они сказали:
Мы боимся.
Подойдите к краю,
Сказал он. Они подошли.
Он толкнул их, и
Они полетели...»

Шеллус



Малкут Ассия
Центральные
Сақсонские земли

20

В залитой лунным светом комнате Шадрак стонал и метался во сне. Его разум переходил от одного сна к другому, не зацепляя ни за один из них. Он знал, что спит, но каждый раз, пытаясь заставить себя проснуться, он оказывался в другом сне.

Он видел сны об Энии. Красивое небо тёмно-фиолетового цвета. Деревья с золотистой корой и сине-зелёными листьями. Тёмная грозная башня, залитая светом звёзд. Блестящая чёрная пантера с умными зелёными глазами. Огромный астральный вихрь, кружащийся над уничтоженным лесом. Чёрные бездушные глаза Детена. Лилит в своей соблазнительной форме, пытающаяся завлечь его назад в свои объятия.

Повсюду в этом хаотичном тумане разорванных образов и событий присутствовала Лина. Он помнил только фрагменты о том времени, когда они были вместе, но он помнил каждую деталь её лица и чувственного тела. Он знал её огненную, упрямую натуру, но не мог вспомнить ощущения. Он знал, что, вне всякого сомнения, любил эту женщину, приходившую к нему во сне, и что она когда-то любила его. Быть может, любила до сих пор. Эта мысль напугала его. Сейчас ему нечего было терять: он просто желал ускользнуть от когтей Лилит. Но если эта женщина всё ещё думала о нём и он был ей безразличен, то ему было что терять.

Он яростно пытался избавиться от притягательного образа Лины. Она медленно исчезала из его сознания. Теперь он на невероятной скорости стремился сквозь непроницаемую тьму; восприятие сбило его с толку.

Источник галлюцинаций запутал его. Он всегда был предрасположен к чётким и ясным снам, хотя обычно это случалось при Тёмной

Луне, когда хватка Лилит была на пике своей силы.

Постепенно его скорость уменьшилась до такой степени, что было сложно сказать, движется ли он. Он всё ещё плыл в темноте, один в вечной пустоте. Здесь ощущение Лины было намного сильнее; он чувствовал, что мог почти схватить её сущность. Пустота сотрясалась от оглушающего стука её сердца, и он отчаянно захотел слиться с этим звуком; хотя он не слышал голоса, он знал, что она звала его. Она обращалась к нему, хватая его за руку через измерения пространства и времени.

Вдруг он увидел что-то на дальнем расстоянии. К нему стремительно приближалась оранжевая крупинка света. Он зачарованно смотрел, как она стремительно двигалась к нему. Через несколько секунд он увидел, что это был маленький, плоский квадрат. Он крутился на своих осях, летя на Шадрака. У него было время только на то, чтобы заметить странные, ярко-синие символы на его поверхности, прежде чем объект пронзил его грудь.

Его тело тотчас взорвалось. Через мгновение он уже вздрагивал на кровати после пережитого астрального удара. Увидев знакомую обстановку своей личной комнаты, он заставил себя успокоиться. Его тело постепенно расслабилось, и он задышал медленно и глубоко. Ещё несколько секунд у него ушло на то, чтобы вернуть пульс к норме.

Его разум кружился от эффекта, произведённого столкновением; блуждающие мысли и чувства проявлялись, как обломки под водопадом. Хотя одна мысль доминировала над всем: он должен вернуться в Энию. Он ощущал зов в своей крови, как стремление к наркотическому пристрастию. Всё остальное было неважно: он должен вернуться сейчас. Он знал, что этот импульс шёл от странного оранжевого объекта из его сна, хотя это было неважно. Каким-то образом он знал, что этот объект был творением Лины: он был наполнен её духом.

Он потянулся к прикроватному комоду и зажёл масляную лампу. Он быстро оделся, натянув на себя одежду, чтобы защититься от зимней погоды. И хотя снаружи на земле лежал снег, тем не менее, здесь было теплее, чем в летний день в Ниппоне.

Он знал, куда должен идти. Чтобы вернуться в Энию, он должен достичь колдовских камней. Это были врата между мирами, Галан рассказывал ему. Он понятия не имел, как врата его переместят, или как активизировать их, но он вновь обрёл веру. Сегодняшняя ночь подходила для возвращения в Энию, и ничто не остановит его, даже сама Лилит: он знал, что она в любом случае желала его возвращения в под-план Иесо-да.

Потушив лампу, он тихонько выскользнул из двери в коридор. Вспышка лунного света на стали заставила его повернуться, он устоял в замешательстве. Снаружи, за его дверью у стены были прислонены его

катана и вакидзаси. Там же была и заплочная сумка. Он изучил её содержимое и обнаружил еду и воду, а также масляную лампу и немного сухих дров.

«Я подумал, что всё это может тебе пригодиться».

Он удивлённо повернулся, проклиная свой zanshin за слабость.

Галан вышел из тени.

«Откуда ты узнал?», спросил Шадрак.

Галан пожал плечами. «Эффект Талисмана очень силен. Лина хорошо зарядила его. Я почувствовал его влияние на астральном уровне».

«Талисман? Что это?»

«Часть твоего магического обучения, с которой ты ещё не знаком. Он произвёл этот эффект внутри тебя. Когда ты очутишься в Энии, ты окажешься почти в том времени, когда был заряжен Талисман».

Шадрак надел заплочную сумку, и засунул за пояс мечи. Он впервые с момента овладения им Лилит надел их, как пару daisho, в истинной самурайской манере.

«Как произойдёт перемещение в Энию?», спросил он.

«Не беспокойся. Талисман об этом позаботится. Он уберёт все преграды, таким образом, он сможет завершить своё назначение. Все встанет на свои места».

Шадрак кивнул. «Тогда я должен уйти», сказал он. «Спасибо тебе за помощь, Галан».

Внезапно взгляд Галана стал мягче, в его глазах появилось сожаление, из них потекли слёзы. Шадрак крепко обнял его, и Галан в кои-то веки ответил ему взаимностью.

«До свидания, сын мой. С нетерпением буду ждать, когда наши пути снова пересекутся».

«Увижу ли я тебя снова?»

«В моём будущем - да. Но не в твоём. Как бы там ни было, наши души будут едины, если ты пересечёшь Бездну, чтобы стать Магом Энии».

Шадрак грустно кивнул. «Мне нужно идти». Эффект Талисмана горел в его жилах.

«Удачи тебе, Шадрак. И покажи себя с лучшей стороны в предстоящей битве. Не разочаруй меня».

Шадрак чувствовал пронизывающую грусть от осознания того, что он больше никогда не увидит старика.

«Прощай, отец».

Он резко повернулся и направился к лестнице. Нечеловеческий взгляд Галана следовал за ним, пока он не исчез из вида.



Шадрак шёл сквозь тёмные, покрытые снегом сады собора и

приближался к основным воротам. Он чувствовал муки и мрачное предчувствие. За год, проведённый в храме, он ни разу не покидал его. Он будто покидал тепло и защиту второго лона, но он отбросил эту мысль; он страстно желал выполнить свою миссию у колдовских камней.

Хотя никто не нарушал спокойствия храма с момента приезда Эканара, вход днём и ночью охранялся. Страж вышел из своего укрытия и безмолвно открыл гигантские железные ворота. Его подозрительный взгляд не скрывал недоверия к Шадрому. Страж был одним из нескольких инициатов, видевших ронина в его одержимом состоянии.

Шадрак кивнул в знак признательности и вышел в бесплодный мир. Треск закрывшихся ворот отозвался эхом. Внезапно он почувствовал себя очень одиноко. Похоже, температура понижалась, и ему уже не хватало подбадривающего присутствия Галана.

Земля была укрыта снегом на целый фут, с неба продолжали падать тяжёлые хлопья, танцую и кружась от лёгкого ветра. Город Пренцлау был как сцена из волшебной сказки. Разрушенные здания и гнивающие машины выглядели мягче и менее устрашающе под белым снежным покровом. Резкие, острые углы были заменены женственными изгибами, а машины превратились в мягкие волнистые сугробы.

Шадрак начал идти в северном направлении, к своей цели. Полная Луна освещала сюрреалистичный пейзаж; снег блестел, как припудренный бриллиант.

Продвигаясь по маршруту, он обнаружил снег полностью нетронутым. Даже падальщики покинули город, в котором призраки мёртвых парили в тени когда-то грандиозных строений. Шадрак чувствовал тревогу, будто он проходил по святой земле, беспокоя могилы давно умерших призраков. Ничто не двигалось вокруг. Его дыхание кристаллизовалось в воздухе перед ним прежде, чем было поймано ветерком.

Размер города внушал ему страх. Он шёл вдоль извилистых, разбитых дорог и карабкался по кучам булыжников, представлявшим опасность из-за покрывавшего их снега и льда. Он шёл достаточно быстро, но путь до границы города занял у него больше часа. Постепенно происходила метаморфоза, погребённые здания и машины стали встречаться реже, слившись с окружающей местностью.

В конце концов, всё это осталось далеко позади и настроение у Шадромы улучшилось. Покрытый снегом пейзаж напоминал ему о Ниппоне, но температура была комфортной. Кусты и деревья шептали ему что-то на ветру, когда он проходил мимо. Он улыбнулся. Он шёл домой. Эния была миром Малакка, и это делало её и его домом тоже. Там он мог выяснить, кто же он на самом деле, и, что важнее всего, он сможет увидеть Лину. От этой мысли его сердце мучительно забилося.

Он пробирался через холмистую местность, его разум останавливался на препятствиях, с которыми он столкнётся после своего возвра-

щения. Он мало знал о том, что ждёт его, но два слова мгновенно пришли на ум: Детен и Лилит.

Благодаря воспоминаниям Малака у него было хорошее представление о Детене, и он знал, на что способен Чёрный Адепт. Он не ожидал с нетерпением встречи с Детеном, но, несмотря на невероятную силу Адепта, он не боялся его. Это будет трудно, так как он не станет драться с магом; пацифистские принципы Ийзасу были заложены в нём слишком глубоко. Он будет только защищаться, если его жизнь будет в опасности, так как знал, что не сможет предотвратить такую реакцию. Многие самураи погибли из-за эффективности своего инстинкта самосохранения.

Ещё была Лилит. Он не мог делать вид, что не боится её, его душа трепетала от ужаса, но он поклялся себе, что никогда больше не съезится перед ней. Она могла завладеть его душой, но она никогда больше не овладеет его телом. Он не будет марионеткой в её дьявольских делах. Он знал, что после его возвращения в Энию Лилит будет держаться за него ещё сильнее.

Он пересёк выступ следующего холма и понял, что его цель находится лишь в нескольких мгновениях от него. Он не знал, было ли это влияние Талисмана, но камни страстно призывали его. Он ощущал их силу в своих костях, и, хотя он только смутно шёл в правильном направлении, он легко нашёл бы мегалиты, будучи привлечённым к ним, как мотылёк к огню.

Теперь он видел их, стоя перед ними на вершине холма. Они были невероятно древними, даже древнее, чем мегалиты Розового Круга Энии. Они были обветренными и проржавевшими, с бесчисленными трещинами и изломами.

Шадрак быстро приближался, лунный свет отражался на их поверхности. Они стояли под звёздным небом, как сломанные зубы, искривлённые и бесполезные. Но Шадрак чувствовал, как их древняя сила взволновалась, когда они ощутили его рядом. Казалось, что они разумны и могут чувствовать, и было похоже, что они узнали его. Внезапно он понял, что всё на месте. Круг сам перенесёт его. Ему ничего не придётся делать, так как Талисман сам искривил реальность. Мегалиты знали, какая у них задача, и они прекрасно её выполнят.

Он сжал ножны мечей одной рукой, а второй - ремень своей заплечной сумки. Несколько секунд он взбирался на вершину холма, глубоко проваливаясь в снег. Он легкомысленно прыгнул в центр круга, наконец торжествуя.

Эффект был мгновенным. Невероятная боль взорвалась у него в груди, сердце внезапно перестало биться. Он мучительно упал, скорчившись, в снег. А потом боль пропала.

Он смотрел на своё тело сверху. Снег уже начал покрывать его, уничтожая все следы его существования.

Раскалённая струна, соединившая его с трупом, треснула, будто её разрезали ножом, а затем он стал кружиться, кружиться... Он видел вокруг себя мерцающие огни и чувствовал невероятное накопление астральной энергии. Физический мир исчез, потускнел и расплылся, когда он стал кружиться быстрее. Его астральное тело конвульсивно подёргивалось, будто сквозь него проходили электрические волны.

Вдруг всё оказалось позади него, и он стал мчаться сквозь туннель света. Его тело всё ещё гудело, но оно уже не имело человеческой формы, оно стало сплюсненной сферой.

Он вышел из туннеля света в небо цвета индиго. Здесь было огромное чувство инертности и ограничения; мимо него промчался символ Сатурна. На расстоянии было гигантское растянутое ожерелье из множества бусин, похожих на жемчуг. Внутри него была красивая полуобнажённая женщина. Над её головой был полумесяц, а в руках она держала два жезла, белый и чёрный.

Шадрак понёсся к ней, проходя сквозь жемчужное ожерелье. Как только он вошёл в ворота, чернота охватила его и он ударился о холодную, мягкую поверхность. Поражённый, он понял, что у него опять было физическое тело, и что его заплечная сумка и мечи всё ещё были при нём. Он не мог поверить, что потерпел неудачу.

Но часть его, которая была Малаком, ликовала в знак понимания. Шадрак открыл глаза. Он не лежал на укрытом снегом холме, и небо не было чёрным, хотя и было усыпано звёздами.

Он, качаясь, поднялся с травы, и посмотрел вверх на три огромных мегалита, окружавших его.

Внутреннее кольцо Розового Круга, подумал он. Он смотрел, не веря своим глазам, на линию деревьев Зачарованного Леса всего в сотне ярдов от него. А над ним тёмно-фиолетовое небо медленно становилось аметистовым от приближающегося рассвета.

Наконец-то он был дома.

Один храбрый человек создаёт большинство.

Эния

- Принц Кассиус Хоукун (Эндрю Джексон)



Город София

Эпизод

Возрождение

Лина резко открыла глаза, мгновенно пробудившись от глубокого сна. Она задержала дыхание в страшном предчувствии, ожидая, что её надежда в любой момент будет разбита. Но каждой дрожащей клеточкой своего тела она чувствовала правду: Малак вернулся. Волна радости, смешанная с неверием, пробежала по ней.

Она скатилась с огромной кровати и встала на ноги, её мысли кружились, как в водовороте. Она стояла поражённая, не уверенная в том, что нужно делать. Её разум пытался заставить себя действовать.

Она засунула руку под подушку и открыла рот от удивления. Она вытащила чёрный шёлк, в который был завернут Талисман Ход. Предмет исчез, бесследно испарился. Это была правда; Талисман выполнил свою задачу. В течение трёх дней он вытащил Малака в Энию, а затем улетел назад и растворился в элементах и силах, которые его составляли.

Что-то коснулось её разума, нежное ласковое чувство. Она повернулась, чтобы увидеть наблюдающую за ней Баст. При Полной Луне, друг семьи стояла над Линой, в глаза бросалась её сильная мускулатура. Её зелёные глаза удовлетворённо блестели.

«Ты знаешь, да?», спросила Лина.

Баст повела носом у её бедра и побежала к двери. Она всего за секунду справилась с дверной ручкой и выскользнула из комнаты.

Лина последовала за Баст, внутри неё усиливалось волнение. Она должна сказать Кассиусу; он будет так же счастлив, как и она. Внезапно она поняла, что на ней из одежды только negligee. Для женщины непо-

добающе бродить по дворцу в таком виде.

Вернувшись в комнату, она резким движением открыла дверь шкафа. Она вытянула белое платье и быстро надела его, ворча по поводу старомодной одежды. Одежда, которая была во дворце, была, по её мнению, менее чем практична. Материал был хорош, но покрой был ограничивающим, препятствующий использованию ног для самозащиты. Одежда была изготовлена специально для неё, а она побоялась сказать им, что ей было удобно в тунике и брюках.

Одевшись, она выбежала из спальни в коридоры дворца. Хотя сейчас дрожь прошла, её было достаточно, чтобы сказать ей то, что ей нужно было знать. Она заставила себя замедлить ход, чтобы не привлекать обеспокоенных взглядов стражников.

Она быстро прошла мимо пары солдат, стоявших около комнаты для совещаний Кассиуса. Дверь была частично открыта, она постучала один раз и вошла.

Кира сидела за рабочим столом Кассиуса, снаружи вошли два солдата.

«В чём дело?», спросила Лина, когда стражники заблокировали ей выход.

Кира встала. «Боюсь, что мой отец попросил меня задержать тебя для твоей собственной безопасности».

Глаза Лины вспыхнули. «Да как он смеет?! Ты действительно думаешь, что эти два солдата остановят меня? Малак вернулся и я должна найти его!»

«Я знаю. Мой отец всё мне объяснил. Он знает, что Шадрок вернулся в Энию, и он отправился в Розовый Круг, чтобы перехватить его. Он был непреклонен в том, что ты не должна идти, для твоей собственной безопасности».

«Хорошо», сказала Лина.

Едва сказав это слово, она метнула астральный взрыв.

Кира была отброшена к стене, затем она упала на пол. Двое стражников направились к Лине, чтобы схватить её. Она снова атаковала, в этот раз сильнее. Энергия обогнула стражников, сорвав дверь с петель. Лина изумлённо смотрела на это, слишком поражённая, чтобы отреагировать. Стражники схватили её, применив лишь силу, достаточную для того, чтобы сдержать её.

Кира поднялась с пола. «Эти стражники были тщательно отобраны, Лина. Твоя магия против них не подействует. Они разделяют секрет моего отца».

Ещё четверо стражников вошли в комнату. Лина знала, что сопротивляться физически бессмысленно. Кому-нибудь будет причинён серьёзный вред.

Из-за спины шестерых стражников раздался рык. Все поверну-

лись и увидели Баст, готовую атаковать.

«Ей не нравится видеть, как меня удерживают», предупредила Лина.

«Отзови её», нервно проговорила Кира. Солдаты потянулись к мечам. «Или мы будем вынуждены причинить ей вред. Мы должны быть союзниками».

Лина засмеялась. «Какие-то союзники. Вы думаете, что Вы причините вред Баст?»

Друг семьи царапала пол когтями, оставляя в камне глубокие выемки. Лина знала, что Баст не сможет драться с шестью вооружёнными людьми, не ранив seriously одного из них.

«Нет, Баст», приказала она. «Малак. Найди Малака. Оберегай его».

Баст снова зарычала, уставившись на солдат. Казалось, что она колеблется.

«Ступай!», приказала она. «Малак - тот, кому ты нужна».

Друг семьи развернулась и побежала по коридору.

«Приведи его ко мне», прошептала Лина.



ЭНИЯ ПОДЗЕМНОЕ ЛОГОВО ЧЁРНОЙ ШКОЛЫ

Лишающий жизни свистел в воздухе, Детен продвигался вперёд, отражая и нанося удары. В комнате не было освещения, а Лишающий жизни отбрасывал резкий, но неяркий алый свет. Атмосфера была холодной и злобной, хотя Детен не чувствовал этого: это были его собственные вибрации.

Защита, удар. Защита, удар. Лезвие двигалось так быстро, что оставляло в воздухе красный след, как бенгальский огонь. Древние руны на мече дрожали от желания: предназначением Лишающего жизни было разрезать плоть, а не ветер. Хотя он не обижался на практику, так как любое использование было лучше, чем ничего, но он не пробовал крови уже несколько дней. После тысячелетнего сна меч обладал жуткой жадой.

Когда Детен крутился, меняя направление, высоко отражая удар, он получил первое ощущение. Лишающий жизни слегка задрожал, его острые чувства напряглись до предела. Детен тоже это почувствовал: каждая клетка его тела затрепетала. А потом он понял.

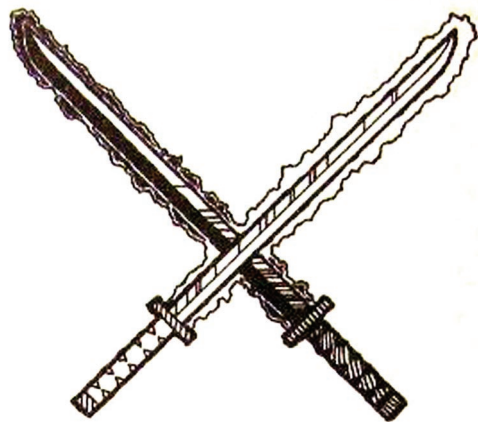
«Ааааа! Малак! Мой брат-близнец вернулся».

Он погладил рукоятку меча.

«Возможно, это будет кровопролитие, которого ты желаешь. Малака мы оставим в живых, а вот что касается его союзников...».

Лишающий жизни удовлетворённо загудел, когда хозяин вкладывал его в ножны. Чёрные глаза Детена свирепо загорелись, когда запылал огонь его души.

Часть II



Воскресение

И сказали они Емму: Тогда мы, будучи детьми, войдём в Царство? Иисус сказал им: Когда вы из двух сделаете одно, и когда вы внутреннее сделаете подобным внешнему, а внешнее – подобным внутреннему, а выше – подобно ниже, и когда вы соедините мужское и женское в единое целое, тогда вы войдёте в Царство.

- Евангелие от Св.Томаса

Насколько мы в состоянии сегодня понять, единственный смысл человеческого существования состоит в том, чтобы зажечь свет во тьме примитивного бытия.

- Карл Юнг

Эния



*Чёрная Школа
подземное логово*

21

Детен точил лезвие Лишающего жизни с помощью точильного камня, его взгляд был сосредоточенным. Он сидел в позе лотоса, лицом к восточной стене. За ним сидел Бал, терпеливо ожидающий, когда мастер обратит на него внимание.

«Малак вернулся», сказал Детен, его голос был, как всегда, глубоким и бесстрастным.

Бал нахмурился. «В Энию?»

Какое-то время ему отвечал лишь звук точильного камня, скользящего по лезвию Лишающего жизни. Это была бессмысленная задача, так как лезвие никогда не теряло своей остроты, но Детен считал это своей обязанностью, а меч проявлял внимание, на время позабыв о своей жажде крови.

«Он был вытянут через Розовый Круг всего несколько часов назад. Крайне важно, чтобы мы перехватили его раньше, чем другие. Теперь у него есть ключ к нашей Цели».

«Но, Мастер, разве он не враг нам? Он наверняка не станет нам помогать».

Детен на минуту замолчал; он поднял меч, чтобы проверить лезвие. Оно засветилось алым, безжалостным светом.

«Душа Малака теперь едина с душой Лилит», сказал он. «Его физическое тело теперь может выступать в качестве проводника для Архи-Демона и освобождения её полной мощи в Энии».

Глаза Бала возбуждённо блестели; он был так же предан Цели, как и его мастер. «Как нам этого достичь? Малак наверняка будет препятствовать нашим попыткам».

«Желания Малака не имеют значения. Он - слабак, не способный сопротивляться моей силе. Мне нужно подготовиться. Чтобы вытянуть Лилит из глубин его души, потребуется мощный ритуал».

«Разве Лилит не сможет сама сокрушить его разум, Мастер? Малак наверняка не сможет справиться с её могуществом».

«Так и бывает в обычных условиях. Но она похоронена так глубоко, что это для неё почти невозможно. Однако есть часть её силы, которая захватила его душу ранее. Это бессознательная, интуитивная часть её природы, и если она придёт в ярость на Энии, то есть вероятность того, что её полная сила сможет прорваться. А если это произойдёт при Тёмной Луне, когда её власть во много раз усиливается, Малак, вероятно, не сможет сопротивляться».

Бал задумчиво пригладил бороду. «Значит, если мы не сможем захватить его, демон сам прорвётся через две недели?»

«Да». Детен поднялся на ноги и развернулся, чтобы посмотреть в лицо своему последователю. «Но мы не станем так рисковать. Возможно, у Малака есть союзники на этом плане, возможно даже Белые Адепты из старого Совета. Вне зависимости от этого, Лина наверняка здесь будет. Она тесно связана с кармической сетью».

Бал кивнул. «Что ты хочешь, чтобы я сделал, Мастер?

«Калинда ждёт?»

«Да, Мастер. Она стоит за дверью», сказал Бал.

«Введи её и жди нас снаружи».

Бал поклонился и вышел из комнаты. Несколько мгновений спустя вошла Калинда. Это была женщина около сорока лет, с крепким, сильным телом, едва поддерживавшим свою женственность. На ней была кольчуга; её ухоженные смуглые ноги были обнажены. На спине у неё был вложенный в ножны огромный меч, дай-катана. Его лезвие было больше шести футов в длину; его остриё почти касалось пола, а рукоятка возвышалась над её правым плечом. Это был один из самых варварски-выглядевших мечей, которые приходилось видеть Детену, хотя у неё, определённо, были бицепсы, чтобы орудовать им.

У Калинды были тёмные, коротко стриженные волосы, её некрасивое лицо покрывали шрамы, но, несмотря на это, она источала сексуальную привлекательность. У неё были карие глаза, умные и острые, они хищно смотрели вокруг.

Она села на пол, как указал ей Детен.

«Итак, Фелмарр, ты всё это время был Уорлоком», сказал Детен.

Калинда улыбнулась, в её кривой улыбке сквозила надменность.

«Я не пользовалась этим именем почти тысячу лет. Я гораздо больше привыкла к мысли о том, что теперь я женщина».

Детен заметил, что в ней всё ещё были некоторые манеры Фелмарра, например, в том, как она сидела, но многое изменилось. Фелмарр был очень талантливым, но никогда бы не бросил вызов своему Мастеру. Детен знал, что Калинда не будет думать дважды об этом, если представится такая возможность.

«Что с тобой произошло?» спросил он. «Я доверял тебе».

Калинда пожала плечами. «Я устал ждать твоего возвращения. Я восстановил Чёрную Школу после разорения, причинённого Вызовом, готовясь к твоему возвращению. Я состарился и умер в ожидании тебя. В следующей жизни я родился, как женщина, и снова боролся за свой путь на вершину Школы. Но это было слишком опасно. Слишком многие Адепты хотели сместить меня, и у них это почти получилось. Заключение дракона было моим единственной возможностью взять контроль над всем в свои руки. Я представил всё так, будто Уорлок свергнул меня. Благодаря тому, что я использовал силу дракона, никто не мог устоять предо мной».

«Опасная игра».

«Она окупилась сполна. Я до сих пор ждал тебя. На протяжении сотен лет я ждал тебя. Затем моя преданность превратилась в гнев, и у меня появились собственные амбиции. Я решил, что если ты когда-нибудь вернёшься, я буду Мастером».

«Только твой план не удался, и я снова Мастер», сказал Детен, внимательно её рассматривая. «Будешь ли ты снова служить мне?»

Калинда снисходительно улыбнулась, очевидно, не испугавшись его силы. «Я буду действовать по твоему приказанию, но я не стану служить тебе. У меня есть собственный план. После того, как ты освободил Tien Lung, я должна найти способ защитить себя, прежде чем он вернётся. Его сила слишком велика».

Детен кивнул. Он понял, что хотя Калинда лишилась силы дракона, она потеряла ещё не всё. У неё всё ещё была тысяча лет опыта, а самонадеянности ей было не занимать.

«Оставь меня», сказал Детен. Калинда улыбнулась, медленно поднялась и неторопливо вышла из комнаты.

«Бал! Зайди!» приказал Детен.

«Я хочу, чтобы ты взял большую группу и поскакал в Заколдованный Лес», сказал Детен. «Ты будешь командиром, а Калинда - твоим заместителем. Я хочу, чтобы там вы искали моего брата, Малака. Я хочу, чтобы ты привёз его живым. Это самое главное».

«Да, Мастер. Но будет ли разумно брать Калинду?»

«Она слишком полезна, чтобы ею не воспользоваться, но не доверяй ей. Я хочу, чтобы ты внимательно наблюдал за её поведением. Её нужно проверить. Езжай немедленно. Я вскоре последую за вами, на свой собственный поиск. Но время играет существенную роль».

«Я понял».

«И ещё, возьми с собой Мендаса в качестве капитана гвардии. Это пойдёт ему на пользу. Здесь он только хандрит. Я хочу, чтобы ты всё время держал его возле себя. Убедись, что ему не будет причинён никакой вред».

Бал нахмурился. «Почему я? Почему с ним не может нянчиться Калинда?»

«Ты не нянчишься с ним, чёрт возьми!» прорычал Детен. Он медлил, удивлённый своей вспышкой. «Он сам может о себе позаботиться. Это всего лишь мера предосторожности. Я не могу доверять Калинде, но я могу доверять тебе. Так что это твоя работа».

Бал склонил голову. «Как ты пожелаешь, Мастер».

Хоть он и согласился с желаниями Детена, Бал знал, что в этом задании будут непредвиденные обстоятельства.

Эния Город София

Кассиус остановился, чтобы бросить взгляд назад, где исчезал из вида лазурный город София. Печально посмотрев в последний раз, он подстегнул своего белого жеребца. Перед ним растянулся огромный открытый пейзаж сельской местности. В трёхстах милях к западу лежал пункт его назначения, Зачарованный Лес.

У него было мрачное, задумчивое настроение. Он многие годы ждал воссоединения с Шадраком - слишком долго. Груз стыда тяжело лежал у него на плечах. Он не представлял себе, как Шадрак отреагирует на него. Для Кассиуса прошла жизнь, в то время как для Шадрака это было лишь несколько лет. Будет ли ронин чувствовать себя преданным и относиться к нему, как Лина?

Кассиус не был уверен в том, удастся ли ему добраться до Шадрака вовремя. Он знал, что Детену станет известно о возвращении его брата. Наверняка, несметное количество Чёрных Адептов и солдаты Чёрной Гвардии уже прочёсывают Зачарованный Лес, а поскольку он не мог сравниться с их количеством без того, чтобы не ослабить защиту Софии, один человек был в меньшей опасности, чем несколько. Кроме того, это была его личная битва и, по крайней мере, у него была вера в свои возможности на этом уровне.

Он ехал в полном боевом облачении, модифицированной форме harataki; эту модель он позаимствовал из своих воспоминаний о Ниппоне. Доспехи давали правильное равновесие для защиты и подвижности. Нагрудная пластина была украшена тигровыми лилиями, как и его латы yoroi в Ниппоне. Впервые за многие годы он одел свои katana и wakizashi вместе как пара daisho, в самурайском стиле.

Он надеялся, что ему не придётся столкнуться с Детеном. Хотя он не боялся этого столкновения, он боялся последствий неудачи. Жизнь Шадрака, и само существование плана, будет зависеть от исхода этой битвы.

Он положил изрубцованную руку на рукоятку катаны. У него всё получится.

Истинное путешествие открытий состоит не в поиске новых пейзажей, а в приобретении нового зрения.

- Доктрина Белой Школы (Марсель Пруст)

Эния



Зачарованный Лес

22

Шадрак сидел внутри Розового Круга, слёзы катились по его лицу. Он вернулся в Энию, и был в состоянии эйфории. Для его сентиментальности не было здоровой причины; эта эмоция прорвалась изнутри, и, несмотря на вездесущую пустоту внутри, он знал, что прибыл домой.

Больше часа он просто прослеживал свой путь назад на план, делая его снова частью себя. Здесь его восторг начал затихать. Он ощущал огромную, зловещую разницу в природе плана. В его последнюю жизнь Граница уже начала ослабевать, но её состояние теперь было невероятно слабым, и плану не хватало защиты - Шадрак чувствовал характерные черты чужеродных сущностей, проникших из Иесода.

Его с силой ударило сознание того факта, что он снова стал магом. Когда он сосредоточился, перед ним появились разноцветные огни, радостно танцующие в воздухе. Это было что-то, чего Малак не мог легко выполнить из-за эффекта Границы. Хотя он снова был способен использовать магию, Шадрак всё равно ещё не был Адептом. Он не достигнет этой чести, пока не нанесёт поражение Лилит, и не восстановит связь со своим Высшим «Я».

Воспоминания Малака казались ему теперь намного ближе и реальней. Мучительные воспоминания о Розовом Круге вызвали глубокую эмоциональную реакцию. Именно здесь он видел Лину в последний раз, когда она принесла себя в жертву, приняв верную смерть. Память пронзила его до мозга костей.

Огромные каменные мегалиты стояли точно так же, как он их помнил, нетронутые временем. Он чувствовал мощные потоки энергии, идущие от их грозных, таинственных форм, но они также утешали его

разум, пытающийся зацепиться за что-то знакомое.

Он думал о том, какой сейчас год. Его охватили отчаянный страх и одиночество. Это была не та Эния, которую он знал - быть может, он был отделён сотнями лет от всех, кого знал, попал по ошибке не в ту эпоху. Он вспомнил заверения Галана - он будет вытащен в то время, когда был заряжен Талисман. Нужно разрешить сложную кармическую сеть. Поэтому он, Лина и Детен должны воплотиться в тех же временных рамках.

Он думал о том, куда он должен идти. Он наивно ожидал, что его доставят в объятия Лины. Теперь он был благодарен за то, что этого не произошло, потому что эта мысль встревожила его. От Малака в нём была нервозность, повышенная возбудимость при мысли о примирении; для него расставание казалось вечностью. От Шадрак в нём был страх; Лина была не его любовью, и он всё ещё не был един с Малаком. Проверив содержимое заплочной сумки, он обратил внимание на запасы. Кроме еды и воды, там была ещё масляная лампа, трутница (прим. переводчика - коробочка, в которую клали трут, использовавшийся для высекания огня), сто футов верёвки, тёплая одежда, компас и охотничий нож.

Он слегка перекусил хлебом и сыром, а затем повесил сумку на плечи. Он задумчиво вздохнул и по-самурайски засунул за пояс katana и wakizash. Была середина утра, и он хотел начать идти, хотя был неуверен в пункте своего назначения. Казалось, что есть только один очевидный выбор: Небесная Башня. Хотя сейчас Башней владела Лилит, он надеялся, что Лина предположит, что это будет его целью. Никаких очевидных мест для встречи больше не было.

Он достал компас и сориентировался. Затем он начал идти через лес на север. Впереди, в нескольких сотнях миль, лежали Вирмспайнские Горы и Небесная Башня. Именно там он, возможно, найдёт Лину.



К вечеру Шадрак прошёл двадцать миль, половину пути до границы леса. Солнце висело низко на небе, до темноты оставалось менее получаса. Его тело устало, и он знал, что ему придётся найти приют для ночлега - его не привлекала идея спать на открытом воздухе, без защиты. Интуиция подсказывала ему, что ночь в лесу будет малоприятной.

Продолжая идти, он понял, что найти приют будет непросто. Подлесье было редким, и только гигантские деревья с золотистой корой предлагали возможное убежище. Идея о том, чтобы спать на некотором расстоянии от земли смущала его - он не хотел скатиться и удариться об землю, вследствие чего, вне всяких сомнений, он свернёт себе шею.

На многие деревья было трудно взобраться, так как из-за их ис-

ключительного размера ветви начинались в дюжине футов над землёй. Идя сквозь лес, Шадрак постоянно смотрел вверх в поисках подходящего дерева. Деревня Киото была расположена посреди леса, и он часто карабкался по деревьям, когда был моложе. Поэтому он был уверен в своей способности лазить по деревьям.

Солнце опустилось за деревья, и он заметил верёвку, свисающую с дерева слева от него. Он нахмурился. Он поразился, когда посмотрел вверх и увидел нечто, что могло быть только селением на верхушке дерева. Оно было растянуто на некотором расстоянии во всех направлениях, с простыми деревянными мостами, соединяющими гигантские деревья вместе.

Конструкция, переплетенная с ветвями деревьев, была почти в двухстах футах от земли. Сине-зелёные листья почти полностью маскировали селение, и Шадрак был уверен, что пропустил бы его, если бы его не привлекла верёвка.

Верхняя часть тела Шадрак была невероятно сильной - он схватил верёвку и смог подняться с помощью рук, ноги ему были почти не нужны. С земли он никого не видел, но всё же был уверен, что селение было обитаемо. Ему и в голову не могло прийти, что ему могли быть не рады - это была Эния, здесь страх и паранойя просто не существовали.

Верёвка была хорошо прикреплена к прочной ветке, приспособленной таким образом, чтобы можно было буквально встать на деревянную площадку. С площадки неустойчивые мосты из дерева и канатов соединялись с другими тремя дерквями. С этих деревьев разветвлялись другие мосты, и, таким образом, формировалась вся сеть.

Шадрак ступил на площадку и осмотрелся. Он всё ещё никого не видел, но в некотором отдалении он услышал детский смех и звук аплодисментов. Под собой, сквозь щели в площадке, он увидел землю. У него тут же закружилась голова - хотя обычно высота его не волновала, расстояние его встревожило. Он начал выяснять, насколько устойчива деревянная площадка, которая поддерживала его, хотя было очевидно, что она пережила суровые условия жизни более длинной, чем он.

Платформа была притянута к основному стволу дерева, и Шадрак понял, что люди этого поселения жили среди деревьев. В стволе дерева был вырезан большой арочный проход, укрытый тяжёлой коричневой тканью, защищающей от элементов. Другие деревья имели подобные выемки, мосты и площадки, соединяющие их вместе.

Шадрак мгновение колебался, а затем решил рискнуть. Если люди здешнего поселения откажут ему в гостеприимстве, он просто пойдёт дальше, и будет искать другое убежище. Он двинулся к основному стволу и подошёл к одеялу, защищавшему вход.

Только его zanshin дал Шадраку возможность отреагировать на западню. Услышав едва заметный скрип дерева, он быстро развернулся,

приготовившись к защите. Он замер на месте, когда его взгляд натолкнулся на заряженную стрелу арбалета.

«На твоём месте, незнакомец, я бы не двигался так быстро», сказал мужчина, его произношение изобиловало незнакомым диалектом.

Это был гигантский человек, одетый в куски грязного животного меха. У него было строение медведя гризли, огромные грязные руки и бочкообразная грудная клетка. Его кожа была бледной и чешуйчатой, а волосы ушли в небытие. Шадрак выдержал его взгляд, заметив сильную паранойю и подозрение. Но сильнее этого был страх.

Слева от Шадрара послышался шелест, а затем снова и снова. Он понял, что с верхних веток дерева спускались люди. Очевидно, они вели его за несколько минут до того, как он попал в западню.

«Мы в этих местах ловим демонов и тому подобных, но прежде они никогда не могли карабкаться вверх», продолжил мужчина, обращаясь к грязному молодому человеку, стоявшему рядом с ним.

Для Шадрара их язык был незнаком. Он больше привык разговаривать на ниппонском, но это была часть языка, который он понимал с рождения. Хотя он казался другим. Предложения были разорваны и укорочены, а диалект странным и незнакомым. Ему пришлось сконцентрироваться, чтобы понять. Не было никакого сомнения в том, что ему угрожала серьезная опасность; очевидно, жителей селения не убедила его человеческая внешность.

«Мы сейчас же его убьём!» прокричал один из людей, бросив на Шадрара злобный взгляд.

Вокруг ронина собрались пять или шесть человек. Правая рука Шадрара лежала на рукоятке wakizashi, но было недостаточно пространства для работы с katana. Он заставил себя сохранять спокойствие. Он поклялся никогда больше не убивать. И будет бороться, какой бы инстинкт ни пытался защитить его за счёт чужих жизней.

«Убить его сейчас же!», согласился другой голос. На площадке зазвучали крики одобрения. Люди с других деревьев пересекали мосты, чтобы посмотреть, что там за волнение.

Первый мужчина перед Шадраком злобно ухмыльнулся, и нацелил свой арбалет.

«Ничего личного, дружище», сказал он, «но нам придётся тебя убить».

«Нет, подождите, я...», сдавленно проговорил он, когда чья-то рука сзади обвила шею.

Шадрак заставил себя расслабиться и перестал бороться, чтобы получить возможность дышать. Он смотрел на указательный палец мужчины, готовый при малейшем его движении опрокинуть своего противника. Нападавший закроет его от выпущенной стрелы арбалета. Если после этого он сможет ухватиться за верёвку, по которой забрался сюда, то он

сможет съехать по ней на землю. Он обдерёт кожу с ладоней, но сможет спастись.

«Льон! Нет!» просвистел в воздухе женский голос, в котором безошибочно угадывался главарь.

Палец Льюна замер в знак неповиновения, поддерживаемый молчаливым ободрением своих сородичей. Но его дерзость не увенчалась успехом; его палец расслабился, и он слегка опустил оружие.

Женщина шла сквозь толпу зевак и неодобрительно осматривала место происшествия. Это была крупная, круглолицая женщина с простодушным, но опытным лицом, возможно, лет сорока.

«Никакого убийства, пока мы не узнаем, кто он!» сказала она. Послышалось тихое бормотание, но никто не задал никаких вопросов относительно её решения.

Хватка на горле Шадрара ослабла, и он упал на площадку, тяжело дыша. Женщина-главарь осторожно и внимательно его рассматривала.

«Связать его», сказала она.

У Шадрара не было времени среагировать, в одно мгновение несколько человек устремились к нему и прижали его к земле. Он яростно сопротивлялся, едва не сбросив одного из них с платформы. Но дальнейшее сопротивление прекратилось, когда о его череп ударило что-то твёрдое и тяжёлое. После этого наступила чернота.

Царство Божье – внутри тебя.

- Луке 17:21

Эния



Ты – Храм Живущего Бога.

II Corinthians 6:16

Зачарованный Лес

23

Шадрак проснулся с мучительной пульсирующей головной болью. На контрасте с тупой болью, он испытывал также острую боль от глубокой раны на затылке.

Он попытался дотянуться до неё и осмотреть, но почувствовал, что его движения ограничены прочными железными оковами на запястьях.

У него на глазах была повязка, спина упиралась в твёрдую, но гибкую поверхность. Комната казалась средних размеров, возможно, футов пятнадцать в диаметре, как он определил по обстановке. Здесь была тёплая, приятная атмосфера, будто лежишь в лоне; он понял, что сидит внутри ствола одного из деревьев. Он чувствовал вокруг себя его защитное, мягкое влияние, помогавшее разогнать его тревогу.

Он ощущал присутствие в комнате других людей, хотя до его слуха не доносилось ни звука. Он застонал и пошевелился, чтобы привлечь их внимание. Он не был уверен, но предполагал, что был ранний вечер, сразу после заката.

«Матушка, он проснулся. Можно, я уберу повязку?»

Это был голос девочки, с меньшим акцентом, чем у того сурового мужчины. Благодаря недостатку диалекта она, каким-то образом, казалась более умной и рассудительной.

Он почувствовал мягкое прикосновение молодой кожи, и с его головы сняли повязку. Он был признателен девочке за то, что она сделала это осторожно, стараясь не задеть рану на затылке. В комнате был полумрак, но всё равно Шадрaku понадобилось несколько секунд, чтобы глаза привыкли.

Красивая светловолосая девочка, возможно, лет семи, стояла перед ним на коленях, у неё были живые любознательные глаза. Как и все остальные в селении, она носила животный мех, по большей части

волчий. Она держала чашу из оранжевой глины.

«Хотите пить?» спросила она, её голос был полон детской наивности.

Шадрак мимолётно взглянул на неё, а затем бросил взгляд через комнату на вторую фигуру. Она сидела лицом к нему, поглощённая шитьём одежды. Её голова была низко опущена, но он сразу же узнал её. Это была та женщина, которая спасла его от арбалета. Он решил, что, вероятно, она была главной.

Она остановилась, когда почувствовала на себе его взгляд. Её рука потянулась к варварски выглядевшему ножу, лежавшему рядом. Острым, плавным движением она бросила оружие. Шадрак не шелохнулся, когда лезвие встряло в дерево в двух дюймах от его правого уха.

Женщина подняла взгляд. «Я - Алтея, глава этого поселения. Не причиняй никаких проблем, так как я никогда не промахиваюсь дважды».

Голос был чрезвычайно серьёзный, как и суровый взгляд голубых глаз, но Шадрак увидел, что благодаря показанному бесстрашию он обрёл ментальное преимущество. Это удивило Алтею, потому что она поняла, что это не было притворством. В её глазах было любопытство, смешанное с большой осторожностью. Он очень надеялся, что эта осторожность не перейдёт в паранойю.

«Я ни для кого не представляю угрозы», сказал он вяло.

«Посмотрим», сказала Алтея, потянувшись к его katana. «А это, я полагаю, безобидные орнаменты».

Она схватилась за рукоятку, чтобы вытащить лезвие.

«Пожалуйста! Не вытаскивайте лезвие!» вскрикнул Шадрак.

Алтея остановилась, и посмотрела на него с подозрением.

«Это священное, неприкосновенное оружие. Для этого меча быть обнажённым без соприкосновения с кровью - бесчестие».

Алтея на секунду остановилась в нерешительности, а затем отложила меч в сторону.

«Урсула, оставь нас», сказала она. «Иди на ночь к своему дяде Льюну. Скажи ему отправить в Храм извещение о том, что нам нужен целитель. Спроси, есть ли Филипп».

Бросив последний любопытный взгляд на Шадрак, девочка тихо выскользнула из комнаты в ночь.

«Несмотря на первое впечатление, мы - не варвары», сказала женщина. «Однако ты жив только потому, что не достал свои мечи для защиты. Как тебя зовут, незнакомец?»

«Я Шадрак».

Алтея нахмурилась. «Странное имя».

«Оно означает «чужак».

Алтея относилась к нему с недоверием; на Энии всегда говорили только на одном языке.

«Ты - воин, Шадрак. Даже без этих мечей превосходного качества, это

очевидно. У тебя лицо хищника, как у парящего орла. И в твоих глазах нет страха. Что же ты за воин? У тебя странная одежда, и на тебе нет доспехов».

«Я - самурай. Воин чести».

Алтея произнесла незнакомое слово.

«За каким мастером ты следуешь, самурай?»

«Ни за каким. Я - ронин, изгнанник в своём народе».

Женщина кивнула, приняв это, как похожее на правду.

«Ты произносишь странные слова, Шадрак. Я не стану спрашивать, откуда ты. Но твои ранения демонстрируют, что ты мужчина. Ты голоден?»

«Нет, госпожа. Но я устал».

«Ты можешь отдохнуть здесь, Шадрак. По крайней мере, теперь тебе не причинят вреда», сказал Алтея. «Филип излечит тебя, когда придёт».

Храм Жёлтой Школы Зачарованный Лес

Филип сидел в безупречной позе в основном зале перед статуей богини Маат, его дыхание было незаметным. Он открыл глаза, когда позади него открылась дверь.

«В чём дело, Йихана?» Его голос, как всегда, был лишён эмоций.

«Приехал крестьянин из поселения на деревьях. Им нужен целитель».

«Больше никого нет?»

«Ты - единственный, оставшийся среди нас, целитель. Остальные готовятся к Восхождению».

Филип поклонился богине. Он поднялся и повернулся к ней лицом.

«Нам нужно больше поработать и с твоими ранениями тоже», сказал он, его холодные глаза изучали её лицо.

Йихана притронулась к страшным шрамам, обезобразившим её.

«Я предпочитаю их оставить. Как напоминание. Когда я встречусь со своей дочерью и той проклятой пантерой, они заплатят за порчу моего лица!» Её злой голос был полон затаённой ненависти.

На лице Филипа появилась улыбка, всегда казавшаяся снисходительной. «Ты прежде вряд ли была привлекательной», сказал он, а затем быстро добавил: «Нам нужно быстро уезжать. Если я еду в деревню, то мне нельзя медлить. Моё присутствие нужно здесь при Восхождении».

Он прошёл мимо Йиханы. Она проглотила его резкость, и последовала за ним, она смотрела на него, как ястреб, изучающий опасную

пищу.

«Теперь, когда Мастер умер, ты - старший Адепт», сказала она.

«Во всех храмах есть лишь несколько Адептов, имеющих такой же опыт, как ты».

«Это правда», сказал Филип неопределённо.

Йихана пошла быстрее, чтобы подстроиться к его проворной ходьбе, когда они покинули святилище и вошли в лес. Она натянула на голову капюшон, чтобы спрятать лицо.

«Я слышала, говорят, что тебе отдают предпочтение при выборе нового Мастера. Говорят, что ты будешь избран богиней при Восхождении».

Филип поднял бровь. «Смерть нашего Мастера - трагедия для Школы. Она хорошо ей служила. Я не воспользуюсь таким случаем для продвижения своих собственных амбиций».

Йихана презрительно усмехнулась. «Разве у тебя есть какие-нибудь амбиции, Филип? Разве перспектива возглавить самую мощную силу на плане не заставляет твою кровь бурлить от страсти? Только подумай, что эта Школа могла бы сделать с сильным лидером!»

«Мы ведём политику невмешательства. Так было всегда. Но Мастер имеет верховную власть. Что бы он или она ни провозгласили, этому должно следовать. Однако, маловероятно, что богиня выберет кого-нибудь с такими заблуждениями в отношении власти».

По лицу Йиханы пробежал взгляд разочарования. «Ты думаешь, что будешь избран?»

Филип покачал головой. «Я в это не верю. Я говорил с богиней, и она уже сделал свой выбор, хотя нам он может показаться странным».

«Станным?» Интерес Йиханы внезапно снова появился.

«Её выбор таков, что никто не может себе представить». Он повернулся, чтобы увидеть глаза Йиханы, сузившиеся в размышлении.

«Даже не думай. Ты - второй последний человек, которого кто-нибудь выберет», сказал он сухо.

Он остановился и посмотрел вверх. «Мы на краю поселения. Мы можем взобраться здесь».

Он начал подниматься по канату, его мускулы были на удивление сильными. Йихана посмотрела на него сердито и последовала за ним намного более неуклюже - она никогда не видела пользы в физических упражнениях.

Когда через несколько минут она поднялась на площадку, она едва дышала. Филип хладнокровно наблюдал за ней, руки были спрятаны в рукавах жёлтой одежды.

«Некоторая помощь не помешает», сказала она сквозь зубы.

Филип улыбнулся. «Я уверен, что упражнения тебе не помешают». Он повернулся и пошёл к дереву Алтеи. Йихана плелась за ним, боясь

пропустить что-нибудь важное. Филип отбросил занавес и вошёл в жилище Алтеи. Йихана была рядом.

«Спасибо, что пришёл, Филип», сказала Алтея. «Его раны несерьёзные, но о них лучше позаботиться».

Филип кивнул, направив взгляд на спящего Шадрара. Его глаза сузились, будто он узнал его.

«Как долго он спит?» спросил он.

«Несколько часов. Мы добавили ему в питье снадобье», сказала Алтея. «Он не выглядит вполне нормальным, и у некоторые из людей боятся, что он может быть одним из демонов Лилит».

«В нём есть кое-что странное», сказала Йихана. «Я никогда не видела такую ауру. Такая скрытая сила...».

Филип кивнул и пересёк комнату, чтобы опуститься на колени около спящего ронина.

«Я видел его появление. Богиня Маат предупредила меня». Он повернулся и посмотрел на Алтею. «Агенты Уорлока не должны об этом узнать. Чёрные Адепты будут прочёсывать лес в поисках его. Они не должны его найти». Он вытянул руки и начал лечить рану на голове Шадрара.

«Чёрные Адепты?» сказала Йихана, её сердце внезапно забилося. Она любила только одного человека в своей жизни, и он был Чёрным Адептом.

«Я думаю, что большая часть Адептов Чёрной Школы будут его искать. Они отчаянно хотят найти этого человека».

Глаза Йиханы заблестели, когда у неё в голове оформилась идея.

«Тогда что мы будем с ним делать?» спросила Алтея. «Поселение будет в опасности, если он здесь останется».

Филип кивнул. «Я отправлю послание в Софию. Было повеление, что Принцу Кассиусу Хоукину необходимо сообщить о его местонахождении».

«Откуда, чёрт возьми, тебе это известно?» спросила Йихана.

«Таков приказ Маат», сказал Филип. «Роль нашей Школы скоро изменится». Он вдруг стал очень задумчивым. «Изменится больше, чем кто-либо сможет вообразить».

Он работал ещё несколько мгновений, раны Шадрара излечивались под его искусными руками.

«Ну, вот и всё», сказал он, вставая.

«Что нам делать?» спросила Алтея.

«Пока позвольте ему остаться здесь. Не снимайте оковы; он действительно опасен. Скажи своим людям, чтобы они избегали любых контактов с Чёрными Адептами. Я поеду в Софию, чтобы договориться с Кассиусом Хоукином».

Полог отодвинулся, и внутрь просунул голову инициат Жёлтой

Школы.

«Брат Филип, Адепты из других святынь начали съезжаться. Вы нужны в Храме. Скоро начнётся Восхождение».

Филип кивнул и повернулся к Йихане. «Я должен идти. Я хочу, чтобы ты осталась здесь и убедилась, что всё идёт хорошо».

«Хорошо».

Филип с подозрением поднял бровь. «Тебя не волнует, что ты пропустишь Восхождение?»

Йихана пожала плечами. «Как ты сказал, у меня в любом случае нет шансов быть избранной».

Филип секунду её рассматривал, ища в её глазах скрытый мотив. «Очень хорошо. Я вернусь, когда исполню свой долг».

Он прошёл сквозь занавес, чтобы последовать за инициатом.

«Я должна дать указания моим людям», сказала Алтея. «Пожалуйста, простите меня».

Йихана не утрудилась ответом, когда женщина-главарь вышла. Она села, скрестив ноги, на пол и стала рассматривать лицо Шадрара. Она не узнавала его, но было что-то смутно знакомое в этом хищном ястребином лице. Внезапно она поняла, что он был похож на портреты Мага Галана.

Очевидно, совпадение, подумала она.

Она закрыла глаза и попыталась сосредоточиться. Это было сложно, потому что она чувствовала огромное волнение, растущее внутри неё.

Большая часть Адептов Чёрной Школы будут его искать. Таковы были слова Филипа. А Бал был выдающимся даже среди Чёрных адептов. Возможно ли, чтобы он был в лесу в поисках того, что она нашла? Мысль о примирении с её единственной любовью взволновала её. Она начала искать его своим внутренним зрением.

*Если бы двери восприятия очистились, то всё
предстало бы перед человеком таким, какое оно
есть, бесконечным.*

- Вильям Блейк

Эния



Зачарованный Лес

24

Бал сидел в тени возле дерева, на некотором расстоянии от огня, вокруг которого собрались Чёрные Адепты и солдаты Чёрной Гвардии. Люди пили крепкий эль и отпускали грязные шуточки, поедая оленину и свежую рыбу. Бал не имел желания присоединяться к их компании. Как и его Мастер, он предпочитал своё собственное общество компании дураков.

Он наблюдал за Мендасом, который подошёл к огню отрезать ножом кусок оленины. Другие солдаты, разговаривая, наблюдали за ним, возмущённые присутствием среди них чужака, и тем более командира. Бал злобно улыбнулся; он знал, что должно произойти. Чёрная Гвардия была грубой и совершенно лишённой совести. Командиры выживали только в том случае, если обладали силой.

Мендас вернулся и сел на своё место. К нему направился солдат.

«Что-то не так, сэр?», спросил солдат, оскалившись беззубым ртом.

Напротив Бала сидела Калинда, тоже в одиночестве; она с интересом наблюдала.

Мендас уставился на солдата, кусок оленины всё ещё был у него в руках.

«Я спросил, в чём проблема», сказал солдат громче.

Мендас глухо заворчал. Вокруг стало тихо, все сосредоточились на инциденте.

«Что это было?»

Сапог Мендаса обрушился на лицо солдата, от чего тот рухнул на спину. Он не поднялся и Мендас отбросил его тело со своего пути.

«Я сказал, что ты глупец, что бросил мне вызов», повторил он.

Он сел и начал есть. Вдруг люди начали смеяться. Бал тихо выругался. Мендас был сильнее, чем он предполагал. Люди его ещё не приняли, но, похоже, это лишь вопрос времени. Мендас был неуравновешенным, но

он был прирождённым лидером: он знал, как обращаться с людьми. Мендас почувствовал, что за ним наблюдают, и поднял взгляд на Бала. Он саркастично улыбнулся, его глаза переполняла ненависть. Бал ответил тем же. С одной стороны, ему было наплевать на Мендаса, но с другой стороны он вынужден был признать, что испытывал ревность - было очевидно, что Детен чувствовал привязанность к этому бандиту, что он редко кому-либо демонстрировал. Никогда ранее Детен никого и ничто не защищал. Однако всё изменилось теперь, когда появился Мендас. Ещё горше для Бала было то, что Мендас был отцом Детена. Он был уверен, что его собственное семя дало жизнь его Мастеру, но, похоже, он ошибался. Он недоумевал по поводу того, кем был ребёнок, которого родила Йихана. Мендас сказал, что это была девочка.

Внезапно Бал ощутил, как что-то изучает его разум, лёгкое чувство, постепенно усиливающееся. Это было так, будто кто-то смотрел на него сквозь магический кристалл. Он подумал, что, быть может, Детен пытается выйти на контакт. Он встал, перешёл на другую сторону дерева и опустился на колени, лицом во тьму.

Ощущения усиливались и он получил ощущение Йиханы. Он попытался вытряхнуть его из своего разума; он был уверен, что это случилось потому, что он только что о ней думал. Но сущность Йиханы явно ощущалась. Он не видел никакого образа, но в разум его проникли слова. У меня есть тот, кого ты ищешь. Приходи один ко мне в поселение.

Бал мысленно увидел образ древесного поселения и, сконцентрировавшись, почувствовал, что призывающий находится на востоке. Связь исчезла, снова оставив его в одиночестве. Он понятия не имел о том, была ли это Йихана или нет. Не было логической причины предполагать, что это была она, но интуиция подсказывала ему другое.

Приближался рассвет, и ему нужно было быстро уходить. Он выругался, вспомнив указание Детена быть всё время возле Мендаса. И хотя он презирал этого бандита, он бы не посмел ослушаться Мастера.

Он подошёл к Мендасу. Капитан поднялся, готовый на случай его нападения.

«Иди со мной», тихо сказал Бал.

Мендас уставился на него. «Ты мне не указ».

«Я знаю, где тот, кого мы ищем», сказал Бал. «И хотя я бы лучше пошёл один, Детен сказал мне оставаться с тобой. Если ты решишь не идти со мной, то именно ты ослушаешься его. Так как это ясно, можешь делать, что хочешь».

«Я следую за Джаадом», прорычал Мендас. «Я пойду с тобой только потому, что он так приказал».

«Поступай, как знаешь», сказал Бал. Он повернулся и отошёл, не ожидая, когда Мендас последует за ним.

Калинда из тени наблюдала, как Мендас пошёл следом за Балом. Её глаза сузились в подозрении. Она взглядом привлекла лейтенанта Чёрной Гвардии и подала ему знак проследить. Солдаты знали, что когда-то она была Уорлоком, и Калинду очень боялись. Лейтенант мгновенно повиновался, растворившись в тенях, чтобы последовать за теми двумя.



Бал медленно вскарабкался по верёвке на древесное поселение, его тело было не таким подготовленным, как когда-то. Вслед за ним Мендас забрался более легко, его физическое состояние всё ещё было крепким, с хорошей мускулатурой. Он вступил на площадку сразу же после Бала.

Бал стоял с закрытыми глазами, включив внутреннее зрение. Он напрягся, когда почувствовал присутствие Йиханы в ближайшей хижине. Он понял, что если Мендас увидит её, то сразу же убьёт.

«Подожди здесь», сказал он, двигаясь по ближайшему верёвочному мосту. Мендас сел на площадку и смотрел, как Чёрный Адепт пересёк мост и вошёл в одну из хижин. Затем он поднялся и последовал за ним.



Бал откинул занавеску в жилище Алтеи. Первое, что он увидел, было одурманенное тело Шадрака, прикованного к стене. Его глаза расширились в удивлении.

«Это тот, кого ты ищешь?» Йихана вышла из тени.

Бал даже не повернулся к ней. «Его сходство с Мастером... поразительно».

«Я рада, что ты удовлетворён», сказала Йихана ледяным голосом. Бал повернулся к ней.

«Ты полысел и потолстел», сказала она.

«Я постарел», сказал Бал. «Может, опустишь капюшон, и позволю лишь мне взглянуть, как время обошлось с тобой».

Он не упустил из вида её колебание, прежде чем она отбросила капюшон. Неготовый к ужасающим шрамам, он не смог скрыть свой шок.

«Кто сделал это с тобой?» В его голосе была ярость.

«Наша дочь, любимый. И её кошка».

«У нас есть дочь?»

Йихана смерила его взглядом. «Какое тебе дело? Очевидно, что она оказалась не твоим драгоценным Мастером! Но проблем с ней было более, чем достаточно!»

«Я не знал, что ты носила не Мастера», сказал Бал. «Мой план провалился. Но он всё равно вернулся».

«Вот как? Это и есть твоё оправдание?!»

«Я ничего не говорил об оправдании, Йихана. Я здесь из-за Малака, а не из-за тебя».

Йихана насупилась, но промолчала. Бал не изменился, и, как всегда, тот факт, что он её использовал, её возбуждал. Она повернулась, когда Шадрак застонал, постепенно пробуждаясь от дурманного сна.

«Нам следует выйти», сказал Бал, отбросив занавес и выходя наружу.

Йихана натянула капюшон на голову, и последовала за ним. Алтея и её дочь ждали снаружи. Глаза Алтеи расширились от потрясения, когда она увидела Бала.

«Ты можешь пройти внутрь и позаботиться о пленнике», сказала Йихана надменно.

«Филип сказал, чтобы мы избегали подобных ему», сказала Алтея.

«Да что ты знаешь?» усмехнулась Йихана. «Забирай свою дочь и вон с глаз моих!»

Взгляд Алтеи стал твёрдым. «Это моё поселение», сказала она, кладя руки на плечи дочери.

Никем не замеченный, Мендас подошёл ближе вдоль ветвей дерева, отчаянно пытаясь рассмотреть, что у Йиханы под капюшоном.

Йихана пошла в направлении Алтеи, но Бал схватил её за руку. «Мы тратим время. Я должен сейчас же забрать Малака к моему Мастеру».

«А как же я?» горько спросила Йихана. Она откинула капюшон. «Теперь, когда я выгляжу, как ведьма, я тебе не нужна?»

Бал открыл рот, чтобы ответить, затем резко повернулся. «Солдаты!» прошипел он.

У него ушла всего одна секунда на то, чтобы понять, что Калинда его выследила. Везде была Чёрная Гвардия.

«Быстро выведите пленника!» приказал Бал.

Воздух пронзил крик, за ним последовали ещё несколько. Солдаты толпились на канатных мостах и среди деревьев, убивая без разбора.

«Они убивают моих людей!» сказала побледневшая Алтея.

«Приведите пленника» прошипел Бал. «Или ваше поселение не выживет!»

Урсула прижалась к матери, громко плача. Алтея мягко оттолкнула её, и поспешила к Шадраку, чтобы его освободить.

Из ближайшей ветки раздался незаметный звук кинжала, вынимаемого из кожаных ножен.

«Он мой, Бал!» раздался крик. Бал повернулся и увидел Калинду, быстро приближавшуюся по канатному мосту, перед ней шли несколько солдат.

«Малак мой!» заорал Бал. «Я доставлю его к Мастеру!»

Калинда засмеялась. «Боюсь, что для этого ты не выживешь».

Бал знал, что солдаты подчинятся ей. Они боялись её присутствия больше, чем его. Он развернулся, чтобы высвободить на канатный мост астральный взрыв, намереваясь убить её.

Вдруг из укрытия выскочил Мендас, набросившись с кинжалом на Йихану.

«Я нашёл тебя, стерва!»

Йихана была застигнута врасплох. Она поражённо стояла, когда Мендас атаковал её с кинжалом.

«Нет!» закричал Бал. Он сделал прыжок и встал на пути лезвия.

Кинжал глубоко вошёл в его почку. Он судорожно глотнул воздух в агонии и упал на площадку, половина его тела лежала на канатном мосту.

«Мерзавец!» прорычал Мендас. Он наклонился и резким движением вытащил кинжал из тела Чёрного Адепта.

Шокированная произошедшим, Йихана пришла в чувства. Она высвободила взрыв астральной энергии. Тот столкнулся с Мендасом, оглушив его и отбросив на площадку. Он лежал без движения, почти без сознания. Йихана наклонилась, чтобы утешить свою умирающую любовь.

«Забавно», сказал Бал с гримасой. «А Мастер, казалось, так легко мог остановить кинжал».

Калинда прошла уже половину моста, и она быстро продвигалась. В селении воцарился хаос - мирных жителей разрубали на ходу или когда они молили о пощаде.

Алтея отошла от дерева, к которому был прикован Шадрок, чьи руки всё ещё были связаны. Он слабо мигал на ярком свете. Двое жителей поселения, вооружённые топорами, пришли помочь Алтее держать пленника.

Калинда указала на него. «Мне нужен этот человек!» прокричала она. Шадрок нахмурился в замешательстве, всё ещё борясь с одурманивающим наркотиком.

Все отряды начали продвигаться по канатным мостам к площадке, на которой находился Шадрок. Шадрок застонал, когда узнал эмблему на их доспехах - разорванный образ Кабалистического уменьшения силы. Это были солдаты Чёрной Школы, слуги Детена.

«Мне очень жаль, Шадрок», прошептала Алтея ему в ухо. «Как только я передам тебя, они остановят это безумие!»

За ними Йихана ублаживала бессознательную форму Бала, чья жизнь угасала.

Алтея подтолкнула Шадрока на мост, который пересекала Калинда, впереди неё шли четверо солдат. Когда Шадрок был в нескольких ярдах от первого стражника, Алтея закричала: «Он ваш. Мы не хотим

неприятностей. Это мирное поселение».

«Мир - это не вариант», проворчала Калинда. «Не будет ни выживших, ни свидетелей!»

Мгновение Алтея стояла, поражённая, прежде чем крикнуть «Назад!»

Она схватила дочь и побежала назад к площадке; Урсула начала плакать. Двое удерживали Шадрока, чтобы он не последовал за ней, готовые с помощью топоров защищать селение. На Шадрок остались только железные оковы, ограничивающие его движения. Он знал, что, если побежит, солдаты сразят его.

Плач Урсулы напомнил ему детей Саито в его последний роковой день в деревне Киото. Запах гари разъедал его ноздри, а от криков жителей его бросало в дрожь. Он знал, что эти солдаты убьют Урсулу, так же, как самурай убил дочерей Саито в деревне Киото. Он не мог допустить, чтобы это произошло снова, но он также не мог нарушить собственную мирную клятву - это была последняя частица чести, которая у него была.

Ширины моста хватало лишь для того, чтобы вместить людей в колонну по одному. Первый солдат добрался до Шадрока и начал вытаскивать свой wakizashi. Шадрок вышел вперёд и неуклюже схватил его за запястье, оковы мешали сделать это, как следует. Его серые глаза были сосредоточены и серьёзны.

«Я не могу позволить тебе это сделать», сказал он, голос его, благодаря наркотику, был плавным.

Солдат бросил на него сердитый взгляд и ударил его кулаком свободной руки в челюсть. Голова Шадрока откинулась назад, но он не двинулся. Его глаза потемнели от гнева, в них появился лёгкий красный оттенок.

Увидев неестественный взгляд, солдат испугался, и нанёс ещё один удар кулаком, даже сильнее предыдущего. В углу рта у Шадрока появилась кровь. Глаза ронина загорелись. Его хватка на запястье солдата усилилась, тот начал судорожно глотать воздух от боли.

Из отрядов позади солдата раздались крики, побуждающие его покончить с ронином, но толпа не могла видеть происходящей постепенной метаморфозы. Сделав последнюю, отчаянную попытку, солдат с силой ударил Шадрока коленом в пах. От удара Шадрок слегка наклонился вперёд. Его глаза свирепо пылали алым. Солдат закричал, когда его запястье раскрошилось от невероятного давления.

Шадрок резко вдохнул, когда понял, что происходит, но было слишком поздно: одержимость зашла слишком далеко. Как приливная волна силы, она поглотила его личность и разум, совершенно погасив его индивидуальность. Интенсивная, мерзкая ненависть пронзила его, и он полностью потерял контроль.

Существо резким рывком освободило запястья; оковы букваль-

но взорвались. Солдат попытался выбросить свой wakizashi, но он был слишком медлителен. Существо схватило его за горло и подняло его в воздух. От нехватки дыхания солдат брыкался и бился, как безумец. Но зверь не обращал внимания на слабые атаки - со скрученным запястьем, солдат приближался к земле и верной смерти.

Существо издало крик, полный триумфа и жажды крови, звук, от которого стыла душа даже у самого крепкого воина. Звуки леса затихли, когда этот крик пронзил деревья. Сзади на платформе Урсула кричала, пока солдаты приближались по двум другим мостам.

Зверь прыгнул вперёд, нанося удар, его техника была невероятно быстрой и злой, и в то же время идеально точной. Удар обрушился на второго солдата с гигантской силой, помяв нагрудную пластину его доспехов и проломив грудину. Его отбросило назад, от столкновения следующий солдат, а за ним ещё один упали с моста. За всеми ними Калинда атлетично отскользнула в сторону, чтобы избежать эффекта домино.

Существо повернулось и побежало на площадку, где солдат подбирался к Алтее и Урсуле. Зверь развернул мужчину, нанеся по выемке над его грудinou удар tetsui-uchi, удар кулака-молота. Человек ещё раз вздохнул, прежде чем смертельный удар подействовал. Его ключицы тотчас сместились, разрушая плечи и пронзая аорту и главную вену. Его грудина раскололась, а его гиалиновые хрящи пронзили пищевод и трахею, разрушив горло. Через несколько секунд он был мёртв.

Существо увидело катану Шадрака, лежащую на площадке, где Алтея её бросила. Плавным движением оно взяло оружие и выбросило лезвие. Двое солдат атаковали. Зверь разрубил их до земли, не дав им ни единого шанса. Третий атаковал с wakizashi. Существо парировало атаку и снова нанесло tetsui-uchi, направив его в челюсть солдата.

Челюсть моментально сместилась, и зверь схватил солдата за неё, резко повернув. Мужчина закричал в агонии, прежде чем был отброшен на площадку. Упав на неё, он покатился и соскользнул с площадки навстречу своей смерти.

Иихана с ужасом наблюдала за зверем. Она не издавала ни звука, укачивая Бала и прижимая его к груди.

В верхних ветках дерева что-то большое и чёрное носилось назад и вперёд, наблюдая за битвой.

Чёрная Гвардия открыла огонь, и на Шадрака со всех сторон посыпался град арбалетных стрел. Существо проскользнуло с катаной в руке, а затем сделало быстрый жест рукой. Сияние его алых глаз усилилось. Вдруг все мосты вспыхнули зелёным пламенем, сжигая солдат.

Иихана вскрикнула и выдернула Бала с моста, когда огонь уже коснулся его одежды. Она быстро осмотрелась вокруг, понимая, что лишь несколько человек остались живы. Она схватила Бала и забросила его себе на плечи, используя магию, чтобы суметь поднять его вес. Она

соскользнула с площадки и начала опасный спуск на землю, обжигая руки о канаты. Мендас наблюдал за ней, он почти ничего не видел. Через мгновение он последовал за ней, его тело дрожало от произведённого ею взрыва.

Скрытая в верхних ветках, чёрная зеленоглазая сущность осторожно осматривала битву, выбирая подходящий момент.

Калинда увидела магическую атаку Шадрака прежде, чем она ударила. Она метнулась с моста. Неистово концентрируя свою силу визуализации, она проскользнула к ближайшей ветке. Скрытая листьями, она медленно прокладывала путь к площадке с вытащенной гигантской dai-katana.

Теперь существо крутилось вокруг, его кровожадные глаза были ненасытны. Чёрных Стражников уже не осталось, поэтому оно приблизилось к Алтее, Урсуле и их двоим телохранителям. Охранники атаковали с топорами, попытавшись разрубить зверя надвое. Тот легко отразил нападение. Он атаковал одного телохранителя в висок, используя технику ridge hand, тотчас отбросив его. Второго он ударил в пах, а затем в венечный шов - место соединения черепа. Сила была достаточной для того, чтобы расколоть череп на части.

Зверь приблизился к Алтее и Урсуле, в его глазах было убийство. Урсула громко заревела. Существо мгновение выждало; его тусклые красные глаза интенсивно мерцали. Оно снова двинулось вперёд, а затем остановилось. Оно зарывало. Урсула пряталась за матерью, наблюдая, как глаза существа постепенно возвращались к нейтральному серому цвету.

«Нет!!!» закричал Шадрак, падая на площадку истощённый, но ликующий от того, что сумел вернуть контроль себе.

«Внутрь, немедленно!» сказала Алтея, толкая Урсулу внутрь дерева.

Шадрак беспомощно лежал на своей katana, слишком уставший, чтобы двинуться. Слезы гнева и сожаления потекли по его лицу, когда он понял масштаб причинённого им разрушения.

Позади него Калинда достигла края площадки и осторожно приближалась, её меч dai-katana был поднят и готов к атаке. Шадрак увидел её приближение, но не смог найти в себе силы поднять себя на ноги. Калинда поняла его проблему, и подняла свой меч, чтобы нанести смертельный удар.

Она сказала: «Если Детен хочет, чтобы ты жил, я хочу, чтобы ты умер!»

С верхних веток прыгнула Баст. Она отбросила Калинду через всю площадку, та упала на спину. Шадрак мгновенно узнал пантеру. Она стояла над ним, защищая его, неистово рыча на Калинду.

Калинда схватила свой меч и атаковала. Порыв ветра отразился

от Баст, не причинив ей вреда, и пантера набросилась на неё, едва не порвав ей горло. Калинда быстро использовала свою магию, чтобы откинуть друга семьи. Она запрыгнула на ближайшую ветку, оставив позади свой меч, прежде чем друг семьи пришла в себя.

Баст победно зарычала, обнажив свои трёхдюймовые клыки. Она подбежала к Шадрaку и легла рядом. Всё ещё держась за katana, Шадрaк скользнул на её спину. Он крепко обхватил её за шею. С последним выразительным рёвом, Баст спрыгнула с площадки. Она прыгала с ветки на ветку, быстро спускаясь с дерева. Несмотря на то, что у него уже не осталось сил, Шадрaк смог удержаться на этой гигантской кошке. И хотя её силы были более искусными, чем у Адептов, Баст, тем не менее, была магическим существом, а поэтому была способна искривлять реальность.

Через несколько секунд она достигла земли. Шадрaк крепко держался за неё, и она побежала в глубины леса.

Позади Баст, за другом семьи последовали с демонической ненавистью глаза Йихана. Она смущённо потрогала раны на своём лице, и выругалась. Вернувшись к своей задаче, она подняла Бала и, шатаясь, начала свой путь назад в храм, её магия позволяла ей лишь выдержать его вес.

Йихана не заметила, как Мендас опустился на землю позади неё. Всё ещё потрясённый её атакой, и полуслепой, он медленно продвигался за ней, его рука сжимала кинжал.

Воистину, говорю я вам. Если вы не преобразитесь и не станете, как малое дитя, вы не войдёте в царство небес.

- Matthew 18:3

Воистину, воистину, говорю я тебе. Если человек не родится снова, он не сможет увидеть Царство Бога.

- John 3:3

Эния



Зачарованный Лес

25

Баст бежала сквозь лес в течение пяти минут, прежде чем остановиться перед медленной текущей рекой. Шадрaк благодарно её погладил и соскользнул с её мускулистой спины. Смотря на размер Баст, он понял, что приближается Полная Луна, иначе она не смогла бы его нести. Он вспомнил, как её размер зависит от ритма луны.

Он застонал, ложась на спину, и смотря на розовое полуденное небо. Баст с беспокойством наблюдала за ним, её зелёные глаза светились чужеродным разумом. Она подошла и лизнула его по лицу, её белый шершавый язык чуть не содрал его кожу. Шадрaк поморщился и отодвинулся. Баст замурлыкала, звук был больше похож на рычание, и ушла в лес в поисках еды для своего хозяина.

Шадрaк лежал без движения. Несмотря на силу потрясения и боль, всё это казалось ужасно знакомым - он уже шёл по этому пути прежде. Его разум вновь охватила апатия. Всё, к чему он стремился, за что он боролся, не было сделано - когда это было важно, он не смог подавить демона внутри.

Он перевернулся на живот и нагнулся вперёд, чтобы посмотреть на речку. С краю вода была спокойной, что позволило ему увидеть собственное отражение. Его лицо было грязным и изрезанным, его волосы запачканы и спутаны. Но, несмотря на это, его серые глаза были ясными. Он понял, что достиг, в некотором роде, триумфа. Когда Лилит впервые овладела им, его разум и тело были раздавлены, а демон оставил его по своей собственной воле. На этот раз он отвоевал контроль у зверя. И, хотя он чувствовал себя очень слабым, с другой стороны, он не был затронут одержимостью, ни ментально, ни физически.

Он также помнил свои действия в момент одержимости, в отличие от предыдущих случаев. Он знал, каково это - чувствовать себя

зверем; он и раньше чувствовал эти ужасные ненависть и агрессию. Это существо не думало нормально: оно реагировало чисто инстинктивно. В такие моменты, в действительности, им овладевала не Лилит, а осколок её демонической сущности. Это была чистая, бездумная сила. Он знал, что его мирная клятва была бесполезной, ибо этот демон мог захватить контроль в моменты эмоционального стресса.

Он умыл лицо от грязи. От холодной воды порезы на лице начали болеть. Вода, смыв грязь, разрушила также и его апатию. Она постепенно утихла и уступила место облегчению, когда он понял, что мог убить и Алтею, и Урсулу. Как бы то ни было, он убил сорок Чёрных Стражников и двух жителей поселения, атаковавших его с топорами. Это было достаточно серьезным преступлением, но не таким ужасным, каким оно могло быть. Казалось, что он столько убил в своей жизни, что ещё несколько не имели особого значения. Его способность чувствовать вину была истощена.

Он лежал и смотрел на поток, его разум затерялся в мыслях, вдруг с другой стороны ручья раздалось глубокое угрожающее рычание. Он моментально замер. Затем он медленно поднял голову, чтобы посмотреть в красные бездушные глаза Греймиста. Волк раскрыл пасть, обнажив ужасные жёлтые клыки. Слюна капала с его рта, пока он рассматривал свою добычу.

Шадрак был поражён, его глаза испуганно расширились. Он дотянулся до рукоятки katana. Когда он это сделал, он понял, что его wakizashi вместе с его заплечной сумкой остались в древесном поселении. Его мечи больше не были парой daisho, но katana здесь, что было важно: самурай никогда не должен расставаться со своим мечом.

Он с трудом встал на колени, двигаясь медленно и всё время удерживая зрительный контакт с тварью. Хотя его сила постепенно возвращалась, он знал, что был ещё слишком слаб, чтобы защитить себя. Побегать он тоже был не в состоянии.

Греймист погрузился в воду, его мускулы готовились выпрыгнуть вперёд. Животное бросилось в воздух, клыки пытались достать до его горла. Шадрак попытался отскочить в сторону, но его тело двигалось слишком медленно; он смог лишь выкинуть руки и собраться с духом. Раздался мощный рёв, когда Баст перехватила демона на полпути в воздухе, они оба упали в реку.

Два существа поднялись в воде, вперив друг в друга взгляд и готовясь к битве. Баст вызывающе зарычала, призывая к реваншу после их поединка в Темной Расщелине в Гороме. Греймист нерешительно зарычал. В этот раз у демона не было преимущества в физических размерах. Внезапно Баст атаковала. Шадрак наблюдал за битвой, отчаянно ища способа помочь другу семьи. Но Баст не нуждалась в помощи - её гладкие мышцы брали верх над демоном. Греймист пытался использовать свою

демоническую сущность, чтобы манипулировать её разумом, но воля Баст была слишком сильной. Они яростно бились полминуты, прежде чем Баст нанесла демону глубокие раны, сама же получила лишь незначительные порезы.

Вдруг Греймист выпрыгнул из реки и убежал в лес. Баст последовала за ним и вскоре они оба скрылись из вида.

«Вижу, твой друг семьи вернулась, Малак».

Кровь застыла жилах Шадрара. Этот голос был немного другим, но манера, вне всякого сомнения, была Детена.

«Странное и необычное животное, намного умнее моего собственного», продолжил голос.

Почти ожидая почувствовать, как меч пронзает его, Шадрак медленно повернулся на коленях. Как и всегда, Детен был одет в чёрные одежды. Его лицо было по-прежнему ястребиным, во многом похожим на его последнее воплощение, а глаза были такими же зловещими. Он отращивал волосы, у него была борода Van Dyke, аккуратно подстриженная, по сравнению с непослушной бородой Шадрара. На боку у Детена враждебно пульсировал Лишающий жизни, но выражение лица Детена было мягче, почти любящим.

Когда он повернулся, несколько солдат Чёрной Гвардии приблизились к Шадрару, но Детен подал им знак отойти. Они немедленно подчинились. Детен протянул огромную руку в направлении ронина.

«Я могу стоять», сказал Шадрак. Он поднялся, покачиваясь, проигнорировав предложенную руку.

Детен улыбнулся. «Прошло много времени, брат».

«Мы не были братьями на протяжении тысяч лет, Детен. Ты мне не друг».

Голос Шадрара был грустным. Сила постепенно возвращалась в его тело, и он знал, что она ему понадобится. Тем или иным способом он должен избежать этой ситуации.

Несколько мгновений двое мужчин пристально смотрели друг другу в глаза. Взгляд Детена был глубоким и грозным, но Шадрак не отвёл глаз. Его собственный взгляд был стального серого цвета, жёсткий и скрытный.

«Мы похожи больше, чем ты думаешь, Малак», сказал Детен.

«Когда-то мы были близнецами во плоти, и мы всегда будем оставаться близнецами по духу. Мы оба много страдали не по своей вине. И мы оба лишились женщин, которых любили».

Шадрак не смог скрыть своего удивления. Это не было похоже на Детена, эмоционально открываться перед кем-либо, и было очевидно, что это жест доверия. Это была попытка сделать первый шаг к примирению, как во времена Небесной Башни так много лет назад. Шадрак было жутко столкнуться с подобным фантомом из своего далёкого прошлого.

Между ними так долго была противоборство, а теперь они вели цивилизованный, культурный разговор.

«Ни один из нас не остался таким, как был когда-то, Детен», сказал он. Ты очень изменился с тех пор, как я знал тебя, как брата, а Галана, как нашего отца. А я даже больше не владею душой».

В выражении Детена появился проблеск симпатии, пока он слушал.

«Мы оба страдали», подтвердил он. «Но только один отвечает за эту ужасную неразбериху, и это Кронзон. Он повелевает всем, что находится под Бездной, провоцируя везде боль и печаль. Есть только одно решение. Он должен быть полностью уничтожен!» На мгновение в глазах Детена промелькнуло сильное желание.

Шадрак стоял идеально ровно, на его лице было смятение. Хотя в его разуме поднялись сомнения. Он снова почувствовал почти неуловимую, но несомненную связь между собой и своим братом - они всё ещё были родственниками.

«Присоединяйся ко мне, Малак! Вместе мы сможем впустить силу Лилит на этот план. Она прорвётся в Иесод, и бурная битва с Gabriel уничтожит Сефиру. Последующий дисбаланс уничтожит Древо Жизни, положив конец Вселенной, какой мы её знаем! Только более высокий план бесформенности уцелеет!»

Шадрак нахмурился. «Ты думаешь, что смерть - это решение наших проблем? Лилит склонила тебя к этому».

«Малак!» Голос Детена стал возбуждённым, и почти умоляющим. «Разве мы не бессмертны?! Человеческая раса возродится на более высоких планах, высоко над разрушенным царством Кронзона! Это может быть план Лилит, но я не испытываю к ней преданности. Цель - единственное, что меня интересует!»

Два брата долго смотрели друг на друга, пока Шадрак обдумывал слова своего близнеца. Детен увидел, что он прошёл сквозь ментальную защиту Шадрака, но сказать больше было нечего. Шадрак просто должен принять решение.

«Малак?» произнёс через некоторое время Детен.

Ронин посмотрел вверх, и с грустью покачал головой. «Меня зовут Шадрак».

Он поднял руки, и вокруг него появилась ослепляющая вспышка света. Детен и солдаты были вынуждены прикрыть глаза. Через несколько секунд, когда остаточный образ прошёл, Шадрак исчез.

«Поймать его!» яростно проговорил Детен, кипя от злости. «И он нужен мне живой!»

Пятеро стражников с обнажёнными мечами побежали в лес в разных направлениях. Детен мгновение стоял без движения с закрытыми глазами. Внутренним зрением он искал Шадрака. Через несколько секунд он нашёл свою цель. Он перепрыгнул через ручей и начал бежать.

Он знал, что один из Чёрных Стражников побежал в том же направлении, и, поэтому, мог задержать его брата.

Детен был поражён жизненной силой Шадрака. У реки было очевидно, что он был не в лучшем состоянии, но, однако, он почти сбежал от своих преследователей. Очевидно, его брат прошёл какое-то обучение.

Детен заставил себя снова увеличить скорость, когда впереди раздался крик. Он подумал, что Шадрак упал, но через несколько секунд он подошёл к телу Чёрного Стражника. Проходя мимо него, Детен замедлил ход, увидев, что человек был убит ударом меча, нанесённым с некоторой высоты. Его глаза подозрительно сузились, и, продвигаясь бегом, он осмотрел деревья на наличие скрытых врагов; это была работа не Шадрака. Поблизости он услышал звук лошадиных копыт, но растительность была слишком густой, чтобы что-то увидеть.

Через минуту он получил чёткий образ Шадрака и среагировал немедленно. Он сформировал сильный взрыв астральной энергии и выбросил огонь. Шадрак был сбит с ног волной, и, оглушённый, упал в листву лицом вниз. Его меч от удара выпал из руки, приземлившись на некотором расстоянии в стороне.

Детен быстро преодолел последние пятьдесят ярдов; приблизившись, он вытащил свой меч. Вдруг он остановился, когда перед ним появился огромный белый жеребец, бьющий копытами. Детен упал назад, пытаясь избежать смертельных ударов. Через несколько секунд он поднялся, его зрачки сузились.

Кассиус спешил и опустился на колени перед лежащим телом Шадрака. Детен приблизился и навис над ним своей огромной, устрашающей фигурой.

«За это ты умрёшь», сказал он. Он выпустил жуткий взрыв астральной энергии. Энергия отразилась от ауры Кассиуса, опалив деревья в большом радиусе.

Детен поражённо уставился. Он снова выстрелил молниеносным взрывом, и увидел тот же эффект. Дерево за Кассиусом от взрыва почти раскололось на две части.

«Что ты за демон?» спросил Детен.

«Я - простой воин, Детен, ничего больше».

Глаза Детена расширились, когда он услышал своё имя. «Отойди в сторону, незнакомец. Это моя добыча», сказал он угрожающим голосом. «Ты можешь отразить мои чары, но противостоять моему мечу будет сложнее».

Кассиус выпрямился, и повернулся к нему лицом.

«Я - Кассиус Хоукин из Софии. Я не хочу драться с тобой, но Шадрак пойдёт со мной».

Детен криво улыбнулся. «Твои желания не имеют значения. Очевидно, ты человек чести. Ты знаком с iai?»

На лице Кассиуса появилась кривая, бессильная улыбка. «Лучше, чем ты думаешь. Честь, первая кровь или...»

«Смерть», прервал Детен. «Мы боремся до смерти».

Кассиус кивнул. «Это излишне, но если ты желаешь».

iaі - это была самурайская традиция, хотя Детен об этом не знал. Два противника становились на колени лицом друг к другу, и любой из них мог вытащить katana и атаковать. Защищающийся пытался отразить удар, а затем атаковал в ответ. Исторически использовалось для разрешения споров или ссор между самураями.

Двое мужчин склонили колени, руки они держали по бокам. Их глаза сцепились в состязании воли. Для Кассиуса это подтверждало истории о силе чёрного мага. Чёрный взор Детена искал способ поймать его в ловушку, гипнотизируя его, как кобра, готовящаяся нанести удар. Кассиус ощущал, как его эмоции уплывают прочь; его бледно-голубые глаза стали спокойными и бесстрастными, нетронутыми натиском силы, пытающейся поглотить его.

Несколько минут никто не двигался. Полуденное солнце лениво двигалось по небу, без конца слышалось беззаботное пение птиц. Серые белки прыгали по ветвям деревьев, возбуждённо стрекоча. Они чувствовали напряжение, растущее между коленопреклонёнными воинами.

В нескольких ярдах от них Шадрак пытался приподняться, чтобы рассмотреть, что происходит. Он был дезориентирован и сбит с толку после потери сознания. Он не видел, как появился Кассиус, но теперь он лежал и в страхе наблюдал за происходящим. В этом было что-то невероятно знакомое: его стиль и манеры были безошибочны. Он также был одет в harataki, форму самурайских доспехов, а мечи он носил, как пару daisho. Шадрак не посмел бы вмешаться в iaі. Это был священный ритуал, и, как самурай, он должен его уважать.

Для двух дуэлянтов, вооружённых мечами, существовала только ментальная битва. Она усиливалась и приближалась к переломной точке. Белки замолчали, уверенные, что один из мужчин сейчас будет атаковать. Они оказались правы.

С невероятной скоростью Детен сжал рукоятку Лишающего жизни, и вытащил его. Атака была направлена по диагонали в плечо Кассиуса, её силы было достаточно, чтобы разрубить его до левого бедра. Кассиус отреагировал инстинктивно. В одно мгновение он вытащил свой клинок и отразил атаку. Не останавливаясь, его лезвие разрезало живот Детена.

Его глаза, полные неверия в происходящее, расширились, Детен ожидал появления мучительной боли. Но почувствовал только жжение. Смутившись, он понял, что Кассиус всего лишь разрезал его кожу, как было предписано законом. Вынутая из ножен katana должна быть обогрета кровью. Это была идеальная counter-attack.

«Это было очень, очень глупо», сказал Детен голосом, дрожащим от сдерживаемого гнева. «Это была смертельная дуэль. Ты оскорбил честь соглашения».

Он поднялся и занял атакующую позицию, держа Лишающего жизни горизонтально над головой, другая рука была вытянута вперёд для противовеса. Кассиус встал и спокойно занял позу для нейтрализации его положения, меч был поднят в готовности.

«У меня не было намерения унизить тебя или iaі, и у меня не было намерения проигрывать», сказал он спокойным голосом. «Продолжишь, и я буду вынужден защищаться». Он сделал паузу. «Ты же не хочешь, чтобы мне пришлось это делать».

Детен зарычал и начал действовать, агрессивно атакуя. Лишающий жизни разрубил воздух, жадно ища вкуса плоти. Кассиус вынужден был отойти назад, с силой отразив удар. Но он менял свою тактику, двигаясь от линейных передвижений к круговым, и снова назад.

Ужасные удары Детена сыпались дождём с невероятной силой. Хотя Кассиус двигался, чтобы использовать для отражения атак минимум силы. Детен приходил во всё большую ярость; он начал выходить переоценивать свои атаки и оставлять значительные дыры в своей защите. Кассиус двигался, как трава при урагане, сгибаясь в разные стороны, но не подвергаясь реальной опасности.

Чрезмерные эмоции Детена, непривыкшего драться со злостью, привели его к нарушению концентрации. Кассиус с силой атаковал на скорости. Удивлённый и застигнутый в несбалансированном состоянии, Детен, отброшенный назад, боролся за свою жизнь. От обоих мечей отлетали искры от силы ударов.

Внезапно исход битвы был решён, когда Кассиус развернулся к Детену, готовый нанести смертельный удар. Тёмный маг блокировал удар, и раздался громкий треск раздробленного лезвия меча Кассиуса, побеждённого сущностью Лишающего жизни. Кассиус стоял, поражённо рассматривая сломанное лезвие.

«Дух самурая», пробормотал он. «Сломлен».

Детен на мгновение остановился, и их глаза сцепились. Кассиус ждал смертельного удара, но, казалось, Детен спорил сам с собой, смущённый внутренним конфликтом. Он опустил Лишающего жизни, отчего тот жалобно заскулил.

«Ты - благородный противник, Кассиус Хоукин», сказал он рассудительно. «Ты одержал верх. Я не воспользуюсь преимуществом из-за твоей неудачи. Я признаю поражение». Он официально поклонился.

Он взглянул на Шадрака, его глаза вспыхнули.

«Я вернусь за тобой, брат», сказал он, прежде чем снова посмотрел в глаза Кассиусу. «И тогда меня будет не так легко остановить».

Он опустил в ножны недовольного Лишающего жизни, затем

повернулся и пошёл в направлении древесного поселения. Он быстро скрылся за деревьями.

Кассиус едва обратил внимание на отступление противника. Он пристально смотрел на расколотое лезвие своего меча. Это оружие существовало больше десяти поколений и теперь оно было уничтожено. По его лицу потекли слёзы при мысли об оскорблении, которое он нанёс имени Хоукин.

Он повернулся, когда Шадрок осторожно приблизился к нему.

«Тысячелетняя история», произнёс Кассиус неуверенно.

Шадрок с сочувствием кивнул и вытянул свой меч.

«Тогда позволь мне предложить тебе это, как ты когда-то предложил это мне. Мой собственный меч, Меч возмездия, всё ещё лежит в Небесной Башне. Этот меч был выкован отцом Yorgie Saito, самым лучшим мастером в Ниппоне. Ты же помнишь, Ййзасу?»

Кассиус изумлённо смотрел. «Ты знаешь?»

Шадрок кивнул, в глазах появились слёзы. «Рад тебя видеть, отец».

Двое мужчин молча обнялись; не было необходимости говорить что-то ещё.

Эния

«Сила с состраданием,
Честь с благородством,
Твёрдая цель с гармоничным равновесием,
Достоинство со скромностью.
Тамплиер должен сочетать все эти качества».

- Принц Кассиус Хоукин



Зачарованный Лес

26

На краю Зачарованного Леса Шадрок помогал Кассиусу сгрузить вязанку собранных ими дров для костра. Солнце недавно скрылось за горизонтом, и температура воздуха уже начала падать.

У них было мало времени поговорить с момента своего воссоединения. Большая группа солдат Чёрной Гвардии заставила их скакать без усталости весь день, что потребовало от Кассиуса большой концентрации. Его белый жеребец замечательно справился, быстро и грациозно петляя среди гигантских золотистых деревьев.

«Разжечь огонь будет безопасно?» спросил Шадрок, беспокоясь, что это привлечёт к ним врага.

Кассиус кивнул и сел на землю.

«Мы оставили позади больше пятидесяти миль. Они не увидят маленький лагерь с такого расстояния, а дым в темноте не будет замечен». Шадрок устало кивнул и сел на другой стороне сваленных в кучу дров. Рядом с ним лежала и беспокойно спала Баст. Это волновало Шаद्रака; он не помнил, чтобы Баст раньше так спала. Он заметил раны от когтей, покрывавшие её грудь и спину, и гадал, не повлияли ли они на неё.

«Не мог бы ты для меня зажечь костёр?» попросил Кассиус.

Шадрок нахмурился, удивлённый просьбой. «У тебя есть трут и кремь?»

Кассиус кивнул. «Есть, но я подумал, что они тебе не понадобятся».

«А!». Шадрок вытянул руки в направлении древесины. Появился пламя.

«Ты, наверняка, тоже умеешь это делать?» спросил он. «Сосредоточенный разум и хорошая визуализация дают простой эффект».

Кассиус покачал головой. «Искусство Магии для меня навсегда

под запретом. В своей предыдущей жизни я был самураем, и именно по этой причине магия для меня запрещена. Но я объясню тебе всё это позже. Прежде всего, ты должен рассказать мне, что произошло с момента нашего расставания».

Воспоминание о самоубийстве Танаки висело в воздухе между ними, и на лице Шадрака появилась боль. Он пристально всматривался в огонь, будто в нём были ответы, которые он искал. Внутри него была глубокая, мучительная вина. Он убил больше пятидесяти человек, и всё ещё не мог контролировать демона внутри себя. Если он признается в этом Кассиусу, не отречётся ли тот от Шадрака, как когда-то поступил Танака в Киото? Но Шадрак знал, что мог говорить лишь правду - всё остальное только усугубит его позор.

Огонь уже хорошо разгорелся, распространяя своё жёлтое тепло на достаточном расстоянии вокруг них. Луна через два дня после полнолуния висела над горизонтом, как всеведущее опаловое око; её низкое расположение усиливало атмосферу, делая её зловещей и устрашающей. Шадрак начал говорить, он, будто, заново переживал рассказываемую историю.

«После того, как демон овладел мной в Киото, моё тело осталось разбитым, а мой разум бессвязным и раздробленным. Я смутно помню, как пересёк большое море в лодке с Эканаром. Всё из того периода кажется очень нереальным и неопределённым. Я не был по-настоящему в сознании.

Эканар привёз меня в Храм Жёлтых Адептов в Саксонии, далеко от Азийского континента. Там меня, физически и психологически, исцелял Галан в своём воплощении до того, как он стал Магом Энии».

Кассиус выглядел поражённым. «Да, конечно, я слышал о Галане. Кто же о нём не слышал? В Энии Мага больше нет, а Галана почитают, как последнего Мага».

«Кажется очень странным, что меня привезли именно к Галану», сказал Шадрак. «Почти невероятно. Хотя здесь я снова с тобой, отец. Моя вера в существование случайностей никогда уже не будет такой же».

Кассиус кивнул в знак согласия. «Мне кажется, что, хоть мы и обладаем, в некоторой степени, свободной волей, мало что в нашей судьбе не спланировано. Но продолжай. Галан помог исцелить тебя?»

Некоторые из лесных обитателей, в основном белки, продвигались ближе, чтобы насладиться теплом, идущим от огня. Приближаясь, они с подозрением смотрели на двоих людей, их увеличивающееся количество придавало им смелости.

«Да, почти в течение года Галан научил меня, как восстановить контроль над собой и стряхнуть охватившую меня апатию. Очень постепенно он научил меня противостоять силе Лилит, и меньше бояться её. В

ответ я обучал его боевым искусствам, которые ты мне показал».

Глаза обоих мужчин встретились над мерцающим пламенем костра. Кассиус нахмурился.

«История утверждает, что Галан был первым, кто познакомил Энию с боевыми искусствами и Восточной философией через двух своих сыновей, Малака и Детена», сказал он. «Ты утверждаешь, что его знания и умения изначально пришли от меня?»

Шадрак улыбнулся, обрадованный тем, что был ещё кто-то, кому он может рассказать об этом невероятном парадоксе.

«Так значит, ты научил его budo-kai, чтобы он смог затем научить тебя в твоей прошлой жизни, которая будет его следующей жизнью!»

«Именно так», сказал Шадрак.

«А теперь я здесь, через тысячу лет, и я - источник всего этого!» Кассиус хрипло рассмеялся, казалось, что его горло не привыкло издавать подобные звуки. «Теперь я вижу, как сложно я запутан в этой кармической связи между тобой и твоим братом. Сегодня, когда я дрался с ним, он использовал боевые искусства, которые изначально исходили от меня».

«Он был в невыгодном положении», согласился Шадрак, видя свойственное ему чувство юмора.

Теперь белки в большом количестве собрались вокруг огня, уверенные, что воины не причинят им вреда. Эти создания были достаточно нахальными: одна из них запрыгнула к Шадраку на колени и в качестве компенсации предложила наполовину съеденный орех. Шадрак подарок отклонил, но нежно пощекотал зверьку за ушами. Белке это чрезвычайно понравилось и она начала тереться головой о его руку.

«И как же ты вернулся в Энию?» спросил Кассиус. «Это, наверняка, непростая задача?»

Шадрак пожал плечами, продолжая поглаживать белку. «Вообще-то, это было достаточно просто. Как сказал Галан, это произошло благодаря Лине. Она зарядила Талисман, давший мне силу вернуться. Но перенесли меня колдовские камни. Они очень похожи на те камни, среди которых ты нашёл меня ребёнком».

Кассиус покачал головой. «Шадрак, я всё ещё считаю тебя своим сыном, но ты должен понять, что это событие среди камней для меня произошло очень давно. Для тебя, возможно, прошло всего лет пятнадцать, но я с тех пор прожил целую жизнь, как Кассиус Хоукин. Эти воспоминания для меня не такие свежие, как для тебя».

«Я понимаю», сказал Шадрак, чувствуя в его голосе лёгкий упрёк.

«Пойми меня правильно», сказал Кассиус. Мой жизненный опыт, как Ийеасу Танаки, привёл к тому, кто я есть сегодня, даже несмотря на то, что мои ошибки были более важными, чем мои достижения».

«Ошибки болезненны», тихо произнёс Шадрак, а затем добавил: «Отец, я должен сказать тебе. Я почти не имею контроля над демоном, который владеет мной. Как и в Киото, я не могу избежать насилия, если меня спровоцируют».

Он задержал дыхание, ожидая холодного осуждения. Но Кассиус пристально смотрел в огонь. Некоторое время он ничего не говорил.

Наконец он произнёс: «Ты понимаешь, что я сегодня сделал?»

«Отец?» Шадрак был застигнут врасплох резкой сменой темы разговора.

Две белки забрались на колени к Кассиусу, ища его благосклонности. Однако взгляд воина был отстранённым, и казалось, что он не замечает присутствия зверьков.

«Я дрался с Детеном», сказал он. «И, хотя я не был готов убить его, потому что именно ты должен в конце встретиться с ним лицом к лицу, была вероятность того, что это могло произойти. Это совсем не похоже на Ийеасу Танаку, которого ты знал, согласен?»

Шок от произошедшего ранее события поразил Шадрака - в Ниппоне его отец всегда хранил мирную клятву.

«Видишь ли, моя жизнь, как Танаки, была полна крайностей. В молодости я был заносчив, агрессивен и несносен. Как ты знаешь, в жизни нужно вести себя не так. Но в поздние годы, когда я вырастил тебя, я был полон сострадания и стал сторонником пацифизма. Моя смерть была не актом чести, как я думал, а была проявлением малодушия, хотя я и не чувствовал страха.

Шадрак смотрел на Кассиуса глазами, полными абсолютного неверия.

«Hara-kari - это ужасно неправильно», продолжал старый воин. «Я должен был отчаянно бороться за свою жизнь в тот день, ибо я не поступал неправильно. Вместе мы могли бы победить людей Сёгуна и предотвратить последующую трагедию.

Хотя я ошибался, когда был агрессивен, но пацифизм также может быть опасен. Если мы не боремся против зла и за то, что, как мы чувствуем, правильно, то мы являемся частью этого зла. Пацифизм - это неправильно, Шадрак. Это неправильно.

И я был не прав, что отрёкся от тебя. Я был ужасно неправ. Более сорока лет я нёс в себе стыд об этом секрете. Именно я предал тебя, и не иначе, как я когда-то думал. Но в своей самоуверенности я не мог видеть тебя».

Кассиус попытался моргнуть, чтобы скрыть слёзы, как он пытался держать себя в руках на протяжении всей жизни, скрывая внутри чувство стыда. Они стекали по его лицу, свет огня отражался в них, как в полупрозрачном янтаре.

Шадрак не обращал на него внимания.

Пацифизм - это неправильно.

Ему следовало слушать Галана - Magister Templi пытался предупредить его. Пацифизм - это неправильно, повторял он, но эта фраза для него не имела никакого смысла. После того, что он так долго верил в обратное, он едва ли мог понять значение этой фразы.

«Я надеюсь, что ты сможешь простить меня, Шадрак», сказал Кассиус.

Шадрак едва слышал его, потерянный в своих собственных мыслях. Кассиус стал ещё более огорчённым. У него, вдруг, пропало желание продолжать разговор.

«Поспи немного, Шадрак», сказал он. «Я четыре часа буду нести первый дозор. Затем я тебя разбужу. Нам нужно выехать рано утром. У нас впереди долгий путь, а Лина очень захочет тебя увидеть, когда мы приедем в Софию».

Шадрак лёг, как на автомате, его глаза затуманились. Он лежал на боку и смотрел на огонь. Его охватила невероятная тревога. Теперь, когда воссоединение с Линой стало неизбежным, он был напуган до мозга костей. Он так долго искал этой встречи, а теперь сделал бы что угодно, чтобы её избежать.



Йихана бросила толстое тело Бала и, сильно кашляя, упала рядом с ним. Впереди лежал Храм Жёлтой Школы, его огни были скрыты с помощью магии от тех, кто может его искать.

Йихана дрожала, плотно собрав одежду. Лицо Бала было смертельно бледным, и она знала, что у него осталось мало времени. Кинжал пронзил его левую почку и он потерял очень много крови. Она не могла использовать свою сверхъестественную силу, чтобы исцелить его, - она была истощена, таща его с помощью магии через лес. Кроме того, она не была целителем. Только Филипп сможет вылечить такую серьёзную травму.

К этому времени Восхождение должно уже идти полным ходом. Богиня Маат выберет следующего Мастера Жёлтой Школы, и Филипп будет участвовать в священном ритуале.

Чёрт бы его побрал, горько подумала Йихана. Его драгоценный ритуал будет вторым после Бала.

Она подняла тело Чёрного Адепта на плечи. Её магия была почти израсходована, но близость святилища давала ей окончательный толчок, который был ей необходим, чтобы двигаться вперёд.

Почему-то теперь Бал значил для неё намного больше. Когда-то она потеряла голову от любви к нему, ей нравилось то, как он её использовал, потому что она уважала силу и надменность. Но тот факт, что он

напоролся на кинжал, спасая её жизнь, показал его в совершенно другом свете. Она никогда бы не смогла представить, что можно так поступить ради кого-то, и её поразило, что Бал сделал это для неё. Она едва верила в это, но ей определённо нравилось чувство, которое это у неё вызвало. Бал спас её, потому что у него были к ней чувства, а не потому, что она была полезна. Она скривилась, передвинув его вес на плечо; она ни за что не позволит ему сейчас умереть.

Позади Йиханы шёл, спотыкаясь, Мендас, почти догнавший свою добычу. Он тёр глаза, всё ещё страдая от раздвоенного зрения.



СВЯТИЛИЩЕ ЖЁЛТОЙ ШКОЛЫ

Главный зал Храма сотрясся от пения, старшие Жёлтые Адепты сосредоточились на статуе Маат в центре комнаты. Статуя, когда-то безжизненно серебряная, теперь блестела жёлтой аурой. Её глаза, когда-то окрашенные и мёртвые, начали сверкать с пугающей разумностью.

Филипп стоял перед статуей, в круге из сорока двух поющих Адептов, склонивших вокруг него колени.

«Призываем к нам богиню Маат», произнёс он нараспев, в его голосе слышалась особенная власть. «Дочь могущественного Ра, супруга мудрого Тота, обладающая силой Равновесия. Почтенная покровительница нашей Школы, появись среди нас и сообщи нам о своей Воле».

Пение усилилось, каждый Адепт использовал визуализацию для преобразования статуи в средство передвижения, подходящее для появления богини. В воздухе сверкали сигилы, когда Филипп водил своей палочкой из лотоса.

«Богиня МААТ, ты, которая является Божественным Порядком в нашей вселенной, Слово Всего Сущего. Взвесь наши сердца против твоего пера, и ты найдёшь их достойными! Появись здесь, перед нами, как мы появимся перед тобой после смерти в Зале Двойного Правосудия!»

Кожа богини начала излучать золотистый цвет, она обрела жизнь. Её грудь задвигалась, когда она начала дышать. Она посмотрела на Филиппа, её чёрные глаза были глубже бесконечности. Круг Адептов склонился в знак уважения, когда приводящая в трепет сила её ауры заструилась над ними.

Филипп опустился на одно колено.

«Ты, кто является Маат для Египтян и Фемиды для Греков, Жёлтый Совет приветствует тебя и благодарит за твоё присутствие!»

Лицо богини было красиво холодной, бесстрастной красотой, его выражение было невероятно спокойным.

«Ты позвал и я пришла, ибо так было с начала времён».

«Богиня, избрала ли ты достойного преемника нашего покойного

Мастера, чьё сердце мы недавно завещали тебе, чтобы оно было взвешено?»

Маат вытянула правую руку. В ней появилось блестящее чисто белое перо.

«Мой выбор сделан. Как только это перо будет принято из моей руки, слово нового Мастера станет моим законом. Только новый Мастер может коснуться его».

«Да будет такова твоя Воля», согласились Адепты из круга.

Маат стала неподвижна, она устремила свой взор на дверь в зал, будто ожидая чего-то, что должно произойти. Филип нахмурился, внезапно почувствовав нехарактерную нервозность. Он ждал, уверенный, что богиня выберет кого-то из круга. Но Маат в ожидании пристально смотрела на дверь.

Вдруг в дверях упала Йихана, бросив Бала на пол. Все в комнате, как один, повернулись к ней. Глаза Йиханы наполнились ненавистью, когда никто не двинулся, чтобы помочь ей. Она перевела дыхание и подняла тело Бала. Она, шатаясь, вошла в круг, снова падая перед Филиппом.

В её глазах появилась тревога, когда она вдруг заметила богиню. Выражение лица Маат не изменилось. Она пристально смотрела на Йихану.

«Что ты делаешь?» прошипел возмущённый Филипп. Это был первый неконтролируемый эмоциональный отклик, который Йихана когда-либо видела от него.

«Он умирает», сказала Йихана. «Ты должен исцелить его. Быстро, или он не выживет!»

«В чём дело? Убирайся отсюда, и заberi этого подонка с собой!» Филипп закипел, едва сдерживаясь.

«Сделай то, о чём она просит», голос Маат рассёк зал.

«Богиня?» Филипп не мог поверить в то, о чём его просили.

«Исцели знатока путилевой Руки».

Филипп смущённо поклонился. Он знал, что ритуал будет необычным, о чём он был заранее предупреждён, но он не ожидал такого непредсказуемого поведения, особенно от самой богини.

Он положил руки на грудь Бала и начал направлять энергию вниз от верхней чакры. Воздух вокруг его пальцев искрился, кровотечение Бала замедлилось. Филип проворчал, напрягаясь, чтобы вызвать достаточно энергии: Бал был на грани смерти. Медленно аура Чёрного Адепта становилась ярче.

«Я не могу продолжать», проворчал Филип. «Он слишком тяжело ранен».

«Ты должен!» сказала Йихана, хватая его руки и кладя их на грудь Бала. Их глаза сцепились над телом Бала в состязании воли. Богиня бесстрастно наблюдала, как глаза Чёрного Адепта задрожали и

открылись.

Вдруг в комнату ворвался Мендас; он медленно осмотрелся вокруг, его глаза всё ещё видели раздвоенную картинку.

«Остановите его!» в панике закричала Йихана.

Смущённые Адепты повернулись к богине. Маат стояла, не двигаясь, перо Стремления к Лидерству всё ещё было в её руке.

«Злобная стерва!» крикнул Мендас. Он со все силы бросил кинжал, падая вниз на лицо. Йихана могла лишь поражённо наблюдать: у неё больше не осталось магии для отражения лезвия.

Оно просвистело мимо её головы, будто замедлив ход, и похоронив себя в сердце Филипа. Филипп вскрикнул и упал назад.

Потрясённые до глубины души, два Жёлтых Адепта разорвали круг, чтобы схватить Мендаса, используя магию для его задержания. Он не сопротивлялся, когда понял, что промахнулся. Адепты начали оттащить его прочь.

«Однажды я стану твоей смертью, стерва!» крикнул он.

Йихана смотрела на Филипа. Она так долго его ненавидела, но она почувствовала боль раскаяния, когда он оказался на последнем издыхании. Она поражённо посмотрела вверх, Маат прошла вперёд и вытянула руку с пером.

«Мне?» сердце Йиханы забилося при мысли о силе, которая была в руке богини.

Она быстро потянулась к перу, хватая его. Её рука прошла прямо сквозь него. Она зло выругалась, думая, что Маат обманула её. Но богиня осталась в том же положении, с вытянутым пером.

Бал медленно вытянул руку. Его ладонь дрожала от слабости. Йихана и Адепты зачарованно смотрели на то, как его пальцы сомкнулись вокруг пера. Его рука засияла, свет расширился, обняв его тело, а затем исчез. Сразу же после этого тело богини затвердело, снова превратившись в статую.

Все изумлённо смотрели. Бал слабо усмехнулся, вспомнив пророчество Уорлока.

Похоже, в конце концов, ты будешь управлять одной из магических школ.

Он улыбнулся, снова впадая в бессознательное состояние. Жёлтые Адепты сидели ошарашенные. Один из них бросился помочь Филипу. Филипп отвергнул слабые попытки исцеления, и схватил руку Адепта.

«Маат высказалась», прохрипел он. «Известите другие святилища о том, что у нас появился новый Мастер».

Он вздрогнул и обмяк, с его рта стекала слюна. Озадаченная собственной грустью, Йихана потянулась к нему и закрыла его безжизненные глаза.

*Повернись лицом к солнцу, и позади тебя
упадут тени.*

Эния

- поговорка Маори



Город София

27

Лина любовно поглаживала шею своего жеребца, восхищаясь его блестящей шкурой. Хотя она не знала его настоящего имени, она тайно назвала лошадь Вороном, в честь жеребца, который был у неё когда-то давно.

Лошадь с благодарностью принимала её знаки внимания, которые были редкостью в королевских конюшнях, несмотря на то, что за животными хорошо ухаживали. Лина всегда нежно любила животных и не имела проблем в обращении с ними, хотя она никогда не обладала уникальной умением Малака сопереживать.

У Лины было несколько дней на то, чтобы вернуться мысленно назад, и теперь она чётко помнила последние дни, проведённые ею с Малаком. Воспоминания были яркими и радостными, полными живых красок. В её памяти они оба, она и Малак, казались избалованными; они также были невероятно наивными. Оба были слишком замкнуты на себе и друг в друге, чтобы обращать внимание на мир в полном объёме, не замечая того, как он в них нуждался, и они заплатили большую цену. Она гадала о том, сможет ли она когда-нибудь снова ощутить радость, и сможет ли она снова почувствовать себя по-настоящему счастливой. В конце они оба доказали сами себе, что они достаточно смелы, но насколько мудрыми они были? Она пожертвовала собой, чтобы усмирить Лилит, чтобы не просто спасти план, но чтобы спасти и её мужа. Она возвращалась мысленно назад, и её действия почти казались ей эгоистичными. Она знала, что должна была исполнить этот акт - если бы это сделал Малак, она бы не смогла жить, оплакивая его, зная, что он существует в глубинах Клиппота. Почти наверняка она заключила бы с Лилит такое же соглашение, как и её муж.

Она не могла забыть ужасное, бесконечное время, проведённое

ею во владениях Лилит. Оно оставило на ней вечную и неописуемую отметину. Но теперь душа Малака была едина с этим отвратительным воплощением зла. Она страстно желала возвращения своего мужа. И хотя события прошлого не удивили её, его жертвоприношение ради неё тронуло её глубже, чем она могла выразить. Но, когда он вернётся к ней, сможет ли она вынести его прикосновение, зная о его душе? Каждый раз, когда он будет прикасаться к ней, демоническая сущность Лилит будет стремиться удержать её.

Прошло семь дней, как уехал Кассиус. Этого времени было достаточно, чтобы доскакать до Зачарованного леса и вернуться в Софию. Она щекотала чёрного, как смоль, жеребца за ухом. Она снова подумала о том, не следует ли поехать за Кассиусом, эта мысль преследовала её последние несколько дней, но она знала, что уже поздно. Чем дольше она ждала, тем больше она думала о том, хочет ли она ускорить свою встречу с Шадраком - даже его имя казалось ей чужим, а Кассиус понятия не имел, какие у него будут воспоминания о его жизни, как Малака.

Лина подняла взгляд, ощутив чьё-то присутствие в дверях. Она узнала Киру, капитана дворцовой гвардии. Кира всегда выделялась ярко-рыжими волосами и мальчишеским внешним видом; потенциально она была достаточно привлекательной, но её поведение было слишком мужским, чтобы это было заметно.

«Ты думаешь о своём муже», сказала Кира.

Лина пожала плечами. «Сложно думать о чём-то другом. Мы слишком долго были в разлуке».

«Мой отец привезёт его назад».

«Вы с Кассиусом не ладите, правда?»

Кира вздохнула. «Он очень верен своим привычкам. Но теперь, когда он рассказал о своём прошлом, и о своей связи с Шадраком, мы должны лучше понимать друг друга».

«Тебе следовало отпустить меня за мужем».

«Возможно, я не вижу вещи так, как мой отец, но я безгранично доверяю ему. Он справится. Он вернёт тебе мужа».

Пара замолчала. Лина начала натирать лошадь, а через некоторое время она снова заговорила.

«Кира, скажи, что Кассиус скрывает? Я заметила, что его аура устойчива к магии, и в Софии он такой не один. Те стражники, которые удерживали меня, тоже устойчивы».

«А ты сама его об этом не спрашивала?»

Лина пожала плечами. «Мы с твоим отцом пока не нашли общего языка».

Кира секунду пристально на неё смотрела, а потом кивнула. «Это часть плана Иешуа по борьбе с Чёрной Школой. После Призыва кроме Иешуа в живых не осталось ни одного Белого Адепта. Вместо того, чтобы

построить Белую Школу заново с Адептами, он решил построить её с солдатами. На протяжении веков он оттачивал организацию воинов, рыцарей, названных Тамплиерами».

«Как это относится к его устойчивости к магии?»

«Кассиус - лидер этих Рыцарей. Они как духовное братство, с очень чётким кодексом поведения. Они приносят присягу, чтобы быть допущенными и должны уцелеть в ужасных испытаниях. Все на Энии пользуются их мыслями и эмоциями, как магией, в некоторой степени, даже те, у кого нет таланта. Однако Рыцарям это запрещено. Но, сохраняя свои клятвы, они обретают особую силу, которая намного полезнее: устойчивость ко всем формам магии».

Лина кивнула. «В этом есть смысл. Иешуа был очень мудр, что создал Рыцарей. Они станут мощным оружием против Чёрной Школы».

В дверях конюшни появился стражник.

«Капитан, гонец только что доставил весть о возвращении принца. Шадрак с ним».

«Очень хорошо», сказала Кира, отпуская его.

Она повернулась к Лине. «Я же тебе сказал, что всё получится. Пришло время твоего воссоединения с мужем».

Лина нерешительно улыбнулась. Кира не пропустила опасения, появившегося в её глазах.



Был полдень, когда Кассиус и Шадрак въехали в Софию через главные ворота. Во дворец сразу же был отправлен гонец, чтобы сообщить об их прибытии.

Шадрак всё ещё был в синяках, болевших после недавних суровых испытаний; как и у него, алая мантия Кассиуса была изорвана, а его доспехи покрыты сажей. Несмотря на это, его люди сразу узнали его, когда он проехал мимо, у него за спиной сидел Шадрак. Ронин заметил их прохладную реакцию и это его позабавило - Ийзасу Танака никогда не был самым харизматичным человеком. Он всегда был очень закрытым. София впечатлила Шадрака. И хотя, по сравнению с городом Пренцлау на Теллусе, София остановилась в развитии, она, тем не менее, была намного больше любого города в Энии из Зона Сновидений. При этом, Кассиус сказал ему, что стены Софии едва ли простираются до окраины Горума, который стремительно завоёвывал статус столицы плана, отдавая предпочтение ему, а не Миоску.

Архитектура Софии была простой: крепкие квадратные здания в один-два этажа с широкими, просторными улицами и торговыми площадями. Здания были построены из блоков местной руды, кирпичи были сплавлены вместе, что делало поверхность идеально ровной. Руда была

красивого тёмно-зелёного цвета, с переходом в тёмно-синий в местах, подвергшихся влиянию природных явления. Общий эффект был эстетически ошеломляющий.

Ещё более изумительным, чем город, и легко различимым, как украшение Софии, был королевский дворец. Сверкающая пурпурная цитадель была очаровательна, с её мягко повёрнутыми сказочными остроконечными башнями и глубокими причудливыми оттенками. Шадрак обратил внимание на центральную колонну, и узнал её, как точную копию Небесной Башни. Во рту появилась горечь, ибо он знал, что его конечная цель лежит в настоящей Небесной Башне, бывшей когда-то центром силы Белой Школы. Теперь же это строение было продолжением владений Лилит, адом на земле. И именно там ему придётся, в конце концов, сойтись лицом к лицу с Архи-Демоном.

Когда Кассиус и Шадрак спешили, от дворца поспешили слуги. Кассиус благодарно хлопнул белого жеребца, прежде чем того увели. В течение трёх дней эта лошадь несла на себе двоих всадников, не жалуясь, и она полностью заслужила отдых.

Внутри дворца Кассиуса встретила Кира.

«Добро пожаловать назад, отец».

«Здравствуй, Кира. Как поживает город?»

Кира улыбнулась. «Он почти не заметил твоего отсутствия».

Кассиус раздражённо закатил глаза. «Я мог бы догадаться. Приятно быть нужным». Он повернулся, и показал на Шадрака. «Это Шадрак. Не могла бы ты устроить гостя в комнате с ванной. У него впереди важное свидание».

Кассиус криво улыбнулся. Шадрак сразу же смутился.

«Леди Лина...очень хочет встретиться с тобой, Лорд Малак» сказала Кира.

Кассиус понял неловкость ронина.

«Не нужно формальностей, Кира. Он предпочитает, чтобы его называли Шадрак. По крайней мере, сейчас. В конце концов, такое имя ему было дано».

Кира кивнула. «Тогда, пожалуйста, следуй за мной, Шадрак».



Шадрак тщательно мылся в течение почти часа, пытаясь занять себя и избежать непростых мыслей, заполнивших ему ум. Он обнаружил, что не может ослабить свою нервозность. Он не боялся битвы, и мало страшился смерти, кроме того, что это бросит его в смертельные объятия Лилит. Но он не мог прогнать свой страх при мысли о воссоединении с Линой.

Когда он обсох, его руки дрожали от предвкушения. И, хотя это

могло быть его воображением, его охватило плохое предчувствие. Что-то непременно пойдёт не так. Либо он будет сразу отвергнут, либо он поставит себя в дурацкое положение. Поистине, в нём были воспоминания и личность Малака, но что, если Лина ждёт своего мужа, человека, умершего тысячу лет назад? Он знал, что не сможет оправдать подобное ожидание.

Он также не мог себе представить, какой будет Лина, хотя он легко вспомнил её внешность. У него были видения о ней с самого раннего возраста, в отрывках снов. Сначала он думал о ней, как о своей матери, но до сегодняшнего дня его происхождение и настоящие родители оставались загадкой. Постепенно он понял, что его чувства были другими - хотя он жаждал встречи с ней, она не была его матерью. Она была его душевным другом, женой. И ничто не могло этого отнять, независимо от того, как долго они были разлучены. Хотя, ему было очень тревожно.

Он потёр лицо. Он решил сбрить бороду, и с гладко выбритым лицом он чувствовал себя странно.

Обсохнув, он направился в дворцовую спальню. На кровати для него была приготовлена выполненная в восточном стиле одежда наивысшего качества, сатиновые рубаха и брюки, очевидно, сшитые специально для него. Подобного стиля он не видел больше нигде в Энии. Он должен был признать, что тёмно-синяя одежда с серебристой отделкой ему понравились. В Ниппоне у него не было возможности носить такое пышное убранство - сильный холод и бедность жизни в Киото не позволяли этого делать.

Через пять минут после того, как он оделся, стук в дверь вывел его из задумчивости. Он вздохнул.

«Войдите».

Дверь открылась, и в комнату вошёл Кассиус. Он внимательно посмотрел на Шадрака взглядом, полным участия.

«Пора, сынок», сказал он.

Шадрак поднял глаза, и кивнул. После их разговора у костра несколько дней назад, отношения между ними стали натянутыми. Кассиус пытался обсудить с ним ситуацию, но Шадрак, хоть и не грубо, но дал понять, что не хочет разговаривать. Кассиус много лет боялся именно этого, но, по крайней мере, это не было прямым отказом.

«Ты готов?» спросил Кассиус.

Шадрак пожал плечами и встал. «Полагаю, как буду готов всегда».

Кассиус обнадёживающе сжал его плечо.

«Пойдём. Я отведу тебя к ней», сказал он. «Поверь мне, она нервничает так же, как и ты, но она очень хорошо умеет это скрывать».

Старый воин вывел Шадрака из комнаты, и повёл его по коридо-

рам дворца, украшенным в восточном стиле. Голова ронина была низко опущена и, пока они шли, он пялился в пол. Мысленно он вспоминал время, проведённое с Линой, хотя с ней был не совсем он - это был призрак Малака, которым он одновременно был и не был. И снова он гадал, не будет ли Лина горько разочарована. Возможно, после всего у них не осталось ничего общего.

Двое мужчин поднялись по красивой мраморной лестнице, кружащейся к верхним этажам одной из бешен. Шадрок вдруг понял, что из-за нервозности он начал считать ступеньки, и заставил себя сосредоточиться, но каждая клеточка его существа убеждала его сбежать по лестнице, подальше от этой коварной, давящей опасности.

Они остановились на третьей лестничной площадке, и Кассиус повёл его к двум дверям из красного дерева, одна из которых была слегка приоткрыта.

Шадрок повернулся к Кассиусу, и воин кивнул.

«Она ждёт тебя», сказал он. «Я вернусь к своим обязанностям в зале заседаний. Приходи ко мне утром, расскажешь, как всё прошло».

Шадрок попытался доверительно улыбнуться, но улыбка застыла у него на губах. Несколько секунд он стоял, пока Кассиус не исчез из вида. Он нетерпеливо смотрел в направлении лестницы. Он прислушался, но из-за двери не было слышно ни звука. Вдохнув, он толкнул дверь и осторожно вошёл.

В комнате, очень похожей на его, - просторной и богато украшенной, - была кровать с пологом, на которой недавно спали, вокруг были разбросаны куски разной одежды. Это слегка успокоило Шадрок - по какой-то причине он знал, что Лина никогда не была сторонницей аккуратности.

Комната тускло освещалась белыми свечами, придающими ей домашний уют, в воздухе витал запах расплавленного воска, смешанный с неуловимым намёком на духи. Снаружи насколько часов назад стемнело, но небо было ясным и безоблачным. Лина стояла лицом к окну, её фигура была очерчена мерцающими звёздами.

Возле неё сидела Баст. Друг семьи мягко, удовлетворённо зарычала, увидев своих хозяина и хозяйку в одной комнате вместе после такой долгой разлуки. Она выбежала за дверь, оставив их одних.

Шадрок прошёл вперёд. Лина напряглась, ощутив его присутствие. Она повернулась, от чего её красивое вечернее платье зашуршало.

Увидев Лину, Шадрок перевёл дух. Она была абсолютно такой же, какой он её помнил, и даже ещё более великолепна. Её лицо, как всегда идеально уравновешенное, было обрамлено длинными чёрными волосами. Платье, сшитое для неё, заставило Шадрок опустить глаза на её безупречное пропорциональное тело. Большой вырез её чёрного платья почти обнажал высокую грудь, платье стекало вниз, подчёркивая

изгибы бёдер. Платье доставало до пола, на нём был глубокий разрез, достающий до её правого бедра.

«Здравствуй, Малак», сказала она.

Она двигалась, как кошка, остановившись всего в футах в стороне в центре комнаты. Их глаза встретились, и внезапно Шадрок охватила жгучая страсть. Зрачки Лины расширились, и он понял, что её реакция была такой же - во всяком случае, она была удовлетворена его физическим сходством с Малаком.

Глаза Лины очаровали Шадрок - глубокие, тёмно-карие, в них светилась её личность, непреклонная и сильная. Радужная оболочка была украшена крошечными прожилками золотого, отчего глаза её сверкали в тусклом освещении. Но, несмотря на очевидную физическую страсть, было заметно кое-что ещё - тревога. Шадрок не был уверен в том, приятно ли ему это или нет. Похоже, она тоже нервничала.

«Я...рад снова видеть тебя, Лина», сказал он, отчаянно пытаясь подобрать слова.

Лина подошла ещё ближе, так, что её тело почти коснулось его.

«Прошло очень много времени», сказала она.

Дыхание Шадрок стало неровным от силы его страсти, хотя они еще не соприкоснулись. Почти невольно, он протянул к ней ладонь. Лина улыбнулась, и протянула свою ладонь навстречу, их пальцы сцепились; они много раз держались вот так за руки.

От электрического прикосновения Лины по его телу прошла волна, от которой он содрогнулся. Чувство восторга мгновенно смыло все его дурные предчувствия, и он понял, что, вне всякого сомнения, он и эта женщина созданы друг для друга. Он любил её всеми фибрами своей души. Он чувствовал, что может утонуть в её глазах, которые пытались поглотить его своей глубиной и силой.

«Малак?» сказала Лина.

«Да?» произнёс Шадрок, судорожно глотая воздух. Ему казалось естественным отзываться на это имя, хотя оно было не его.

«Ты собираешься меня поцеловать, или как?»

Внезапно напряжение было сломлено. Он обнял её и наклонился вперёд, ища её губы. Она пылко ответила на его поцелуй, его язык ей в рот. Он закрыл глаза, у него закружилась голова от интенсивности чувств. Поглощённое таким мощным потоком любви, его сексуальное желание померкло. Хотя он глубоко любил Ийзасу и Галана, сейчас он впервые в этой жизни ощутил истинную любовь. Это воодушевляло. Но неожиданная сила эмоций ослабила его защиту. Она запустила что-то, дремлющее внутри него. Лина замерла в страхе, почувствовав внутри её мужа усиливающуюся сущность зла. Она яростно отпрянула, её глаза расширились от страха.

Будучи отброшенным назад, Шадрок зарычал, и в его глазах

появился тусклый красный злой свет. На мгновение показалось, что он сейчас нападёт, стремительно разорвав ей глотку. Затем Шадрок взял себя в руки и разочарованно закричал. Красное сияние ушло, и по его щекам потекли слёзы.

«Боже, прости...» пробормотал он. «Мне очень жаль...»

Лина немного пришла в себя и сделала шаг вперёд.

«Всё в порядке, Малак» нежно проговорила она. «Иди сюда...»

Она протянула руку, но в её глазах всё ещё был страх - она узнала сущность Лилит. Тряся головой, Шадрок отстранился от неё. Он знал, что не может остаться, не может никогда больше с ней видеться. Даже теперь он должен изо всех сил бороться со зверем, иначе он прорвётся сквозь его душу и разорвёт её на части. Он должен уехать из Софии.

С криком он развернулся и выбежал за дверь. Лина, со слезами на глазах, беспомощно наблюдала за ним.

Счастье – есть отношение разума, рождённое из простого решения быть счастливым, несмотря на все внешние обстоятельства. Счастье лежит не в вещах, и не во внешних достижениях. Это золотая середина нашей внутренней природы, скрытая под грязью внешних чувственных желаний.

- J. Donald Walters

Эния



Город София

28

Детен пробежал глазами по гигантским стенам Софии. Он вынужден был признать, что впечатлён защитными возможностями города. Стены, высокие и прочные, с бойницами, с которых можно было стрелять из метательных снарядов, были построены таким образом, чтобы сделать масштабирование и использование осадного оборудования почти невозможным. Там не было рва или канавы, но город был расположен на возвышенности, что затрудняло атаку. С него открывался внушительный вид на окружающие окрестности.

Рядом с ним лежали Калинда и еще четверо Чёрных Адептов.

«Я бы предпочёл Бала для этой миссии», сказал Детен.

Калинда криво улыбнулась. «Я же тебе сказала. Бал мёртв, и Мендас тоже. Они погибли, борясь друг с другом».

Детен пристально посмотрел на неё. Он мог «читать» большинство людей, но тысяча лет в обличье Уорлока многому научили Калинду. Он не смог бы сказать, лжёт она или нет. Он мог принять только то, что Мендас и Бал не вернулись, и что все солдаты повторили историю Калинды.

Ночь была ясной, а воздух пронзительный и свежий. Звёзды холодно сверкали в небесах, а луна, теперь тонкий ущербный полумесяц, отбрасывала свой резкий свет.

«Приближаемся, как договорились», приказал Детен. «Я не потерплю никаких ошибок. Я должен взять Малака живым. Мои приказы выполнять в точности».

Калинда ухмыльнулась. «Не понимаю, как ты можешь сомневаться во мне».

Детен нахмурился и пошёл в направлении Софии, растворяясь в воздухе. Калинда и Адепты поднялись и последовали за ним, используя

магию, чтобы набросить на себя полог невидимости.

Дворец был легко найден в центре города; его было видно почти отовсюду, лунный свет сиял на его поверхности. Чёрные Адепты легко пробрались через главный вход; даже глубокой ночью дворец был полон движения, и потому шум от их передвижения остался незамеченным.

Попав внутрь, Детен дал сигнал сбросить покров невидимости. Коридоры патрулировали многочисленные стражники, но Детен решил рискнуть - они использовали сложное хитрое прикрытие. Любому, кому не повезёт обнаружить их, придётся иметь с ними дело.

Своим внутренним зрением он искал Малака, но не мог найти ни единого следа своего брата; переход почти через весь план оказался тщетным. Через несколько минут он признал поражение, и начал искать сущность Кассиуса, так как в последний раз видел брата с этим воином.

Проследить за Кассиусом оказалось сложно, но он получил смутное ощущение воина. Это вызвало у Детена подозрение - для человека силы Кассиуса «подпись» должна была быть намного сильнее. Вероятно, эта проблема была связана с устойчивостью воина к магии.

Подавая знаки руками, он сообщал о своих намерениях остальным из группы. Они крались по коридорам, двигаясь медленно и осторожно. Через минуту впереди послышался звук шагов патрулирующих. Калинда совершила резкое движение запястьем, и Адепт плавно опустился вперёд. Раздался тихий, сдавленный крик, затем наступила тишина.

Детен злое улыбку. Дворцовое воинство было хорошо обучено, но с Чёрными Адептами они не могли сравниться.

За несколько минут они достигли двери в спальню Кассиуса. Детен шёл впереди, быстро приближаясь к двери. Двое стражников попытались им помешать. Первого он рассёк до пола с помощью Лишающего жизни. Второй попытался наброситься на него с длинным мечом, но он отразил удар, и схватил стражника за горло. Он дал Адептам знак штурмовать комнату.

«Он нужен мне живым», приказал он.

Адепты ворвались в спальню Кассиуса. В одно мгновение двое из них запрыгнули на кровать, чтобы схватить его. Кассиус тут же пронулся; он ударил локтем первого из нападавших, и перекатился, чтобы схватить katana. Второй атаковал, и Кассиус нанёс ему мечом удар в живот, выпустив кишки наружу.

«Стойте!» крикнула Калинда. Люди отскочили в стороны, когда она выпустила мощный взрыв астральной энергии, достаточный для того, чтобы сбить несколько человек.

Взрыв отразился и обогнул тело Кассиуса, лишь слегка его подтолкнув. Калинда была поражена.

Передний удар Кассиуса, mae-geri, отбросил её через всю комнату, а вспышка от его лезвия пронзила ещё одного Адепта.

«Остановитесь!» прорычал Детен с такой силой, что все сделали так, как он приказал, включая Кассиуса.

«Сдавайся, или этот человек умрёт!» сказал он.

Кассиус стоял в нерешительности. Детен крепко держал одного из дворцовых стражников за голову. Одно его движение будет фатальным для стражника.

«Сдавайся, и вы оба будете жить», сказал Детен. «Поверь мне. Я не нарушу данное слово».

Кассиус выдержал взгляд Детена; он знал, что Чёрный Мастер был смертельно серьёзен в своей угрозе. Кассиус медленно опустил меч. Калинда тут же направила в него свой меч, готовая пронзить его, если он шевельнётся.

«Чего ты хочешь, Детен?» спросил Кассиус голосом, полным горечи.

«Где мой брат?» спросил Детен.

«Не знаю», сказал Кассиус. «Он покинул дворец некоторое время назад, после встречи с Линой. Он сбежал в дикую местность».

Двое мужчин пристально смотрели друг на друга. Мгновение Детен был подозрителен, но затем кивнул. Кассиус был человеком, который никогда бы не изменил своему слову.

«Лина?» Детен был удивлён. Он закрыл глаза, и поискал её. «О, её сущность очень сильна. Она над нами, в одной из башен. Спасибо тебе за помощь».

Детен отпустил заложника. Тот сразу же бросился к двери, чтобы поднять тревогу. Один из Адептов нанёс стражнику удар мечом, но Детен схватил дворцового воина, и оттянул его от меча. В одно мгновение он вытащил Лишающего жизни, и разрубил Адепта до самого низа, его глаза были холодны и беспощадны. Он не нарушит слова, но он также и не позволит сделать это кому-то вместо него.

Кассиус ринулся к своему мечу. Калинда нанесла ему поражающий удар в живот. Он, тяжело дыша, упал на пол.

«Я знала, что, в конце концов, разберусь с тобой», прошептала она прямо ему в ухо. Её забавляло, что Кассиус понятия не имел о том, что она была Уорлоком.

Пристальный взгляд Детена обжёг Калинду, а затем он повернулся к Кассиусу.

«В своей смерти ты виноват сам, Принц Кассиус Хоукин», сказал он. В его голосе был оттенок грусти. «Это было глупо и бессмысленно». Его взгляд на мгновение задержался на умирающем воине. Затем он схватил заложника за шею. Через несколько секунд солдат упал на пол. Детен поднял взгляд, услышав быстро приближающийся звук шагов.

«Нам нужно поторопиться», сказал он Калинде. «Задержите этих

стражников, пока я найду Лину».

Калинда зловеще улыбнулась.

«Без проблем», сказал она. Она вытерла меч от крови Кассиуса, воспользовавшись постельным бельём.

Детен выбежал в коридор и направился к башне.



Иешуа печально смотрел в окно башни. «Знаешь, я просто ненавижу этот вид».

«Тебя что-то беспокоит, Иешуа?» спросила Лина.

«Я вижу его лежащим там со сломленным телом. По крайней мере, это, возможно, будет последний раз, когда я его увижу. Тысячу лет эти видения преследовали меня. Может быть, сейчас я немного от них отдохну. Так часто бояться чего-то хуже, чем то, чего боишься».

Лина нахмурилась. Она надеялась, что Иешуа позвал её, чтобы сообщить ей какую-то полезную информацию о том, как найти Малака, а не для того, чтобы ворчать о своём страхе высоты. Она тщательно прочесала весь город и его окрестности, но её муж так и не был найден. Она едва сдерживала слёзы. Казалось, она так много плакала в последнее время, что слёз уже не осталось. Она терпеть не могла плакать, но ей было очень трудно вынести муку от потери мужа после того, как они были так близко друг от друга. Она ни о чём больше не могла думать.

«Странно, Лина. Когда-то я боялся смерти, но я так долго живу. К жизни привыкаешь, и становится страшно, когда смерть снова появляется в твоей жизни».

«Иешуа, зачем ты себя так мучаешь? Я уверена, что ты ещё долго будешь здесь после того, как все мы уйдём», резко проговорила Лина. Она ругала себя за такую резкость, но она была слишком истощена, чтобы проявлять симпатию.

Иешуа грустно покачал головой. «Нет, он идёт за мной. Уже слишком поздно».

«Кто ид...»

Вдруг Лина замолчала, ощутив то, чего она уже очень давно не чувствовала. Она закрыла глаза, обратившись к своим внутренним ощущениям. Она отпрянула, появилось чувство тревоги, и вдруг она поняла, чего боялся Иешуа.

Её рука так крепко сжала эбонитовый шест во, что суставы её пальцев побелели. «Он идёт», сказала она, голос её дрожал от прилива адреналина. «Это Детен».

Она едва закончила фразу, как в комнате показалась гигантская фигура. Его аура вибрировала - признак того, что он только что нанёс поражение стражникам башни.

Лина встала, но Иешуа рукой остановил её.

«Итак, Детен, наконец-то мы встретились», сказал Иешуа.

Чёрные глаза Детена посмотрели на него.

«Я тебя знаю?»

«Нет. Но я знаю тебя. Я был членом Белого Совета больше веков назад, чем ты прожил на этом плане».

«Тогда ты мой враг», сказал Детен. Он сформировал Знак Horus и метнул его энергию в Белого Адепта.

Это движение было таким быстрым, что Иешуа даже не попытался отразить его. Эта сила ударила в него, выбросив его в арочное окно башни. Он быстро полетел к земле, его сердце тяжело забило от приближающейся смерти. Вдруг он посмотрел вниз, и удовлетворённо улыбнулся. Впервые он не увидел под собой безжизненное, сломленное тело. Его астральная форма выплыла из его тела перед ударом, наблюдая, как его собственное тело стало видением, от которого он так долго страдал. Он начал подниматься по планам, почувствовав облегчение от того, что его кошмар закончился.

«Мерзавец», прорычала Лина.

Детен поднял бровь. «Правда, Лина. На тебя это не похоже - выражаться подобным образом».

«Всё меняется». Она отошла от окна в пространство, где она могла бы защищаться. Их глаза встретились в состязании воли. Ни один из Адептов не отступил.

«Ты пойдёшь со мной», прорычал Детен.

На лице Лины появилась улыбка, настолько лишённая теплоты, что даже Детен остановился. Она швырнула раскалённый добела огненный шар астральной энергии. Тот столкнулся с грудью Детена, почти выбросив из двери. Он застонал от боли, причинённой пламенем, его одежда загорелась, а волосы и борода начали тлеть. В то время, как в воздухе вибрировало Энокийское имя воды, его внезапно окружил кружащийся голубой покров, погружая его в пламя. С громким шипением, облака пара вздымались к потолку.

Глаза Детена пылали больше, чем огонь, в который он погружился. Он с силой метнул взрыв энергии в Лину, вложив в атаку свою огромную силу воли. У Лины было время только на то, чтобы до взрывного удара создать защитный Знак Harpocrates. Она растратила большую часть силы, но она всё равно сумела откинуться через всю комнату к стене. Отскочив, она выполнила кувырок вперёд и встала на ноги вовремя, чтобы уклониться от второго удара Детена.

Чёрный Адепт приблизился к ней, ожидая от неё удара. Он понял свою ошибку, когда стул сам поднялся и метнулся в него. Кулак Детена столкнулся со стулом, разбив его на тысячи обломков. Он вытащил Лишающего жизни.

«Спротивление слишком сильное, и я буду вынужден убить тебя», сказал он. «Поверь мне, не таково моё намерение».

Внезапно Лина атаковала, используя для удара оба конца шеста. Детен отошёл назад - было трудно отражать удары мечом, не атакуя. Мечи были бесполезным оружием при захвате пленников - они были предназначены только для убийства. Однако он не чувствовал опасности в этой женщине, которая была намного меньше его самого. Этой мыслью он сам нанёс себе поражение. Лина разоружила его с помощью ловкого взмаха шеста, а затем нанесла им сильный удар Детену в пах.

Детен застонал от боли и шока, падая на пол. Лина сразу же помчалась к двери. Она была поражена, когда Детен схватил её за лодыжку. Тёмный маг поднялся, удар в пах только слегка замедлил его. Лина знала, что привела его в бешенство - его чёрные глаза гневно горели. Он ударил её так сильно, что она ударилась об пол, прежде чем увидела движение его руки. Мгновение она лежала, потрясённая, а потом попыталась подняться, с её рта стекала кровь. Красная отметка обезобразила одну сторону её лица, быстро став нездорового тёмно-фиолетового цвета.

Детен потянулся, чтобы схватить её за волосы, но в руки попала её шея, так как она поднималась. Лина энергично боролась, но Детен подтянул её к себе, её женственное тело, по сравнению с его гигантской фигурой, казалось почти детским. Он навис над ней, чтобы подавить её сопротивление. Это была ошибка. Лина слегка переместила свой собственный вес и использовала его, чтобы с силой отбросить его к полу.

Застигнутый врасплох, но обладающий молниеносной реакцией, Детен, ударившись об пол, выполнил вращение break-fall. Он быстро встал, приблизившись к Лине прежде, чем она смогла схватить свой шест. Он обрушил на верхний позвонок её шеи haito-uchi, технику ребра руки. Лина с силой упала на пол. Детен на мгновение остановился, чтобы вернуть самообладание, а затем проверил её дыхание. Он удовлетворённо кивнул - она была без сознания.

«Я не хотел причинить тебе вред», сказал он, будто она всё ещё слушала его. «Но ты стоишь троих!»

Он вытащил Лишающего жизни и поднял Лину себе на плечо. Он медленно направился к двери, и вскоре скрылся из вида.



Кира бежала в направлении комнаты своего отца, за ней спешил отряд дворцовой стражи. Впереди она увидела стражника, упавшего у входа в комнату, разрубленного гигантским dai-katana. Женщина Чёрный Адепт вытащила свой меч из умирающего, и повернула голову, увидев Киру, быстро приближающуюся с подкреплением. Калинда вкрадчиво

улыбнулась, и медленно исчезла из вида.

«Попытайтесь последовать за ней!» приказала Кира стражникам. «Она нужна мне живая!»

Она вбежала в комнату Кассиуса. Первым, кого она увидела, был бессознательный стражник. Она автоматически наклонилась, чтобы проверить его пульс, и поняла, что его состояние не было серьёзным. Затем она увидела Кассиуса. Он отполз в угол, и смотрел на неё с мучительным, болезненным выражением. Она вскрикнула, увидев на его голубом халате ярко-красные пятна. Он сидел скрюченный, зажав рану обеими руками. Она сразу же поняла, что его состояние критично.

Она подбежала к нему и опустилась на колени.

«Насколько рана серьёзна?» спросила она, голос её был спокойным, в отличие от её глаз.

Кассиус попытался улыбнуться, но смог только слегка пошевеливать губами.

«Меня пронзил dai-katana».

Тогда Кира поняла, что он не выживет - dai-katana был большим мечом, и Кассиус пытался передать серьёзность раны без драматизма. Дворцовые стражники постепенно собирались у входа в комнату, они стояли в неверии, видя своего умирающего монарха.

Кира развернулась и обратилась к ближайшему. «Ты! Иди и приведи Jhion, дворцового целителя. А вы все...» она сделала жест рукой, «уходите!»

Когда стражники вышли из комнаты, Кассиус покачал головой.

«Ты знаешь, искусство Jhion'a для меня будет бесполезно. Я устойчив к любой магии, как злой, так и доброй. Он не сможет исцелить меня. Его влияние будет просто отражаться от моей ауры». Кира на мгновение закрыла глаза, моментально теряя своё самообладание.

«Ты не можешь умереть». Она замолчала, пытаясь подобрать слова, чтобы выразить свою любовь и привязанность к нему. Вместо этого она произнесла: «София нуждается в тебе! У тебя нет наследника!»

Она опустила глаза, смущённая и удручённая собой - она никогда не могла выражать свои эмоции. Кассиус слабо взял её за руку. Когда он это сделал, она поняла, как быстро он теряет кровь.

«Не волнуйся, Кира. Я знаю, что ты чувствуешь, и я чувствую то же самое к тебе. Мы оба были слишком упрямыми, чтобы признать это. Но прежде, чем я умру, я должен попросить тебя об одном».

«Ты не умрёшь, отец! Ты поправишься!»

«Кира, ты не слушаешь меня».

Она замолчала, в её глазах были слёзы. «Говори, и это будет выполнено».

Кассиус кивнул. «Ты должна найти местонахождение Шадрака

и вернуть его в Софию. Если я к тому времени уже умру, ты должна будешь сообщить ему о том, что сделал Детен. Он ушёл искать Лину, и я боюсь, что он её похитил».

Глаза Киры расширились от потрясения. «Мы можем атаковать его логово на западе, Повелитель. Я смогла бы возглавить поход Тамплиеров против него и вернуть её».

Кассиус покачал головой. «Мы ещё не готовы к столкновению с Чёрной Школой. Рыцари ещё готовятся. И это не наша битва. Если Шадрак сейчас не столкнётся со своей кармой, то он никогда уже не сможет этого сделать. Судьба Лины должна быть в его руках. Это касается его и Детена. А сейчас ты должны пообещать сделать это для меня».

«Конечно. Я уеду, как только ты будешь исцелён».

Кассиус пробурчал: «Нет. Ты должна ехать немедленно. Jhion сделает для меня всё, что сможет, но ты сейчас ничем мне не можешь. Ты можешь только помочь Лине - тем, что найдёшь Шадрака».

«Да, отец». Кира почти потеряла самообладание, но гордость солдата не позволила бы ей это допустить.

Кассиус, запинаясь, смахнул слезу. «Будь сильной ради меня, Кира. Ты - моя наследница».

«Я тебя не разочарую, отец».

Кассиус кивнул. «Я знаю. А теперь иди. Не теряй время»,
Мгновение она пристально на него смотрела, а затем поднялась. Она вышла из комнаты, не оглядываясь.

Нехорошо изгонять бесов. Они принадлежат нам, мы должны принять их и жить с ними в мире.

- Доктрина Жёлтой Школы
(D.H. Lawrence)

Эния



Граница

29

Шадрак сидел на валуне, бесстрастно наблюдая за мерцающими цветами Границы. Было раннее утро, трава была покрыта каплями росы. Над горизонтом висел раздутый пурпурный шар Энийского солнца, частично скрытый облаками розового оттенка.

Шадрак не обращал внимания на всё это. Он наблюдал за Границей в её бесконечном движении вперёд. Прошлой ночью она была на некотором расстоянии от него; теперь она была лишь в нескольких футах, и казалась, что ничто не могло остановить её продвижение. Это была завеса разрушения, и, как только она захватит кусочек земли, она уже никогда не сможет вернуться назад.

С этого расстояния Граница была полупрозрачной, но за её пределами было мало что видно, кроме мерцающего серо-голубого континуума, в котором такие понятия, как «верх» и «низ» были бессмысленны. Шадрак поднял камень и бросил его сквозь барьер. Проникнув сквозь завесу, камень мгновенно потерял свою плотность и через несколько секунд рассеялся в бесформенность.

Шадрак знал, что это был Иесод Иецира, астральный план, лежащий за пределами Границы. В этом измерении были свои собственные формы, но они были крайне гибкими и подвижными. Формы Энии были чужды Иесоду. Они сохраняли свою структуру только в пределах Границы - иначе они легко растворятся в материал Иесода, который когда-то их создал.

До сегодняшнего дня, несмотря на несколько воплощений на Энии, Шадрак никогда не видел Границу. В прошлый Эон Граница существовала в сотнях миль от цивилизации, путь к ней занимал слишком много дней, чтобы приехать к ней из простого любопытства. После того, как он увидел её впервые, его восприятие Энии разрушилось. Во многих смыслах этот план был создан, как копия Теллуса, с относительно маленькими отличиями, такими, как цвет солнца. Эния была даже слегка

изогнута для придания иллюзии планеты и ограниченного горизонта, но осторожно созданные формы и движущие силы казались Шадраку, сидевшему около Границы, абсолютно иллюзорными.

Он бросил сквозь мерцающий занавес ещё один камень. Он устал от границ и ограничений. Он сидел перед неуязвимым, неприкосновенным уродством, которое представляло ему все ограничения его собственной жизни. Был ли он навечно связан своим прошлым? Должен ли он бесконечно страдать за наивную ошибку, импульсивный поступок, совершённый ради спасения его любви?

Любви, которой больше не существовало, горько подумал он - демон внутри него чуть не заставил его разорвать Лину на части.

Его охватили ненависть и горечь. Лина, Галан и Кассиус, никто из них не имел для него значения. Теперь он предал их всех, и ему было просто всё равно. Их помощь и советы не помогли, а только мешали ему; они больше не были ему нужны, так же, как он не был нужен им. Как могли они беспокоиться о демоне, жаждавшем отрывать живую плоть от костей, уничтожать всё живое?

Даже теперь он ощущал внутри шевеление зверя, будто тот зывал. Он чувствовал злобное ликование. Он мог освободить этого демона, выпустить его в Энию. В нём была сила, чтобы уничтожить этот второстепенный план.

Но нет, ему было не всё равно. И даже намного больше, и его это мучило. Он не должен был допустить этого, потому что он был не в силах это изменить, и боль в конце концов разрушит его.

Звук от копыт скачущей лошади проник сквозь раковину его изоляции. Он поднял недовольный взгляд. Никто никогда не ездил так далеко к Границе - очевидно, всадник искал его. Он гадал, как его нашли; должно быть, они искали его через магический кристалл во дворце. Меньше всего он хотел кого-то видеть. Он надеялся, что это был не Кассиус, или, что было бы ещё хуже, Лина.

Лошадь остановилась около его собственного пасущегося жеребца, который на мгновение с интересом поднял взор, а затем вернулся к траве. Кира плавно спешила и подошла к нему. Шадрак посмотрел на неё с вызовом.

Кассиус отправил её, горько подумал он.

«Что тебе нужно?» спросил он.

«Лорд Малак, я буду говорить с тобой», сказала она.

«Похоже, у меня нет выбора».

Глаза Кире сузились. «Я здесь по приказу, а не по собственной воле. Поверь мне, я бы просто оставила тебя разлагаться в этом месте и позволила бы Границе забрать твоё тело».

«Тогда оставь меня с миром!»

Кира глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. «Малак, мой отец был

смертельно ранен. Сейчас он на пороге смерти».

Шадрак не смог скрыть того, что поражён, но он быстро пришёл в себя. «Ты ждёшь, что меня это тронет?».

Кира относилась к нему с нескрываемым презрением.

«Кроме того, Лину захватил твой брат, Детен».

Шадрак опустил взгляд в землю.

«Это не моя проблема», пробормотал он. «Я ничего не могу сделать. Я не могу победить его, а если я сдамся, то Эния будет разрушена».

Он поднял взор, но Кира уже села на лошадь. Она и не пыталась скрыть свой гнев.

«Чёрт возьми, мне наплевать на то, что ты делаешь, Малак! Я никогда не узнаю, почему Кассиус верил в тебя!»

Шадрак слегка вздрогнул от этой колкости, но Кира уже развернула лошадь и помчалась назад в Софию.

«И меня зовут не Малак!» запинаясь, крикнул он ей вслед.

Через несколько секунд она исчезла из вида, будто никогда и не приезжала, но в беспокойной душе Шадрака остался след от её появления. Боль, разочарование и гнев дошли до такой точки, что должны были к чему-то привести. Воспоминания об Ийзасу Танаке навалились на него, воспоминания о долге самурая, интенсивной тренировке и грубом нраве.

Шадрак знал, вне всякого сомнения, что Кассиус был тем человеком, который когда-то принял его, как собственного сына. Между ними была связь, которую нельзя отрицать.

Были также воспоминания о Лине, яркие и эмоционально наполненные, нахлынувшие на него от той его части, которая была Малаком. Воспоминания из всех его воплощений начали смешиваться, негармонично сливаясь вместе, и образуя ужасную какофонию. Он разрывался между его нынешней личностью и предыдущей - Малак стремился проявить себя.

Мир вокруг него закружился и он начал терять контакт с реальностью. Его сознание всё глубже и глубже погружалось в глубины его собственного разума. Личностный кризис был отнюдь не нов, но в этот раз ему способствовали внешние события, и он был намного сильнее. Проблема требовала решения раз и навсегда.

«Мне всё равно!» проворчал он, шатаясь, уходя с валуна. «Мне всё равно!»

Сквозь него одновременно текло множество разных эмоций, расщепляя его душу на разобщённые осколки. Он отчаянно старался удерживать свою личность, некоторую связь и логичность. Он знал, что, если его постигнет неудача, он полностью потеряет рассудок. Страх и смятение быстро заменили все остальные эмоции, увеличиваясь с устрашающей скоростью.

А потом он почувствовал первое движение. Будто зверь прыгал

на стены клетки, демон вырывал фрагменты его разума в поисках слабости, которая позволила бы ему вырваться из этой тюрьмы. Тело Шадрака сильно сотряслось, отражая напряжённую ментальную битву. Он знал, что не сможет сдержать демона - он едва мог удержать свой разум сплочённым. Он продолжал ломаться, мириады личностей и зверь, прорывающий себе путь сквозь них.

Из глаз Шадрака потекли слёзы, ещё больше затуманив его запутанное видение мира. Его сознание висело в центре ментальной битвы, неуверенное в собственной подлинности, так как перед ним проплывало множество вариантов. Возможно, он был демоном, устрашающим существом безмерного зла и силы. Он отчаянно попытался повторить своё собственное имя, но оно начало терять смысл, пустое слово из другого мира, лежащего в тысяче лет отсюда.

Его тело сотрясилось, а сердце сокращалось. Его грудь пронзила боль. Он знал, что скоро его физическое тело умрёт. Этот конфликт должен быть разрешён. Он знал, что если он потерпит неудачу, и демон обретёт контроль, для Энии не будет никакой надежды. Он должен был остановить это, независимо от последствий, которые его ожидают.

«Это... прекратится...сейчас же!» прокричал он сквозь стиснутые зубы.

Он пошёл, покачиваясь, к границе, которую едва видел сквозь затуманенный и кружащийся взгляд. Его голова постоянно пульсировала, и он думал, что она вот-вот взорвётся, но он должен был держаться за своё сознание. Демон поднимался, как приливная волна, пытаясь утопить его душу в своей ужасающей силе.

Ещё четыре шага, отчаянно думал он, три, два...

Он отклонялся в разные стороны, шатаясь из-за плохого равновесия. Он замер в последнее мгновение, когда демон почти подавил его волю. Он закричал от его прикосновения.

«Нет!» его голос отразился эхом от Границы.

Последним, отчаянным усилием воли, перед тем, как быть затопленным, он с силой бросил себя сквозь Границу в Иесод.



Шадрак закричал, кожа содралась с его тела, а кровь начала кипеть. Каждую клеточку его существа пронзила мученическая боль. Он знал, что умирает. Он больше не видел Границу - один шаг перенёс его сквозь неё, отшвырнув его на миллион миль от Энии. Надежды на возвращение не было. Он не видел ничего, кроме непроницаемой тьмы.

Жуткий страх прошёл холодом по его телу, хотя изнутри его органы были настолько горячими, что ему казалось, будто он растает. Он чувствовал, как кожа, слой за слоем, сдиралась с тела. Он кидался в пустоте вперёд и назад, используя для продвижения свои мысли, но

ничего не было видно.

Пустота медленно раздавливала его. Он закричал, когда его конечности начали искривляться, медленно изменяясь и укорачиваясь. По иронии судьбы, демон исчез. Когда Шадрак приблизился к смерти, зверь почувствовал гибель и сбежал.

Воспоминания Шадрака стали более связанными, когда осколки личности были сметены, как его кожа. Смерть приближалась, с каждой секундой Шадрак становился всё более здравомыслящим. Каждое воспоминание становилось чётким и ясным, и занимало своё место. Он уже не был Шадраком, сыном Танаки - он был совокупностью всех своих воплощений. Но две личности были особенно чёткими.

Я Шадрак-Малак, подумал он, и он знал, что это правда. Боль усилилась, став непереносимой, но он помнил каждую грань своих личностей, прошлое и настоящее. Он помнил трудности, которые он преодолел во многих своих жизнях, смелость, проявленную им перед лицом невозможных трудностей. Впервые он вспомнил свою изначальную битву с Детеном, три воплощения назад. И он вышел победителем. Память помогла подняться его уверенности и силе. Он знал своё наследие.

Я не умру рыдающим, подумал он. По крайней мере, смерть моя будет мужественной.

Он перестал бороться и открылся, отдавшись в объятия измерению. Волна за волной, сквозь него проплывала боль. Он принял её, смеясь, когда она проходила сквозь него. Его тело сотрясилось, будто было готово взорваться.

В боли у меня нет врага, понял он, ликуя.

И вдруг боль ушла, а вместе с ней и его тело.

Он парил в прекрасной сине-серой бесконечности, в полном мире с самим собой. Он с удивлением понял, что его тело теперь было мягко сияющей сферой белого света. Он был гибким, способным растягиваться в любую форму или длину. Со всех сторон мимо него мчались странные существа, также выглядевшие, как светящиеся шары.

Он понял, что был под угрозой смерти только потому, что верил в это. Его тело просто потеряло свою форму, пластичный астральный материал сам слился в сферу. Только его сопротивление этому процессу причиняло боль, вместе с состоянием его разума, которое усиливало её. В нём поднималось чувство великой радости - здесь он был свободен от всех ограничений, и он знал, что он сам кузнец своей судьбы.

Его разум был подобен стали, сосредоточен и неуязвим. Наконец-то он стал единой личностью. Кассиус и Галан, они оба были его отцами. И теперь его воспоминания о Лине не были смутными и далёкими. Он был Малак, а она была его женой. Сильное чувство любви наполняло его. Вдруг он вспомнил о своём затруднительном положении.

Детен. Берегись, брат. Моя сила вновь разрушит тебя.

Его астральная форма могла в одно мгновение уноситься на дальнейшее расстояние. Сосредоточившись на Энии, он ощутил огромную скорость. А потом он оказался там. Перед ним мерцала Граница, странно бесцветная с этой стороны.

Он легко прошёл сквозь неё. Во время прохождения он визуализировал точку, из которой он покинул план. Он материализовался именно в том месте. Он сильно сконцентрировался, и его тело приобрело свою естественную форму, снова став материальным.



Шадрак скакал к воротам Софии. Стражники узнали его, и позволили проехать, он едва не сбил торговца. Он принёс свои извинения и помчался к дворцу.

Даже на высокой скорости он хорошо управлял лошадью. Он вилял по улицам, выбирая самый короткий путь во дворец. Он вспомнил, чему его когда-то научил Gogun Tzan, самурай из деревни Киото. Он показал, как мчаться на большой скорости сквозь лес, и сейчас эти навыки пригодились в его опасной поездке по городу.

Подъехав к главному входу во дворец, он спрыгнул с лошади.

«Лорд Малак! Не могли бы вы...» прокричал стражник, но тот уже мчался по дворцу к спальне Кассиуса.

На каждом углу очередной стражник делал движение, чтобы его остановить, но, узнав его, почтительно отходил назад. Он пробежал мимо них всех и достиг входа в спальню Кассиуса в течение двух минут, а затем остановился, чтобы перевести дух. Его пульс быстро пришёл в норму.

Он кивнул двум стражникам, стоявшим около входа, те на мгновение встревожились, а потом энергично отсалютовали. Это заставило его на секунду остановиться и подумать - изменился ли он физически после тяжёлого испытания в Иесоде? Он подумал, что это возможно, так как он заново создал своё тело. Но уверенным он быть не мог, потому что об этом нельзя было никак узнать, если не задавать вопросы.

Он вошёл в спальню и увидел Киру, сидевшую возле кровати, на которой на спине лежал Кассиус. На мгновение он испугался самого худшего, но понял, что воин просто спал. Он не опоздал.

Кира встала, услышав, как он вошёл.

«Шадрак?» В её голосе был оттенок недоверия, и у него снова появилось ощущение, что что-то не так».

«Да, но я предпочитаю имя Малак. Его я носил дольше».

Она смущённо кивнула. «Я оставлю вас двоих наедине. Jhion говорит, что ему немного осталось. Он потерял очень много крови и его сила убывает».

«Спасибо, Кира».

Она подняла бровь, услышав его голос. Он был глубже, твёрже, и звучал более внушительно. Она слегка поклонилась и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Малак подошёл к кровати и сел на её край. Кассиус шевельнулся и слабо открыл глаза. Он нахмурился.

«Что с тобой произошло, сын мой?» В его голосе было беспокойство.

«Я обрёл себя настоящего, отец. Мои личности наконец-то слились. Что-то не так?»

«Зеркало. Посмотри в зеркало. Ты должен увидеть себя».

Малак нахмурился и поднёс руки к лицу, ожидая почувствовать бесформенную массу. Но ощущение было абсолютно нормальным, хотя, возможно, слегка другим.

Кассиус кивнул ему. «Иди. Посмотри в зеркало».

Он поднялся и подошёл к зеркалу на стене, внутри него росло напряжение. Он вдруг испугался того, что увидит. Что, если на него посмотрит лицо Лилит? Или какая-нибудь мерзость из Клиппота? Он заглянул в зеркало. И увидел бесконечность. Его глаза, ещё недавно выцветшие и бесцветные, теперь были похожи на полусферические зеркала. Они идеально отражали окружающую обстановку, не давая никому возможности «прочитать» о нём хоть что-нибудь. Они были твёрдыми и непреступными, какой сейчас стала и его личность. Посмотрев в зеркало, он увидел другое зеркало, отражавшееся в его глазах, а в этом зеркале он снова увидел себя; этот эффект не имел конца.

Он вернулся к кровати. «У меня серебристые глаза», сказал он.

Кассиус кивнул. «Что с тобой произошло? Ты снова Малак?»

«Да».

«Тогда мне больше не следует называть тебя Шадраком?» В голосе старого воина слышалось сожаление.

Малак улыбнулся. «Для тебя, отец, я всегда буду Шадрак. Но теперь я - все личности, а Малак - это имя, которое я носил намного дольше, чем Шадрак. Это имя, под которым меня должны знать на Энии».

После такого объяснения Кассиус расслабился. «Хорошо, что ты снова стал целостным».

«Я еще не целостен. Моя пустота глубже и более болезненна, чем прежде, потому что теперь я ощущаю отсутствие своей души более остро, чем раньше. Я просто приблизился к своей истинной сущности. Теперь две вещи двигают мною. Первое - вновь воссоединиться с Линой, и второе - нанести поражение Лилит. Я верну свою душу».

Кассиус схватил его за руку. «Лина, она...».

«Я знаю. Скоро я поскачу за Детеном. Он не успеет достигнуть своего логова, и я смогу вовремя перехватить его. В конце концов, он

будет ждать меня. Но что произошло с тобой? Я не думал, что когда-то увижу тебя с такими ранениями».

«Это смертельная рана, Шадрок. Боюсь, что буду вынужден покинуть тебя во второй раз».

Малак пристально посмотрел на него, его глаза совершенно невозможно было «прочсть». «Ты умер не в то время, когда был Ийзасу Танакой», сказал он.

«Это было неправильно», согласился Кассиус.

«И теперь тоже не время, отец. Ты сказал, что предал меня в первый раз. Не делай этого снова».

Кассиус изумлённо смотрел на него, не веря своим ушам. «Шадрок, ты не понимаешь. Рана смертельна. Мне ничем нельзя помочь. Магия на мою ауру не подействует. У меня не больше, чем несколько дней, а возможно, что и несколько часов...».

«Это не Теллус, отец. Ты можешь не быть магом, магия даже может быть для тебя под запретом, но на Энии мы искривляем нашу собственную реальность. Именно так Иешуа прожил тысячу лет - он бы не покорился смерти. Если ты хочешь жить, а твоя воля достаточно сильна, ты найдёшь способ».

«Нет, Шадрок, я...».

«А теперь я должен идти, Кассиус. Не допусти, чтобы это было последним прощанием. Я вернусь из логова Детена через неделю с небольшим. И очень надеюсь, что увижу тебя».

Он поклонился и пошёл к двери, блеск его серебристых глаз постепенно исчезал.

Вещи недолговечны! Что мы есть, и чем мы не являемся? Человек — это сон о тени; однако, когда падает данный Богом свет, на него снисходит блаженство света и его жизнь становится сладка.

- Пиндар

Продай свой ум и купи изумление.

- Jalal-Uddin Rumi

Эния



Чёрная Школа

подземное логово

30

Детен вошёл в тронный зал Уорлока и небрежным жестом руки отпустил двоих стражников. Те низко поклонились и ушли; с тех пор, как Детен обрёл силу, против его власти никто не выступал. Этому способствовала его победа над Уорлоком.

К дальней стене была прикована Лина, её белая одежда была изорвана и выпачкана. Её лицо было покрыто синяками и порезами, но её глаза оставались сосредоточенными и опасными. Её окружал мерцающий эфирный щит. Сконструированный совместно Детеном и Калиндой, щит был вампирским - он непрерывно выкачивал из Лины жизненные силы. Таким образом, она не могла использовать свои магические способности.

Комната часто сотрясалась от взрывавшихся вверху над землёй молний - шторм постепенно усиливался и комната дрожала всё сильнее с каждым звуком грома. Этот шум тревожил Детена - лишь несколько вещей заставляли его беспокоиться, и молния была одной из них.

Он подошёл к своей пленнице. «Надеюсь, с тобой хорошо обращаются?»

Лина посмотрела на него с ненавистью и презрением.

«Отруби себе голову, Детен. Мир станет лучше».

Детен тонко улыбнулся, но в этом жесте не было иронии. Присутствие Лины было ещё одним, что заставляло его нервничать. Её сходство с Аней было болезненным. Он страстно желал какого-то узнавания с её стороны, и он знал, что это было невероятно опасно для него. Это могло быть его гибелью, но он чувствовал потребность уговорить её, особенно, учитывая то, что он собирался предпринять.

«Я не такой дурной, как ты думаешь, Лина», сказал он. «Я хочу, чтобы люди страдали, не больше твоего, просто я что-то для этого делаю. Уничтожь мир, и ты уничтожишь страдание».

По выражению её лица он сразу понял, что совершил ошибку. Она бросила на него сердитый взгляд. «О, как великодушно! И что же даёт тебе право закончить жизнь всех остальных? Если ты не достаточно мужчина, чтобы жить, по крайней мере, дай шанс другим. И как же низко ты упадёшь, чтобы достичь своей цели?»

Чёрные глаза Детена гневно загорелись. Он расстроился оттого, что её слова произвели на него впечатление. Будь это кто-либо другой, он бы не обратил на это никакого внимания.

«Всегда есть жертвы. Ничто никогда не достигается без жертв».

«Жертвы?» Скептически произнесла Лина. «Ты помнишь Тару? Девочку из деревни Oaklan, которую ты забрал в Розовый Круг? Когда ты предложил её жизнь, чтобы ублажить Лилит, это была твоя жертва или её? Ты лишаешь жизни других людей, но что ты сам предлагаешь в качестве жертвы?»

«Я предлагаю само моё существование! На протяжении трёх воплощений я работал на благо Цели. Я единственный, кто осмелился бороться с ложью, в которой мы живём, с этой мелочной игрой так называемых богов. Я избавлю людей от страдания на всех планах существования!»

Лина ухмыльнулась. «И это твоя мотивация? Поистине, Детен. Ты почти веришь себе». Её голос вдруг стал тихим и коварным.

«То есть?» угрожающе проговорил Детен, приблизившись к её беспомощной фигуре.

«Ты используешь такие благородные понятия, чтобы описать твою так называемую Цель. Но что на самом деле тобой движет? Быть может, месть?»

«Что ты имеешь в виду, девчонка?» повторил он, начиная терять самоконтроль.

«Малак рассказывал мне о твоём прошлом, Детен. В нём была женщина по имени Аня, которую ты убил, когда был одержим Архидемоном Кронзоном. С тех пор твоим единственным желанием было опустить демона на колени».

Детен заставил себя успокоиться, когда понял, как им манипулируют; она знала, какой эффект произвела на него. Он скривился и покачал головой; в его глазах была великая грусть. «Знаешь, почему я пришёл сюда?»

Он начал вытаскивать Лишающего жизни. Он был удивлён страхом, появившимся в глазах Лины - очевидно, она ненавидела мечи. Он приблизился к ней. Ещё один удар грома сотряс комнату.

«Прости, но теперь я должен положить конец твоей жизни, вне зависимости от намерений Малака. Ты слишком напоминаешь мне о том, что должно оставаться похороненным. И ты слишком сильный маг, чтобы я был милосерден. Никакие мои угрозы не остановят тебя от объедине-

ния с моими врагами».

«Ты прав, чёрт возьми», проворчала она.

Её глаза поднялись от меча, и сцепились с его взглядом. Он был поражён силой ненависти в её взоре.

«Итак», горько произнесла она, «мы снова в том же положении». Детен остановился; сверху взорвалась ещё одна молния.

«То есть?» Он был уверен, что она пытается выиграть время, и хотел закончить эту неприятную процедуру как можно быстрее.

Она засмеялась, но звук застрял у неё в горле. Он видел, что неприязнь к нему разжигала её, эта ненависть была такой же сильной, как его собственная ненависть к Кронзону.

«Ты помнишь, Детен? Это была ночь, очень похожая на эту», она движением головы указала на гром.

Глаза Детена сузились, его пульс ускорился. «Нет. Нет, ты не можешь быть».

«Не могу быть кем? Твоей возлюбленной Аней? Нет, я никогда снова не буду ею, Детен. Или мне следует называть тебя Михаилом?»

«Нет. Нет». Детен отпрянул назад, трясая головой. «Это невозможно».

«Невозможно?» прорычала она. «Твой меч пронзил меня насквозь, а затем ты провернул лезвие. За это я прокляну твоё имя навеки. Мне не будет покоя, пока сама твоя душа не будет уничтожена!»

Лишающий жизни упал на пол с тупым звоном. Глаза Детена расширились, в них были паника и недоверие.

«Нет, я не хотел. Не заставляй меня страдать ещё...». Он двинулся вперёд, чтобы схватить её за руку. «Ты должна простить меня...».

Она пристально смотрела в его чёрные глаза, прибежище зла, куда не мог проникнуть никакой свет. Это был взгляд, уничтожающий любую надежду, всю справедливость мира. Она вырвала руку.

«Отползи и умри, Детен. Потому что если ты не умрёшь от своей собственной руки, то умрёшь от моей! Тысячу раз!»

По лицу Детена текли слёзы, но он зашёл слишком далеко. Он поднял Лишающего жизни. Когда он заговорил, в его голосе слышалась горечь.

«Тогда, если мне суждено страдать вечно без всякой надежды на прощение, я совершу это преступление снова».

Лина иступлённо боролась и сопротивлялась в кандалах. Её взгляд следовал за Лишающим жизни, будто под гипнозом, её живот невольно напрягся. Она начала трястись от страха. Не смерть пугала её, а лишь способ. Как и Детен, она не могла снова жить в кошмаре.

Вдруг ещё один взрыв грома сотряс помещение, но на этот раз он прозвучал внутри комнаты. Детен повернулся и, поражённый, увидел Малака, стоявшего в дверном проёме, тяжёлая дубовая дверь разлете-

лась на множество щепок. Двое Чёрных Стражников лежали мёртвые у его ног.

«Ты!» В его голосе слышалось недоверие - он думал, что его брат слишком слаб для такого подвига.

«Малак!» С облегчением прокричала Лина, снова попытавшись освободиться от оков. Она не смела надеяться на то, что её муж попытается спасти её после их расставания.

Малак вошёл в комнату, и Детен сразу же обратил внимание на перемену, произошедшую в его противнике. Глаза Малака, когда-то почти бесцветные, теперь были, как ртуть; они отражали весь падавший на них свет. Детен увидел в них своё собственное суровое лицо. Когда двое мужчин встретились в центре комнаты, они казались полными противоположностями. Глаза Детена были, как озёра бесконечной темноты, поглощавшие весь свет, касавшийся их; глаза же Малака были подобны полусферическим зеркалам, сквозь которые ничто не могло проникнуть.

Детен поднял Лишающего жизни. Малак был безоружен; он просто стоял там, держа взгляд своего брата-близнеца.

«Я нужен тебе живым, Детен», сказал он. «Предлагаю тебе убрать оружие».

Его голос был ровным и совершенно бесстрастным. Глаза Детена сузились - что-то здесь было не так. У него было сильное чувство дежавю, и его это беспокоило. Но он знал, что Малак был прав - он не пленит своего брата, пронзив его Лишающим жизни.

«Всё закончится здесь», решительно сказал Малак.

Детен откинул голову и засмеялся. «Вижу. Вижу. Ты уже не Шадрок, и даже не Малак из твоего прошлого воплощения. Ты снова старый Малак, великий воин, который когда-то победил меня! Как занятно! Ты прав. Это завершится здесь».

Малак улыбнулся. «Я вырос ещё больше, Детен. Теперь я прошёл обучение у Ийзасу Танаки, увеличившее мою силу. Страдания Шадрок научили меня».

«Ты думаешь, что ты единственный, кто вырос и страдал?» проговорил Детен. «Когда ты нанёс мне поражение в прошлый раз, я был слабой тенью моей нынешней силы. Теперь никто не сможет устоять против меня. Возможно, Кассиус нанёс мне поражение мечом, но моя воля непобедима. Я единственный, кто бросил вызов могущественному Кронзону, и выжил! Ни один смертный не может достичь этого. Я уже вырос выше оков простого смертного. Ты не можешь победить меня, Малак!»

Малак некоторое время молчал. Между ними двумя стало расти напряжением.

Затем он улыбнулся и сказал: «Быть может, никто не сможет победить тебя, Детен, но я - не обычный человек. Я обладаю преимуще-

ством, о котором ты, возможно, не знаешь».

Лицо Детена оставалось стойким. «Тогда предлагаю тебе использовать его сейчас, ибо второго шанса у тебя не будет».

Он схватил Малака за горло. «Называй это проверкой силы».

Малак знал, что опасность не очень серьёзная - Детен просто дразнил его. Он схватил чёрного мага за запястья, сдвинул вес собственного тела, используя его в качестве рычага, и резким движением перевернул Детена вверх тормашками, но тот легко приземлился на ноги.

«Силу очень переоценивают», сказал Малак. «Я лично предпочитаю более тонкий подход».

Детен медленно повернулся лицом к своему противнику. «А теперь начинается настоящая битва», произнёс он, приближаясь.

«Будь осторожен, Малак!» закричала Лина, всё ещё яростно пытаясь избавиться от оков.

Детен прыгнул вперёд, целясь летящим ударом в грудь противника. Внезапно Малак издал раздражённый возглас, и его глаза изменились за секунду. Задумчивость исчезла, и ей на смену пришёл глубокий красный взгляд, опасный и сильный. Но на этот раз разум Малака контролировал силу.

Двигаясь, будто демон находился в своём убийственном веселье, Малак скользил по сторонам с потрясающей скоростью, идеально координируя свой tai-sabaki. Удар Детена пронёсся мимо из-за значительного расстояния, и Малак схватил его в воздухе, его тело демонстрировало невероятную силу. Детен полетел на каменный пол головой вниз.

Мгновение он лежал, а затем начал подниматься. Сильная боль пульсировала у него в голове, его череп был во множественных трещинах.

Детен выбросил взрыв чёрно-пурпурной молнии, но она отразилась от Малака, не причинив ему никакого вреда, и вернулась к нему. Он вскрикнул, и снова опустился на пол, его грудь была очень сильно обожжена, а одежда дымилась. Он вложил в этот взрыв энергию, достаточную для убийства нескольких человек, и его нервная система испытала невероятное потрясение - он едва дышал. Он знал, что близок к смерти.

Малак тоже это понял и пошёл туда, где была прикована Лина, бдительно следя за братом. Красный цвет исчез из его глаз, и они вернулись к своему обычному серебристому цвету. Он легко убрал магический щит вокруг Лины и расплавил её оковы. Она упала в его объятия.

«Нет! Моя Аня!» Вскрикнул Детен, охваченный ревностью.

Пара пошла в его направлении.

«Не поднимайся, Детен», предупредил его Малак, в его голосе слышалась угроза.

Чёрный маг со сбившимся дыханием сумел подняться на колени. Малак видел, что тот намеревается атаковать, и нанёс Детену удар

taowashi-geri. Мощный удар раздробил правую скулу Детена и его отнесло через всю комнату. Его полуразрушенное лицо было в крови, но он сразу же повернулся и начал отползать назад. Он едва ли выглядел, как человек, его сердце всё ещё билось неравномерно.

«Ради всего святого, Детен. Сдавайся!» прорычал Малак; он не хотел продолжать мучить своего брата. Его чувство гнева ушло теперь, когда Лина вернулась к нему. Намного больше, чем Лина, он мог чувствовать проблеск сострадания к Детену.

Детен едва видел теперь своего брата; он полз к Лине.

«Аня! Аня!» рыдал он. «Ты должна простить меня! Я любил тебя больше жизни!»

Лина нахмурилась и её первым импульсом было излить свою ненависть, но она удержалась от порыва ударить его в раздробленную щеку. Она увидела, в каком он состоянии и, несмотря на неприязнь, которую она испытывала к нему, она не смогла ударить его. Вместо этого она бросила на него злобный взгляд.

«Ты жалок, Детен. Можешь забыть о любой надежде на прощение. Я всегда буду ненавидеть тебя всеми фибрами своей души!»

Она крепче прижалась к Малаку, и они пошли к двери. Малак воспользовался магией, чтобы укрыть их и они исчезли из вида.



Детен лежал какое-то время на полу, его лицо было бледным, его воля была сломлена. Его поражение ничего не значило, его уничтожил презрительный отказ Лины.

Боги, всё это время я даже не подозревал!

Сходство было очевидным, но он никогда не верил в эту возможность. Он чувствовал себя совершенно опустошённым - даже его ненависть испарилась. Он был всего лишь оболочкой.

Малак, ты забрал у меня всё.

Его магия медленно возвращалась к нему, и он начал исцелять некоторые из своих ран. Он поднялся и посмотрел на потолок, качая головой.

Затем он закричал, это был громкий вой, отдавшийся эхом по всему логову. Он поднял руки, и искромсал весь потолок комнаты молниями. Он не шелохнулся, чтобы защитить себя, когда сотни тонн камней обрушились на него.

*Человек, войди в себя. Ибо этот Философский
Камень не найдешь в заграничных землях.*

Эния

- Angelus Silesius



Зачарованный лес

31

Малак и Лина несколько часов скакали на лошади Кассиуса сквозь бурю. Лина крепко прижималась к Малаку, её голова лежала между его мечами. Они не пытались говорить - ветер и жалящий дождь делали это невозможным. Кроме того, ни один из них не был расположен начать разговор.

Лина была истощена после столкновения с Детеном, пробудившего воспоминания, которые она давно пыталась похоронить. Малак был мрачен; он размышлял, пытаясь сохранить глаза открытыми под неослабевающим дождём, намочившим их обоих. Как бы то ни было, им было не очень комфортно в компании друг друга.

Они достигли опушки Зачарованного Леса за три часа до рассвета. Здесь, далеко на востоке, дождя не было, но температура была не такой мягкой. Это была ещё одна примета приближающейся зимы. За несколько минут Малак нашёл подходящую поляну. Они спешили, и он привязал лошадь, а затем начал разводить костёр. Он надеялся, что они были достаточно далеко от логова Чёрной Школы, чтобы избежать преследования.

Лина дрожала, она стояла и наблюдала за мужем, холод «кусал» её израненное лицо, всё ещё бывшее в порезах и кровоподтёках после битвы с Детеном.

«Малак?» тихо произнесла она.

Он не ответил. Она задрожала ещё сильнее. Она знала, что была психически и физически истощена, а её тело вымокло под дождём.

«Малак?»

И снова он будто не замечал её. Из его пальцев начали высккивать искры, и костёр загорелся. Лина гадала, что с ним не так. Его серебристые глаза лишали её присутствия духа, отделяя его от всего, включая её саму.

«Дело во мне, Малак? Я сделала что-то не так?»

Он повернулся, будто услышал её впервые. Внезапно она поняла, насколько он был поглощён мыслями.

«А? Нет. Нет, конечно, нет», сказал он. Он заметил, что она дрожит. «Ты замёрзла. Подойди сюда».

Он расстелил на земле около костра несколько одеял.

«Тебе следует снять эту одежду», сказал он. «Она промокла насквозь, и ты бледна».

Она медлила, будто эта просьба исходила от незнакомца, а затем кивнула. Она стянула через голову изорванную одежду, оставшись в нижнем белье, и прилегла. Его взгляд на мгновение задержался на её теле, а затем он смущённо отвёл глаза в сторону. Он накрыл её двумя тяжёлыми одеялами и лёг рядом с ней. Он уныло вздохнул.

Лина повернулась на бок, лицом к нему. «Это Детен, да?»

На губах Малака появилась грустная улыбка. «После всего этого времени ты всё ещё хорошо меня знаешь».

Когда они покидали логово Чёрной Школы, она заметила, что он остановился - они оба слышали массивный обвал, убивший Детена.

«Ты огорчён его гибелью?» спросила она. «Знаешь, он бы там убил нас обоих, если бы ты не...».

Между ними в воздухе повисла мысль о полу-одержимости Малака.

«Может быть. Но Детен не мог измениться. Теперь я это понимаю. И он действительно думал, что был прав, что Цель, перед которой он преклонялся, избавит нас от зла».

«Но его методы!»

«Знаю. Но Детен всегда был невероятно упорным и настойчивым. А что касается его прошлого, эпизода с Аней...».

Лина повернулась на спину и мгновение молчала.

«Прости, что я никогда тебе не говорила».

Малак лежал на спине и смотрел на звёзды. Они холодно мерцали, абсолютно равнодушные к невзгодам простых смертных. Через какое-то время он снова заговорил.

«Я знал, что есть какая-то скрытая причина твоей ненависти к Детену. Она была слишком сильной и длительной. Ты часто могла испытывать недовольство кем-то, но ничто и никогда не вызывало твоей ненависти. И Retaliator. Тебе он никогда не нравился из-за твоей смерти как Ани от руки Детена. Ты не любила все мечи».

«Михаил», прошептала Лина. «Его звали Михаил».

«Каким он был?»

Совсем как старые друзья Малака, серые белки собрались вокруг костра, чтобы послушать разговор. Их чёрные глаза блестели, частично от света огня, частично - от озорства.

Лина потянулась к руке Малака. Казалось, он не заметил её прикосновения, и она убрала руку.

«Он был хорошим человеком», сказала она. «Почти полная противоположность того, кем он, в конце концов, стал. Он был очень на-

божным, страстно любил Бога. В некотором смысле, он был очень похож на тебя. Но его преданность Богу была абсолютной».

«Должно быть, в ночь его битвы в Бездне с Кронзоном он очень остро чувствовал, что его предали», сказал Малак.

Лина тревожно вздохнула. «Думаю, да». Она снова повернулась к нему лицом. «Ты винишь меня за то, что я не простила его?»

Она видела в мрачных глазах Малака отражавшийся огонь и поляну позади неё. Это лишало её присутствия духа, и она чувствовала себя неудобно.

«О, нет, я не виню тебя, Лина», сказал Малак. «Не больше, чем я виню Детена в том, что он не может простить себя, или избавиться от его ненависти к Кронзону. Но я бы попросил тебя попытаться теперь избавиться от своей ненависти». Он повернулся к ней лицом. «Это не может продолжаться. Это должно прекратиться».

Он впервые встретился с ней взглядом. Она зачарованно и радостно наблюдала за тем, как растворился зеркальный эффект, и ему на смену пришли невероятно глубокие голубые глаза.

«Твои глаза! Они меняются!» вскрикнула она.

Он удивлённо поднял бровь - это произошло неосознанно.

Он улыбнулся. «Похоже, я могу отделить себя от всех, кроме тебя».

Лина улыбнулась, и впервые улыбка появилась и в её глазах. «Я рада».

Простая перемена в его глазах смягчила её тревогу. Это доказывало ей, что это тот мужчина, которого она когда-то любила, и что они всё ещё были связаны. Ей казалось, что сквозь его глаза она видит его душу. Это и воодушевило её, и опечалило, ибо она увидела ужасную пустоту там, где когда-то обитала его душа. И она знала, что где-то в этой тьме была его связь с Лилит.

Малак поднял руку, и прикоснулся пальцами к израненной стороне её лица. И, хотя от этого прикосновения она почувствовала себя неловко, она не попыталась отодвинуться.

«Это сделал Детен?» спросил он.

Она кивнула. «У нас были разногласия. Хотя, я заставила его побегать. Я никогда не забуду его взгляд, когда я нанесла ему удар шестом в пах».

«Не двигайся», сказал Малак.

Он закрыл глаза и направил энергию вниз от своей коронной чакры и через сердечную чакру. Энергия вышла из его пальцев, и воздух вокруг них засверкал белыми искрами. Раны на лице Лины начали растворяться, постепенно исчезнув. Затем он начал направлять энергию прямо в её сердечную чакру, постепенно оживляя её ауру.

«Малак, не...»

«Шшш. Всё в порядке», сказал он. «Сила - единственное, чего у меня сейчас достаточно».

Когда он закончил, на её лице не осталось ни единой ссадины, а из её рук и ног ушла вся усталость. Казалось, что потеря энергии никак на него не повлияла.

Она улыбнулась и пробежала пальцами по его волосам. «Спасибо».

Их глаза встретились. Он отнял её руку от своих волос и поцеловал её.

«Я...» проговорил он, прежде чем передумать. «Нам нужно поспать».

Она передвинулась таким образом, что её тело оказалось над его телом, а её лицо было в нескольких дюймах от его лица.

«Я не устала...».

«Я надеялся, что ты...» Конец фразы он не договорил, их губы слились.

Внезапно осталось одно лишь желание. После разлуки, казавшейся вечностью, их страсть навёрстывала упущенное время. Их поцелуй был долгим и крепким, Лина начала стягивать с него одежду, её движения были настойчивыми. Он разорвал объятия, чтобы помочь ей, его дыхание стало хриплым.

Он скользнул под одеяла, чтобы присоединиться к ней, и они снова поцеловались, их объятия были крепкими и страстными. Он снял с неё бельё, и она тихо застонала от того, что он ласкал её обнажённую грудь. Она задрожала, когда холодная рука опустилась ниже её живота. Затем он остановился и слегка отодвинулся, чтобы посмотреть ей в глаза. Она улыбнулась, и кивнула в знак согласия.

Лина, конечно, была невинна, но она была достаточно возбуждена, чтобы не почувствовать никакой боли от проникновения. Она напряглась и резко задышала, но расслабилась, когда Малак остановился и поцеловал её в лоб. Затем она крепко обняла его, и его мягкие движения доставили ей удовольствие.

Белки сидели и зачарованно наблюдали с широко раскрытыми глазами, перешёптываясь друг с другом, будто они гадали, чем пара занята.

Хотя это был первый опыт и для Малака тоже, ему казалось, что всё совсем наоборот. Будто любовники никогда не расставались - он точно знал, как нужно двигаться, и где прикоснуться к ней, чтобы ей это доставило удовольствие. В конце они вместе вздрогнули и остались лежать, не разнимая объятия.

Через несколько минут они снова занялись любовью, на этот раз энергично и сладострастно. Затем они уснули, но перед рассветом снова соединились, в этот раз их движения были нежными и ласковыми. Когда убывающая луна постепенно утонула за западным горизонтом, слабый

ветер разнёс по лесу тихие стоны Лины.

☆☆☆

На следующий день большую часть утра они пролежали, прижавшись друг к другу. Они оба мало спали этой ночью. Голова Лины лежала на груди у Малака, её рука обвилась вокруг него. Однако он знал, что они не могут лежать так весь день, как бы им этого ни хотелось. У него в голове были вопросы, требующие его внимания.

«В чём дело?» спросила его Лина, она всё ещё лежала с закрытыми глазами.

Малак с удивлением обнаружил, что Лина с поразительной точностью могла ощущать его сокровенные чувства. Казалось, что их долгая разлука никак не повлияла на её интуицию.

Он вздохнул. «Это Кассиус, Лина. Он был ранен солдатами Детена, когда тебя похитили».

Она резко открыла глаза, и устало посмотрела на него. «Я не знала. Он серьёзно ранен?»

Он слышал в её голосе беспокойство, и его это немного успокоило.

«Рана была смертельной. Когда я уехал, ожидали, что он умрёт через пару дней».

«Тогда он может...».

Малак кивнул и она приободряющее обняла его. Его неземные серебристые глаза безучастно смотрели в полуденное небо. Она видела в них отражавшийся ярко-розовый цвет.

Он на мгновение затих, прежде чем сказал: «Знаешь, меня беспокоит кое-что ещё. Перед тем, как я вернулся в Энию, Галан сказал мне...».

«Ты встречался с Галаном?!» перебила его Лина.

Он вдруг понял, как много они не знают друг о друге. После одной ночи почти казалось, что они никогда не расставались. Лина найдёт поразительными те части его жизни, которые он просто воспринимал, как что-то само собой разумеющееся.

«Да, я знал Галана», сказал он. «Но это сложно объяснить. Я заполню для тебя эти пробелы позже».

Она кивнула. «Итак, что он тебе сказал?»

Малак вздохнул. «Он сказал, что если я буду на Энии в Тёмную Луну, то Лилит прорвётся сквозь мой разум. и полностью проявится».

Выражение лица Лины стало серьёзным. «Я думала, что теперь ты держишь её под контролем».

«Нет. Это лишь осколок, обитающий внутри меня. В Тёмную Луну вся её сила попытается вырваться».

«Потому что в Тёмную Луну её сила очень увеличивается», ска-

зала Лина, понимая, что Галан был прав. «Но сегодня как раз Тёмная Луна. Если она вырвется, весь план будет уничтожен. Цель Детена будет достигнута даже после его смерти».

Малак кивнул. «Как я вижу, я ничего не могу сделать».

«У нас никогда не бывает простых проблем, правда?»

«Да».

«Я имею в виду, что многие любовники разлучаются самое большее на несколько месяцев, если не повезёт, то на несколько столетий», произнесла Лина. «Мы были разлучены на тысячу лет и несколько измерений! А теперь это!»

Малак засмеялся и притянул её поближе; когда они были вместе, эта проблема каким-то образом казалась не такой серьёзной, хотя это была опасная иллюзия. Несколько мгновений они молчали, а затем Лина снова заговорила.

«Разве нет способа остановить это?»

«Не думаю. Галан сказал, что я должен победить Лилит в Небесной Башне. Это единственный способ. Если она попытается прорваться, ничто на Энии не сможет сдержать её силу».

«Ничто?» нахмурилась Лина. «Должно быть что-то?»

Они смотрели друг на друга несколько секунд, прежде чем одновременно поняли.

«Розовый Круг!»



Пара провела в Розовом Круге три дня, в ожидании новой луны. Всё это время они заново познакомились друг с другом, духовно и физически. К концу третьего дня они снова знали друг друга так же, как знали сами себя.

За это время Лилит никак не проявила себя. Малак знал, что если бы она попыталась прорваться, то это разорвало бы его из-за масштабов её силы. Он чувствовал её движение глубоко внутри себя, намного ниже его сознания и разума. Но больше ничего не происходило. Он знал, что она ждёт, когда он выйдет из защитного укрытия- она знала в точности, где он.

Тёмная Луна прошла сравнительно спокойно. Хотя на её пике появился кислотный красный туман, в Розовый Круг эта субстанция не проникла. Точно так же в Круг не прошли и волкоподобные жители леса, охотившиеся ночью. Сквint появлялся время от времени в течение этих трёх дней, и умолял Лину спеть для него.

Путь от Зачарованного Леса до Софии занял у Малака и Лины четыре дня. Всё это время на уме у Малака была только одна мысль - о состоянии Кассиуса.

Желания человека ограничены его чувствами: никто не может желать того, чего он не в состоянии чувствовать.

- William Black

Эния



Город София

32

Малак и Лина спешили, достигнув Софийского дворца. Сразу стало ясно, что что-то было не так; атмосфера была нездоровой, и казалось, что она влияла на всех вокруг.

Малак нахмурился, их никто не встретил. Мысль о том, что он может снова потерять своего отца, была невыносима.

Лина положила руку ему на плечо. «Это не означает, что произошло самое худшее», сказала она.

Малак мрачно кивнул, но его поспешная походка выдавала глубокую тревогу. Пара быстро пошла в направлении спальни Кассиуса.

Около комнаты стояли двое солдат-стражников. Они увидели приближавшихся Малака и Лину. Малак не сказал им ни слова. Он должен был сам увидеть Кассиуса, живого или мёртвого.

Малак ощутил ауру отца прежде, чем его глаза узнали старого воина. Кассиус был по-прежнему прикован к постели, но ему хватило силы, чтобы сидеть. Он отложил книгу, которую читал; он по-прежнему держал себя в руках, несмотря на огромную радость в его глазах.

«Малак! Я ждал вас обоих».

Малак прошёл вперёд и без слов обнял отца. Лина наблюдала за ними, её глаза радостно блестели; она знала, как много Кассиус значил для её мужа.

«Я боялся, что ты умер», сказал Малак, наконец ослабив объятие.

«Я не мог оставить тебя во второй раз, Малак. В этой жизни преждевременных расставаний не будет». Он посмотрел на Лину. «Для любого из нас».

Лина обняла рукой мужа. Кассиус вопросительно взглянул на неё.

«Ну что, прощён ли я также и тобой?» спросил он.

«Какую бы боль ты ни причинил Малаку прежде, сегодня ты про-

щён», сказала Лина. Она наклонилась и поцеловала Кассиуса в щёку. «Я никогда не знала своего отца. С сегодняшнего дня ты будешь как отец и для меня тоже».

Кассиус улыбнулся, и впервые его улыбка казалась совершенно естественной.



В ту ночь Малак и Лина занимались любовью дважды, но после этого Малак будто отстранился. Это задело Лину. Хотя он отзывался на её действия и слова, разум его был сосредоточен на чём-то другом.

«В чём дело, Малак?» спросила она через некоторое время, её голос раздражённо звенел.

Он вздохнул. «Это она».

Лина нахмурилась. «Лилит?»

«Она здесь».

По позвоночнику Лины прошла дрожь. «Она не может быть здесь.

Я бы почувствовала её. Кроме того, приближается Полная Луна, её сила будет слаба».

Малак пробормотал: «Она здесь. И она злорадствует».

Глаза Лины сузились, и она пристально осмотрела комнату, обильно залитую лунным светом. Казалось, что всё на своём месте; хотя, могла ли она так же ощутить этот осколок нездоровой силы? Как всегда, там, где проходили астральные сущности, воздух мерцал, но казалось, что здесь присутствует что-то ещё, что-то более страшное, чем безобидные астральные существа.

Малак лежал на спине, бесстрастно смотря в потолок. С момента своей трансформации он потерял, или преодолел, способность испытывать страх. Теперь он желал только мира и был бесстрастен. Он знал, что для того, чтобы нанести поражение Лилит, его смертной воле придётся сразиться с волей вечного существа, с тёмной богиней безмерной силы. Он видел мало шансов на успех.

Лина выскользнула из-под одеяла и надела домашний халат.

Теперь она была уверена в том, что Малак прав. Что-то бесспорно зловещее медленно двигалось у дальней стены. Но там ничего не было видно.

Она осторожно подошла к стене, ища источник своей тревоги. Была только одна возможность - зеркало. Она посмотрела в него, Малак встал сзади.

Она почти ожидала увидеть ужасное видение или привидение банши (прим.переводчика: фольклорный персонаж - привидение-плакальщица, чьи завывания под окнами дома предвещают обитателю этого дома смерть), но там не было ничего, кроме её собственного отражения, окрашенного восковой луной в серебристый цвет. Когда за ней

показалось отражение Малака, она поражённо вскрикнула. Вместо его лица в зеркале отражалось лицо женщины, одна сторона которого была невероятно красивой, а другая - как у трупа, покрытая личинками. Глаза были тёмно-фиолетовыми, а взгляд невероятно сильным и отталкивающим, их злоба и враждебность внушали страх. Лина заставила себя не двигаться, борясь с порывом отпрянуть от мужа. Она знала, что образ в зеркале был ложным; из-за сильной луны, это был единственный способ, каким Лилит могла явиться перед ними. Сильный страх охватил Лину, когда в голове пронеслись образы из времени, проведённом ею в Клиппоте.

«Здравствуй, моя игрушка», произнесла Лилит, её голос был одновременно мягким и сиплым, она улыбнулась улыбкой соблазнительной и отвратительной.

«Что тебе нужно?» спросила Лина, у неё вдруг пересохло горло. Она могла лишь в ужасе смотреть на образ перед ней.

Лилит хихикнула, этот звук контрастировал с её зловещими, страшными глазами.

«Разумеется, свобода. Я хочу Энию. И возвращение моих любимых игрушек».

Лина задрожала от ужаса, но её успокоил тот факт, что голос исходил прямо из зеркала. Малак стоял позади неё, его рука для верности обвилась вокруг её талии. Его чужие, зеркалоподобные глаза смотрели на образ Лилит с презрением.

«Я иду за тобой, Демон», сказал он ровным голосом. «К Тёмной Луне я достигну Небесной Башни».

Лилит бессердечно улыбнулась. «Бедное дитя. Ты всё сделаешь именно то, как я хочу. Попытайся добраться до Башни, и исчезнешь в Вирмспайнских Горах. И тогда твоя душа будет вечно обитать в моих владениях. Не делай ничего, и я прорвусь сквозь твой разум в Тёмную Луну. И твоя душа снова будет вечно пребывать в Клиппоте. Спасенья нет».

«А если я доберусь до Башни, чтобы бросить тебе вызов?»

Архи-Демон хихикнула. «Ну, это будет интересно. Подумай о пытках, которым я могу тебя подвергнуть. Помни, что теперь Башня - моё владение. Ты бросишь вызов моей полной мощи, которую не может победить ни один смертный. Есть только одна сила больше моей, и это Лорд Кронзон. Видишь ли, Малак, невзирая на твоё решение, в моих владениях ты будешь в ловушке. Для твоей души нет никакой надежды».

Малак пристально посмотрел на неё. Их нечеловеческие глаза столкнулись в состязании воли. Он знал, что не мог надеяться на победу в этом ментальном противостоянии - он уже чувствовал, как её сущность сокрушает его. Но он никогда снова не покорится.

Лина поняла, в чём трудность ей мужа. «Лилит?» сказала она.

«Да, дорогая моя?»

Лина подняла правую руку. «Иди к чёрту».

Зеркало взорвалось под воздействием магии Лины. Лилит за-рычала, раздался страшный, чудовищный звук, но через секунду сила Архи-Демона рассеялась.

Лина повернулась к мужу, и крепко его обняла, чуть не сломав ему бёдра. «Я иду с тобой», сказала она.

Малак знал, что спорить с ней бессмысленно. Она была невероятно упрямой, и, если она приняла решение - переубедить её было невозможно.

«Этого не избежать. Я должен идти», сказал он. «Даже если бы Энии не грозила опасность, я должен победить её. Пока я не верну свою душу, я буду лишь тенью. Внутри меня не осталось ничего, кроме пустоты».

Лина кивнула. «Я знаю. Мы столкнёмся с этим вместе».

«Нет. Ты можешь пойти со мной, но только я могу встретиться с ней лицом к лицу. Один». Его задумчивые глаза решительно блеснули.

Как бриллиант нельзя отполировать без трения, так и человек не может совершенствоваться без испытаний.

- Китайская пословица

Огонь — это проверка для золота; несчастья — проверка для сильного человека.

- Lucius Annaeus Seneca

Эния



Город София

33

В ту ночь Лина и Малак больше не спали. Время прошло в приготовлениях и упаковке запасов для предстоящей поездки. Они планировали отправиться в путь на рассвете, но когда Малак пошёл сообщить об этом Кассиусу, старый воин настоял на том, что их должен сопровождать небольшой эскорт. Малак не поддерживал эту идею, но он вынужден был признать, что понятия не имеет о том, какие опасности скрываются в Вирмспайнских Горах. Он неохотно согласился с тем, что Кира и два дворцовых стражника поедут с ними. Баст приглашение не требовалось, она отказалась покинуть Малака.

Пару лошадей взяли для перевозки припасов и снаряжения для холодной погоды, а Кассиус в ожидании их отправления сделал несколько снежных мешков. Вирмспайнские Горы, когда-то относительно тёплые и гостеприимные, теперь были постоянно укрыты под толстым слоем снега. Температура там была очень низкой, и некоторые проходы оказались непроходимыми. Хотя изредка там встречались люди, никто никогда оттуда не возвращался, так как горы изобиловали демонами.

Группа отправилась в путь почти в полдень. Все пять всадников выбрали крепких скакунов из королевских конюшен - лошадям потребуются фантастическая выносливость в заснеженных горах. Кроме всадников, лошади ничего не везли - весь дополнительный груз был погружен на одну из пары лошадей. Малак предвидел сложный и длительный путь, и он не хотел, чтобы припасы закончились.

Расставание с Кассиусом было для Малака эмоциональным, потому что именно он, как Танака, дал Малаку подготовку, необходимую для того, чтобы достичь успеха в предстоящей битве.

«Ты готовился к этому всю свою жизнь, Шадрак. Не подведи себя теперь», сказал Кассиус. «Когда-то я сказал тебе, чтобы ты никого не

боялся, но то, с чем ты теперь столкнёшься, - зло, которое мы не в состоянии постичь. Лилит так же стара, как и само Древо Жизни».

Малак кивнул. «Я никого не боюсь, Кассиус. И ничего не боюсь. Всю свою жизнь я бегал в страхе, но больше я этого делать не стану. Возможно, я не смогу справиться с силой Лилит, но она не совладает с моей волей. Я не сдамся, и я не потерплю неудачу».

Кассиус посмотрел на сбивающие с толку серебристые глаза своего сына. «Я думаю, ты прав, Шадрак», произнёс он. «Думаю, ты прав».



Триста миль лежало между Софией и Вирмспайнскими Горами. Благодаря силе лунной фазы, эту часть пути проехали без особых происшествий. На это ушло семь дней тяжёлой скачки лишь с одним непредвиденным испытанием. Из-за ограничения во времени они были вынуждены скакать между городами Miosk и Legth.

Так как после смерти Детена Чёрная Школа находилась в состоянии хаоса, Miosk был вовлечён в интенсивную гражданскую войну. Многие части города были сильно повреждены или горели, а защитные стены в некоторых местах были разрушены. Войска Чёрной Школы прибыли из близлежащего Legth, чтобы помочь своим сторонникам в кровавой схватке. К счастью, Кира хорошо знала эти места, и смогла безопасно провести их между двумя городами. Если группу и заметили, обе стороны остались безразличны к их присутствию.

Когда оба города остались позади, вдалеке заблестели Вирмспайнские Горы, их белые вершины были обманчиво очаровательны. Лишь два дня спустя группа добралась до подножия горного хребта.

С этой точки путешествие стало очень трудным. Нездоровая атмосфера окружала горы, из-за чего группа всадников очень быстро устала. Благодаря своим воспоминаниям об этих горах, и своему опыту жизни среди глубокого снега, Малак был проводником. Он осторожно вёл группу по безопасным дорогам, избегая более быстрых, но и более опасных путей. Лошади быстро устали - лишь пары часов в глубоком снегу хватило, чтобы вымотать их. До Тёмной Луны оставалось только шесть дней. Это беспокоило Малака, но он по-прежнему следил за тем, чтобы лошади часто отдыхали.

Горы были лишены жизни, и группа начала подозревать, что рассказы о нашествии демонов были неправдой. Но они начали находить в снегу странные, тревожные следы. Многие из них казались следами двуногих гибридов, в то время как другие не имели никакого сходства ни с чем из того, что путники видели раньше. Следы были от одного дюйма до более двух футов в величину. Ни один из них даже удалённо не напоминал человеческий.

Ночью лошади очень мучались. Странная атмосфера гор постоянно выкачивала из них силы, и Малак понимал, что они не переживут этого путешествия. Дворцовые стражники также начали проявлять признаки болезни, то ли из-за враждебных условий, то ли от чего-то более зловещего. Малак подозревал, что Лина и Кира тоже страдали, хотя ни одна из них не была готова признать это.

Они спали по двое, укутавшись в снежные мешки, чтобы было теплее. Скроенные по подобию тех, что использовались самураями в Ниппоне, мешки были сшиты таким образом, что давали возможность укрыться под ними от снега. Благодаря многочисленным слоям материала, между которыми был воздух, внутри было тепло и мягко. Малак спал с Линой, двое стражников также делили мешок. Кира спала одна. Она предпочитала мужественно встретить морозную погоду, чем делить с кем-то своё личное пространство.

В течение ночи они слышали, как вокруг лагеря сопели какие-то существа. Баст многих из них отгоняла, но, когда она убегала за одним, появлялись другие. Через какое-то время Малак понял, почему они не нападают. Они ощущали его присутствие, и они знали, что он был един с Лилит. Они боялись его, и они не нападут, пока он здесь. Звуки исчезли перед рассветом, но когда утром Малак и Лина раскрыли свой мешок, оказалось, что ночью лошади были тихо убиты и утащены. След от крови был уже наполовину укрыт падающим снегом.

Вся группа была удручена потерей лошадей, но Малак злился больше, чем остальные: животные умерли в поездке, которую он должен был совершить один. Оба дворцовых стражника утром чувствовали себя намного хуже, и Малак настоял на том, чтобы они вернулись в Софию. Он знал, что они поправятся, как только окажутся по ту сторону горного хребта. Кира возвращаться отказывалась, но Малак был непреклонен в том, что она должна позаботиться о стражниках: возможно, сами они пройти не смогут, а он не был готов рисковать ещё чьими-то жизнями, людей или животных. Кира неохотно согласилась, и Малак приказал Баст идти с ней. Друг семьи зарычала, выражая недовольство, но Малак за неё тоже тревожился. Раны, нанесённые ей Graymist, не заживали, и казалось, что она заболевает, будто демон заразил её какой-то болезнью.

Когда Малак повернулся к Лине, она напряжённо смотрела на него. «Нет», сказала она.

Он пожал плечами. Он знал, что бессмысленно с ней спорить: она была для этого слишком сильна. И он знал, что, если ему за несколько дней не удастся добраться до Небесной Башни, Лина в любом случае погибнет. Он знал, что эта мысль должна привести его в ужас, но он был слишком оцепеневшим, чтобы ощущать какие-то эмоции. На него тоже воздействовали горы. Единственное, что было важно, - добраться до Башни.

Перед тем, как разделить и пойти разными дорогами, группа собрала всё, что осталось в маленьком радиусе от лагеря от припасов и снаряжения. К счастью, большая часть была нетронута. Они разделили провизию, прежде чем холодно попрощаться. Кира всё ещё негодовала из-за того, что должна вернуться - Кассиус сказал ей сопровождать Малака на пути в Небесную Башню. Но Малак был уверен, что принял правильное решение, и у него не было настроения ругаться. Он был достаточно подавлен тем, что Лина продолжит путь; он знал, что она теряет силу.

За следующие пару дней температура упала ещё ниже и усилился ветер. С гор на Малака и Лину валил снег. Часто шёл град, и сила Лины продолжала убывать. Несмотря на то, что он был истощён странной, дьявольской силой гор, Малак не страдал от холода - в Ниппоне ему было хуже. Только благодаря его жизни в Ниппоне они оставались живы.

Ночью они прижимались друг к другу крепче, чтобы было теплее, пытались игнорировать рычащих тварей, рыскающих вокруг снежного мешка. Лина была измучена, и она засыпала почти сразу. Она обнимала мужа для тепла и спокойствия. Они не разговаривали, и мысль о том, чтобы заняться любовью, была невообразимой; их конечности были ледяными и тяжёлыми даже после ночи в мешке.

На протяжении нескольких дней Лина подозревала, что они ненадёжно заблудились. Вирмспайнские Горы были гигантскими, растянутыми на много миль в каждом направлении. Она потеряла чувство времени и направления, а её компас, будто насмехаясь над ними, вертелся на своей оси, когда она пыталась им воспользоваться.

Но Малак был уверен в их курсе. Он обладал врождённым чувством направления, и Лина знала, что должна доверять ему. С каждым днём, приближавшим их к Башне, Малак становился всё более и более замкнутым.

Ночью его преследовали ужасные кошмары, в которых Лилит над ним насмеялась. И хотя он знал, что это были просто сны - Архи-Демон действительно играла с ним. Он просыпался в холодном поту, что-то несвязно бормоча. В такие моменты Лина пыталась прижать его к груди и мягко поговорить с ним, но он отвергал её сочувствие. Он страстно желал встретиться с Лилит раз и навсегда, чтобы закончить эту игру в кошки-мышки, начавшуюся так давно. Когда-то Архи-Демон вызывала у него самый ужасный страх, но он больше не склонится перед ней. Он так хорошо помнил её дьявольские пытки - они были выжжены в его сущности. Но он также пытался помнить слова Галана. Был способ изменить его судьбу, и он найдёт его. От этого зависело спасение Энии.

Малак и Лина были в горах семь дней, когда, наконец, вдалеке показалась их цель. Это произошло вовремя: когда наступят сумерки, над восточным горизонтом поднимется Тёмная Луна. Небесная Башня

виднелась за следующим холмом, высокая, тёмная и запретная. На мили в каждом направлении вокруг неё раскинулась замёрзшая масса озера Mishmar. Его поверхность была укрыта снегом.

Малака беспокоило состояние Лины. Обе её руки были обморожены, и она страдала от начальных признаков гипотермии. Она пыталась воспользоваться своими магическими способностями для создания тепла, но горы забрали все её сверхъестественные силы. Он решил, что устроит для неё снежный мешок перед насыпью из розового кварца, а затем укроет его под снегом, чтобы обеспечить полную изоляцию. Он уговаривал её много есть.

Его расставание с Линой было болезненным. Они так долго боролись, чтобы быть вместе, что казалось ненормальным расстаться даже ненадолго. Учитывая слабое состояние Лины, это разрывало ему сердце.

Он крепко обнял её. «Я люблю тебя», сказал он. Слова прозвучали натянуто.

Она закрыла глаза. «Тогда возвращайся ко мне».

Он поцеловал её, но губы их ооченели, и поцелуй вышел грубый и неуклюжий. Он сжал её в объятиях, прижавшись своей щекой к её.

«Я вернусь. Обещаю».

Когда он отвёл взгляд от неё, его тёмно-синие глаза стали серебристыми. В них отражалась Небесная башня, столб пустоты на ледяном фоне.

Некоторое время ушло на то, чтобы надёжно укрыть Лину под снегом. Он сказал ей не вставать, пока он не вернётся, как бы много времени ни прошло. Он знал, что если его постигнет неудача, у неё тоже не было шансов. Но тогда это уже будет неважно, потому что, если он потерпит поражение, Энии не останется. Это была сильная мотивация для того, чтобы выжить.

Несколько минут Малак простоял у подножия насыпи. Впереди него лежала его судьба, которая вскоре решится раз и навсегда. С самого первого воспоминания его нынешней жизни в каменном круге с Ийзасу Танакой он готовился к этому противостоянию. Казалось, что прошло десять жизней, хотя ему едва исполнилось двадцать лет. Он чувствовал себя ближе к столетнему возрасту.

Когда в него ударил жгучий ветер, его разум сразу же вернулся к действительности. Он вздохнул и начал идти, перед ним на две мили протянулась насыпь. Его хватка была нетвёрдой, но насыпь была достаточно широкой, чтобы он не волновался, что соскользнёт. Его ноги оставляли за собой глубокие следы. Под снегом было несколько дюймов плотного векового льда, твёрдого, как камень.

Башня увеличилась, когда он приблизился, и ему становилось всё тревожней. Вокруг него завывал ветер, чуть ли не сбрасывая его с насыпи. Начал падать густой снег. Он ужасно хлестал его по лицу, затем-

няя его взгляд. Он начал подозревать тайный сговор среди элементов. Он спешил, опустив голову и согнув спину, прокладывая сильными ногами путь сквозь бурю. Он ощущал, как вокруг него с любопытством кружатся эфирные существа, их сущность была даже холоднее, чем ледяная пустыня вокруг них. Никто раньше не осмеливался посягнуть на Башню. Кто-то пытался, но никто не выжил в горах. Они возбуждённо вращались вокруг Малака, шепча что-то на незнакомом, тайном языке, который ещё больше охладил его кровь. Но он не показал страха, и это защитило его - на всех уровнях существования отсутствие страха было мощным отпугивающим средством.

Теперь Малак бесконтрольно дрожал; температура была намного ниже, чем даже он мог вынести. Холод проникал сквозь его одежду и плоть, заставляя его кости коченеть. Он был настолько окостеневшим, что казалось, будто острый порыв ветра разобьёт его тело вдребезги.

Вдруг он остановился, ощутив лёгкое дрожание теплоты, шедшей сверху. Он поднял голову и, сощурившись, всмотрелся в снежную бурю. Снег жалил глаза, но он каждый раз заставлял их открыться, пробираясь вперёд. А затем он увидел его, мерцающего в воздухе почти в футе от себя. Это был барьер, окружавший Небесную Башню, граница, отделявшая её от Энии. Башня всегда существовала на плане, слегка отдельно от Энии, а барьер был точкой перехода. Когда он прошёл его, он был уже не на Энии.

Хотя он ничего не видел, он каким-то образом почувствовал, что над горизонтом поднималась Тёмная Луна. Эния дрожала, и он ощутил внутри движение чего-то чрезвычайно могущественного, существа, по сравнению с которым осколки Лилит, владевшей им, казались маленькими. Он понял, что это внутри него поднимается ото сна вся мощь Лилит.

Он шёл, спотыкаясь, вперёд, сквозь барьер.

Перемена была мгновенной. Ветер и снег в один миг исчезли, и он остался стоять перед Небесной Башней, которая была теперь лишь в тридцати футах от него. Она поразила его своим размером и величием. Её поверхность была чёрной, идеально гладкой и безупречной. Она ничего не отражала, несмотря на свой отполированный внешний вид, и казалась скорее дырой в реальности, чем материальным строением.

Ещё более впечатляющим был пейзаж, окружавший Башню. Небо имело ярко-красную окраску, а земля была коричневой и засушливой, как выжженная пустыня. Область за пределами барьера исчезла - там была только чернота. Земля вокруг Башни висела в бесконечной пустоте.

Малак услышал ужасный крик. К нему присоединились другие голоса, создав жуткую какофонию. Малак знал, что они принадлежали Белым Адептам, которых он давным-давно неумышленно заключил.

«Добро пожаловать, моя игрушка».

Последний голос был женским, но сильным и гулким, заглушавшим все другие звуки. Малак тотчас понял, что это Лилит.

«Как ты смел, но, увы, как глуп, Малак. Ты сейчас можешь повернуть назад, но если ты войдёшь в Башню - надежды на возвращение не будет».

Малак задержался лишь на мгновение, прежде чем двинуться по направлению к дверям Башни. Уродливые прислужники Лилит поспешно уходили с его пути, пока он приближался. Они были невероятно нелепыми, но каждый был совершенно уникален. Хотя у них у всех были одинаковые особенности - острые зубы, когти и нездоровые тела, ни один из них не походил на другого. Малак обращал на них мало внимания. Это были создания Лилит, выполнявшие любую её прихоть, но он был соединён с Лилит, а они не посмеют напасть на свою собственную хозяйку. Ему дали пройти.

Несколько секунд у него ушло на то, чтобы вспомнить пароль для дверей Башни, так как у него очень долго не было случая использовать его. Серебристая пентаграмма, обычно невидимая, вспыхнула, и двери покорно раскрылись.

Коридор был освещён факелами. Чувствовался сильный запах разложения. Прямо у дверей он заметил тела двух стражников. После того, как Чёрная Школа напала на Башню, он не похоронил погибших, и теперь это висело тяжким грузом на его сознании. Некоторые маги были до сих пор в Башне, как в ловушке - после физической смерти астральная форма оставалась привязанной к физическому телу в призрачном состоянии в течение нескольких дней, а иногда и дольше. Неофиты и Адепты были практически захвачены в пределах владений Лилит.

Чувство вины охватило Малака, но он так долго с ним жил, что отказывался позволить ему себя отвлечь. Он знал, что может никогда не покинуть это место, если не нанесёт поражение Архи-Демону. Эния теперь находилась в фазе Тёмной Луны, и Лилит сможет прорваться сквозь его разум, уничтожив план и проникнув в Иесод. Нет, он не мог уйти. Кроме того, ему было нечего терять; своей души он уже лишился. Он вошёл в Башню.

«Да, Малак. Тебе нечего терять», прошептал ему голос. «Но подумай о той боли, которую ты испытываешь...».

А затем он увидел её, стоящую перед гигантской мраморной лестницей, уходящей вверх к высотам Башни и вниз, к её глубинам. Её аура была такой сильной, что на неё было больно смотреть, но эта не была аура света. Это было что-то похожее на свет, но более зловещее; хотя её было видно, она не давала освещения.

Малак пошёл вперёд. Когда-то Лилит внушала ему ужас, но он никогда снова не покорится этому страху. Из всех мест во вселенной это была та область, в которой он не мог сбежать от неё.

«Ты прав, игрушка моя», промурлыкала она. «В этом месте я всесильна. Никто не осмелится скрестить со мной мечи. Скажи, Малак, зачем ты здесь?»

«Я пришёл бросить тебе вызов за возвращение своей души, Демон».

Лилит засмеялась, изданный ею звук способен был растворить уверенность любого соперника. «Тогда выйди вперёд и брось мне вызов, малыш».

Малак сердито взглянул на неё и подошёл к ней, готовый к удару молнии, которую она наверняка метнёт в него. Лилит изумлённо наблюдала за ним.

Через несколько секунд Малак понял, что воздух становится более вязким. Он замедлил его, постепенно приняв структуру воды. Он давил сильнее, напрягая ноги, чтобы продвигаться дальше. Но воздух, ставший похожим на гель, отодвигал его назад, к входу в Башню. Несколько минут Лилит весело наблюдала за тем, как он боролся, а затем сдался и был выброшен из Башни.

Он слышал у себя в голове голос Лилит: «Ты здесь беспомощен, малыш. Всё, что здесь, случается, исходит от меня».

Он стоял перед Башней, глубоко дыша. На алом небе он увидел круг Тёмной Луны. Теперь для него не было пути назад в Энию.

«Возвращайся, Малак. Возвращайся в Энию по собственной воле. Альтернатива этому - боль. Боль за болью. А затем я сама выброшу тебя из этого места в Энию».

«Никогда!» прорывал он. «Я не предам тех, кто верит в меня».

В голове послышалось хихикание Лилит. «Посмотрим».

Земля перед Малаком внезапно разверзлась, и оттуда стремительно выскользнул гигантский змееподобный дракон. Его чёрная чешуя мерцала в алом свете, как броня. У него на голове было несколько сло-манных желтых рогов, а его глаза горели чудовищным красным светом. Когда он открыл рот и оглушительно прошипел, Малак увидел ряд ужасных зубов; они были расположены в несколько слоёв, каждый длиной более фута. Змеиный язык то показывался снаружи, то исчезал внутри рта, с которого стекала дымящаяся слюна. Резкий, едкий запах соляной кислоты оглушил Малака, и он заткнул рот от зловония.

Он отошёл назад от чёрного дракона, его глаза расширились от страха. Чудовище гипнотически покачивалось в воздухе. Он неистово осмотрелся. Бежать было некуда. Только Башня предлагала обещание защиты, но дракон закрыл проход к убежищу. Приняв решение, он твёрдо встал на земле и вызывающе посмотрел на эту мерзость. Несмотря на ужас, который внушал ему дракон, он отказался бежать.

Дракон набросился, атакуя, как кобра. Двигаясь почти слишком быстро для того, чтобы за ним последовать, он схватил Малака, как тряпичную куклу, его зубы пронзили плоть, и кипящая кислотная слюна

начала сдирать кожу с тела ронина. Он закричал, почувствовав, как прокалываются его органы, по лицу потекли слёзы. Затем чудовище опустило свои челюсти на землю, разбив его тело.

Мгновение спустя Малак материализовался на земле, всё ещё с криком. Он лежал там, стиснув зубы, ужасная боль медленно уходила.

«Видишь, Малак», услышал он голос Лилит, «здесь ты не можешь умереть. По крайней мере, надолго. Нет предела той боли, которую тебе придётся терпеть, прежде чем ты сдашься». Змееподобный дракон поднялся над ним, готовый снова нанести удар. «Не хочешь ли ты пересмотреть своё решение? В прошлый раз всё произошло быстро, но в этот раз...».

Малак косо посмотрел на чудовище, и увидел его холодные глаза, светящиеся желанием.

«Иди к чёрту!»

Он услышал смех Лилит. «Боюсь, что ты уже у него, малыш».

Казалось, что дракон смеётся, его внушающая ужас улыбка обнажила варварский ряд зубов. Чудище приблизилось, и снова схватило Малака, на этот раз целиком проглотив его.

Он упал в черноту, скользя по липкому пищеводу. Всплеск, и он погрузился в кипящую кислоту, которая содрала его кожу и веки, причинив муки более тяжкие, чем любое обжигающее пламя. Он открыл рот, чтобы закричать, но кислота начала вливаться внутрь, сжигая горло, и приближаясь к его лёгким.

Казалось, что он лежал в животе чудовища вечно, медленно утопая и растворяясь. Наконец он умер, когда его сердце и лёгкие были полностью сожжены. Некоторое время спустя он пришёл в сознание, он снова лежал на земле. Он едва мог двигаться; память о смерти была такой ужасной, что он просто лежал там в состоянии шока.

«Нет, Малак», услышал он шёпот Лилит, «в безумии нет спасения. Ты сделал выбор, и ты столкнешься с последствиями в полном сознании. Видишь ли, здесь смерть не имеет значения. Это - продолжение Клиппота».

Малак застонал, и его охватила беспомощность. Он понятия не имел о том, как бросить вызов Лилит, но одно было ясно: она была слишком сильной для прямого столкновения. Он посмотрел на границу, разделявшую её владения от Энии. Один шаг сквозь неё, и его пытки закончатся. Но он знал, что это было мучительной иллюзией. Он не мог пересечь барьер, так как луна всё ещё находилась в своей тёмной фазе.

Он посмотрел на небо, и у него забрезжила надежда. Луна продвинулась по небу на некоторое расстояние: прошло почти четыре часа с тех пор, как она поднялась. Он понял, что у него ушло значительное количество времени на то, чтобы вернуться к жизни после того, как он был здесь убит. Это означало, что Лилит могла убивать его только огра-

ниченное количество раз.

По крайней мере, она не контролирует время, горько подумал он. Он поднялся, и проверил своё тело. Оно казалось нетронутым двумя его жуткими переживаниями смерти. Только его разум был поражён. Он знал, что такова была тактика Лилит, сломать его разум, подвергая пыткам его тело.

На его лице появилась гримаса. Мой разум подчиняется мне. Он сломается только если я это позволю.

Он снова пошёл к Башне. Чудовищный дракон пропал, и там не было ничего, кроме жуткой, зловещей тишины. Теперь, когда у него было какое-то время подумать, он вспомнил указания, данные ему Галаном. Он должен добраться до подземной комнаты в Башне. Именно там он потерял свою душу, и именно там он должен каким-то образом вернуть её назад.

«Иди ко мне, Малак. Иди!» прозвучал требовательный голос у него в голове.

Он пошёл быстрее, его решимость снова была тверда. Он выгнал из разума чувство страха, прогоняя воспоминания о драконе. Он сосредоточил свой разум только на настоящем, не позволяя туда проникнуть ничему другому, кроме его цели: он должен добраться до подземной комнаты в Башне.

Пока он шёл, он понял, что Башня не становится ближе. Он начал бежать, но Башня отступала от него, двигаясь быстрее и быстрее.

«Сдавайся, малыш. Ты никогда не доберёшься до неё!» прошептала Лилит.

Он побежал быстрее, направляясь к своей цели. Башня продолжала двигаться, всегда отодвигаясь, но никогда не пропадая из его вида. Она была дразняще недоступной. Он знал, что Лилит никогда не позволит ему дойти до неё, но сдаться он отказывался. Он равномерно и ритмично двигался, пробегая милю за милей по холодной, невыразительной пустыне. Ничто не пыталось помешать ему, пока он бежал, но он знал, что за ним наблюдают. Лилит была очарована его поведением. Часы следовали один за другим, но ничего не происходило. Башня продолжала отступать перед его усиленным приближением. Для Малака существовал только равномерный, монотонный ритм бега. Цель - он должен добраться до подземной комнаты в Башне.

Через несколько часов он понял, что неподалёку от него плавно движется фигура. Ему не понадобилось поворачиваться, чтобы почувствовать мощную сущность Лилит. Она была на расстоянии удара от него, но он не стал расходовать энергию на бесполезное действие. Он сосредоточился на беге, не обращая никакого внимания на Архи-Демона.

«Почему ты продолжаешь бежать, зная, что никогда до неё не доберёшься?» спросила она с неподдельным любопытством в голосе.

«Я...доберусь...до...Башни», проговорил Малак сквозь стиснутые зубы. Его лёгкие, которые сжимали спазмы, горели, они были настолько пропитаны молочной кислотой, что казались свинцовыми. Только его самурайская подготовка позволяла ему двигаться дальше. С точки зрения позиции луны, он бежал уже почти семь часов.

«Но зачем? Усилия тщетны. Если я не позволю, ты никогда не доберёшься до Башни!» Казалось, Лилит раздражало отсутствие в его действиях логики, будто она должна была понимать каждый его мотив.

Вдруг Малак начал хохотать, несмотря на то, что это причинило боль его изнурённому телу, и вызывало неудержимый хрип.

«Что смешного?» Лилит не выглядела весёлой.

Малак снова засмеялся. «Нет. Просто...я буду....бежать бесконечно. Я не...буду съеден или...растворён». Он опять начал смеяться, почти задыхаясь собственной мокротой. Ощущение победы над Лилит было таким приятным, что он не мог заставить себя замолчать, и не говорить об этом ей. Он повернулся, чтобы взглянуть на неё, и ухмыльнулся, предполагая, что этот жест будет как можно более раздражающим.

Пурпурные глаза Лилит потемнели от гнева. Она улыбнулась в ответ страшно и зло, что заставило Малака пожалеть о своей дерзости.

«Увидим, как сильно ты хочешь добраться до Башни», злобно прошипела она.

Внезапно Малак обнаружил, что он снова у границы владений Лилит. Несмотря на это, Небесная Башня была ближе, чем она есть. Лилит закончила свою шараду. Малак, пошатываясь, остановился и упал на землю. Он захрипел, попытавшись восстановить дыхание. Через несколько секунд его вырвало и он остался лежать, полностью истощённый.

«Иди, Малак. Иди ко мне», прошептала Лилит у него в голове.

Он застонал, и посмотрел вверх. Протянувшись оттуда, где он лежал, к дверям Небесной Башни, из земли жадно выскакивало синее пламя. Он почувствовал сильный жар на лице. Пламя растянулось по всей ширине безрадостной пустыни; вокруг не было никакого пути.

Он протянул руку к пламени, и отдернул её назад. Огонь был достаточно сильным, чтобы мгновенно уничтожить всё живущее. Посмотрев на луну, он понял, что она близка к западному горизонту. Он слабо усмехнулся и подтолкнул себя вперёд, в пламя. Горячий жар охватил его тело. Он закричал во всю глотку в агонии, прежде чем чернота поглотила его.

Когда Малак снова пришёл в сознание, он лежал на земле, над ним стояла Лилит. Луна исчезла с запада, и теперь парила над восточным горизонтом. Малак вздохнул. Похоже, у него осталось лишь две ночи, чтобы выжить, так как дни в этом адском месте не существовали.

«Очень умно, Малак. Очень умно».

Он поднялся и устало посмотрел на Лилит. Хотя он был ментально

разбит, его физическое тело снова чувствовало себя свежо и энергично.

«Ты пытаешься потратить моё время», сказала Лилит. «Ты думаешь, что будешь в безопасности, когда пройдёт три дня? Теперь ты должен понять, что твой вызов невозможен - ты потерпишь неудачу. А когда закончится Тёмная Луна, я не позволю тебе просто вернуться в Энию. Нет, ты останешься здесь, чтобы мучиться. А когда наступит следующая Тёмная Луна, ты будешь страстно желать выскочить в Энию».

Малак смотрел на неё с презрением. «Просто позволь мне добраться до той комнаты...».

Лилит улыбнулась и сделала жест рукой. «Пожалуйста, к твоим услугам».

Он взглянул на неё с подозрением, а затем начал идти к Башне. Ничто не пыталось помешать ему до тех пор, пока он почти не дошёл до двери, но потом они с шумом помчались к нему. Люди и демоны, они были семи футов в высоту с ужасным оружием от morning star до боевых топоров.

Малак остановился и ждал. Он бел безоружен, а их было больше десятка, но он знал, что бежать некуда. Битва была короткой, но жестокой, а затем он был изрезан и смертельно избит дубинкой.

«Проблемы?» спросила Лилит, когда он материализовался рядом с ней.

Малак присел от поражения, которое он испытал в битве. Он знал, что не мог продолжать переживать подобные ужасные смерти без повреждения разума. А если Лилит намерена держать его в ловушке, если он не подчинится... .

Он поднялся, его внезапно «ударил» ответ.

«Ты не сможешь выбросить меня из этого места!» закричал он.

Глаза Лилит сузились. «Ты ошибаешься, малыш. Здесь я всесильна».

Малак засмеялся и покачал головой. «Ты не можешь выкинуть меня, потому что здесь моё место! Я - часть тебя!»

Он повернулся к Лилит спиной, прежде чем она смогла ответить, и быстро пошёл к Башне. И снова появились человеко-демоны с поднятым оружием, скалившиеся и ухмылявшиеся его глупости. Малак продолжал идти, его серебристые глаза излучали угрозу.

Существа стремительно приближались. Малак зарычал, и его глаза вспыхнули красным. Когда приблизился первый демон, он прыгнул вперёд с невероятной скоростью, разорвав ему глотку голыми руками. Тот издал жалостливый булькающий звук, и упал на землю. Малак поднял его мечи, и повернулся к его приятелям. Они бесстрашно атаковали, но у них не было никаких шансов. Он разрубал одного за другим, выворачивая плоть и ударами ломая кости. Через полминуты последний демон умер с оглушающим криком.

Малак отбросил его голову, и победно заорал. Звук аплодисмен-

тов Лилит вернул его к реальности.

«Очень хорошо, малыш. Ты использовал осколки моей сущности. Я не могу забрать их у тебя, но помни - это всего лишь осколки, и ничего более. Покажи мне, как ты обойдёшься с этими врагами!»

Малак развернулся и замер, узнав приближавшиеся к нему фигуры. Они все были людьми из его прошлого, и они приближались с поднятыми мечами. Там был Эканар, Yoriie Saito, Gorun Tzan, Кассиус, Dahran и другие, которых он узнал.

«Покажи, как ты сразишь своих друзей, Малак», усмехнулась Лилит.

«Они - не люди, я знаю!» сказал он.

Лилит засмеялась. «Нет, но они - прекрасные копии. Они во всех смыслах именно те, кто ты думаешь. Они живут по собственной воле, но они подчинятся моим приказам».

Призрачные двойники приближались, готовые к атаке, и Малак отошёл назад. Человек перед ним был точной копией Yoriie Saito, которого он видел несколько лет назад обезглавленным. Он был скопирован в каждой детали - казалось, что даже в глазах была сущность кузнеца. Saito выпрыгнул вперёд для атаки, и Малак медлил лишь мгновение, прежде чем отреагировать. Его глаза интенсивно засветились красным, и он разрубил двойника до земли.

Меня не победят твои мелкие шутки, Демон.

Другие клоны бросались на него, но он был слишком быстр и силен. Он уничтожил каждого, каждый раз, когда он лишал следующего из них жизни, на его лице появлялась мука. Но когда перед ним предстал последний двойник, он остановился. Это была Лина.

«Давай продолжай», подстегнула его Лилит, «убей её».

Малак поднял меч, и снова остановился в нерешительности. Лина была одета в белые одежды, а в руках она держала эбонитовый шест бо. Её глаза были такие же тёмно-карие, какими он их помнил, с золотистыми прожилками. Он крутила шестом, приближаясь к нему в атакующей позиции. Малак опустил меч и отошёл назад. Он всмотрелся глубже в её глаза, и, хотя он не смог увидеть разницы, он знал, что это была не его Лина. Он знал её душу, и это была не она.

Лилит заметила, что он это понял. «Это, может быть, и не твоя Лина, Малак. Но убей её, и она настоящая умрёт!»

Малак злобно прошипел: «Ты блефуешь!»

«Наоборот, Малак. Разве Лина не лежит под снегом прямо перед кристаллической насыпью? В горах много подчиняющихся мне существ. Устроить её смерть будет очень просто. Опустить свой меч и вернуться в Энию».

Малак крепко закрыл глаза и опустил меч.

«Правильно, малыш. Подумай о том, что Лина захочет, чтобы ты

сделал. Уверена, что она не хочет умереть».

Малак на мгновение замолчал. «Что Лина захочет, чтобы я сделал?»

Его глаза резко открылись, и он одним ударом обезглавил клона своей жены. Через мгновение он уже бежал к Башне, его меч остался на земле позади него. Он услышал сзади гневный рёв, и мимо него что-то промелькнуло.

Он побежал быстрее, и через несколько секунд уже проходил сквозь двери в Башню. Он замедлился, увидев Лилит, ожидавшую около мраморной лестницы, его единственного способа попасть в подземную комнату. Его глаза сверкали тёмно-красным, и он ускорился, побежав прямо на Архи-Демона.

Когда произошло столкновение, он с болью отлетел на пол, будто она была железной стеной. Она наклонилась к нему, и подняла его за горло в воздух, точно так же, как он много лет назад поступил с Сёгуном Ниппона. Он яростно боролся, чтобы сломить хватку, но его удары отскакивали от её тела, не оказывая никакого эффекта.

«Тебе не нравится твоя собственная терапия?» спросила она, её устрашающие пурпурные глаза проникали сквозь его череп.

Он нанёс последний, отчаянный удар, прежде чем она сомкнула руку, сломав ему шею и горло, и повергнув его в забвение.

Он материализовался в нескольких футах в стороне, по-прежнему внутри основного прохода Башни. Лилит стояла над ним. Придя в себя, он инстинктивно ощупал горло, будто желая убедиться, что оно на месте.

«Скажи мне, Малак, разве ты не покоришься и не вернёшься в Энию? Это становится утомительно».

«Зачем?» сказал он. «Если я соглашусь, ты разрушишь моё тело, тотчас убив меня. Потому что ты обладаешь моей душой, я в любом случае закончу снова в твоих владениях».

Она удивлённо посмотрела на него. «Конечно, это правда. Но что, если я предложу освободить твою душу? Твоя свобода взамен моей. Я освобождаю твою душу, а ты даешь мне проход в Энию».

Малак смотрел на неё с подозрением. «Ты никогда этого не сделаешь».

«Я бы дала тебе своё слово».

«Твоё слово ничего не значит!»

Лилит очаровательно улыбнулась. «Тогда я бы поклялась своим истинным именем».

Он понял, что она говорила серьёзно. «Но эффект от твоего...».

«Ты должен сравнить смерть остальных со своей собственной душой, Малак», прервала его Лилит. «В конце концов, что такое физическая смерть по сравнению с вечными муками за душу».

Он долго пристально на неё смотрел. Её предложение казалось единственным выходом из этой ситуации. Хотя он вспомнил, что подобный выбор он сделал в Небесной Башне более тысячи лет назад.

«Нет! Я не совершу снова такой ошибки!»

Он поднялся, и снова побежал на неё. Она поймала его, в этот раз мягко, но достаточно крепко, чтобы он не смог двигаться.

«Малак, мы долго были вместе», сказала она. «Возможно, теперь пришло время нам соединиться».

Он дико боролся, пока она наклонялась вперёд, чтобы поцеловать его. Его не обмануло потрясающе красивое лицо или соблазнительные губы. Он чувствовал её прикосновение раньше, и это воспоминание было не из приятных.

Когда их губы встретились, Лилит хлынула в его тело, смешивая свою сущность с его. Эта боль была такая сильная, какую он никогда не испытывал прежде. Он кричал и кричал. Его тело разрушалось от силы её сущности, быстро распадаясь на молекулы.

Он снова появился на полу в проходе со стиснутыми зубами от уходящей боли. Он без стыда зарыдал, вырвав на пол.

«Малак, дорогой», сказала Лилит, нависнув над ним. «Не хотел бы ты пересмотреть решение в последний раз?»

Малак посмотрел на неё пьяным взглядом, с его онемевших губ стекала слюна. Его разум пытался прийти в себя.

«Комната», пробормотал он, «пусти меня в комнату».

Лилит зарычала, этот звук прозвучал более угрожающе, чем голос разъярённого медведя.

«Сейчас третий день Тёмной Луны, Малак», сказала она. «Давай посетим комнату. Возможно, когда ты поймёшь тщетность своего положения, ты станешь более сговорчивым».

Она схватила его за волосы, и потащила через проход. Он ворчал, пока она тянула его вниз по лестнице, с каждым шагом ломая ему рёбра. Когда они подошли к укрепленной двери, та взорвалась от одного её взгляда. Она швырнула его в центр комнаты, он приземлился бесформенной массой.

Его истерзанное тело было в синяках и ушибах, но он сразу же поднялся на ноги. Наконец-то он добрался до своей цели. Неважно, что Лилит привела его. Он был здесь, и только это имело значение.

У двери Лилит совершила жест рукой, и комнату сразу осветил мягкий жёлтый свет. Малак осмотрелся. Всё было в точности так, как он запомнил. На земле всё ещё были нарисованы защитный круг и треугольник проявления, остатки его ритуала воскресения Лилит тысячу лет назад. Там было четыре лампы, разбитых на краю круга. В центре стоял алтарь.

Хотя Малак заметил все эти детали, его взгляд был направлен на

предмет, лежавший рядом с алтарём: его меч, Меч возмездия. Он наклонился, чтобы осмотреть меч, в глазах появились слёзы. Лезвие было раздроблено, его голубой блеск угас. Мистические руны, написанные на рукоятке и лезвии, были покрыты слоем пыли, а звёздный сапфир, бывший когда-то сердцем катаны, был теперь пустой и безжизненный, его свет погас навсегда.

«Ты ожидал, что он будет цел?» голос Лилит звучал насмешливо. «Нет, Малак. Меч представляет связь с твоей душой, и он навсегда останется сломанным».

Малак смотрел, не веря своим глазам. Он ожидал, что всё будет так просто, когда он доберётся до комнаты. Разве не так говорил Галан? Но теперь его уверенность была так же разбита, как и меч, который он теперь держал в руках.

«Так значит надежды действительно нет?»

«Никакой», сказала Лилит. «Но сотрудничай со мной, и ты будешь спасён от огромной боли. Третий день почти закончился, Малак. После месяца пыток, проведённого в этом месте, ты будешь страстно желать уйти со следующей Тёмной Луной. Почему не избавить себя от агонии?»

Он бросил на неё взгляд, полный ненависти. «Я никогда не подчинюсь тебе, Лилит. Если я смогу выдержать твои пытки три дня, я смогу выдержать их вечно».

Аура Лилит потемнела от гнева. «Ты думаешь, что можешь спасти этот крошечный план? Ты видишь в себе спасителя, Малак? Тогда я думаю, что твой героизм заслуживает награды. Есть только один настоящий способ умереть для всех спасителей. Возможно, он изменит твою надменность».

Каменный пол позади Малака внезапно затрещал, и большой деревянный крест проломился и встал вертикально. Малака парализовало, его конечности вытянулись в форме креста. Лилит двинула рукой, его отбросило назад и он повис на кресте. Он закричал, когда гвозди проткнули его запястья и лодыжки, прикрепив его к деревянной раме. Кровь потекла из его рук и ног, образуя алые лужи на грязном полу.

Лилит удовлетворённо осмотрела свою работу.

«Теперь ты должен понять, что надежды на моё поражение нет. Не существует способа расторгнуть договор, который ты заключил много лет назад. Только я могу его отменить, а я никогда не удовлетворю твою просьбу, если ты не будешь сотрудничать со мной. Всё очень просто. Отдай мне Энию, и я отдам тебе твою душу».

Малак медленно покачал головой. Сила вытекла из его тела, и его разум оцепенел. Сейчас для него существовало только одно - боль. Но казалось, что это было единственное, что он помнил. Он едва мог вспомнить время, предшествовавшее его входу во владения Лилит, всего

три дня назад.

«Тогда я посмотрю, как ты умрёшь. Но на этот раз это произойдёт медленно, очень медленно. А когда ты будешь мёртв, ты пробудишься в моих настоящих владениях, где пытки находятся за пределами твоего воображения».

Малак провисел на кресте несколько часов, медленно умирая. Его жизни угрожала не потеря крови, а утопление. Его руки находились в неестественном положении, и его лёгкие медленно заполнялись водой. Именно так все жертвы распятия в конце концов умирали.

Лилит смотрела, как из него медленно уходит жизнь. Ужасные видения и галлюцинации захватили его разум, и он почти не замечал, что происходило вокруг. Он осознавал только боль и то, что ему трудно дышать.

Через несколько часов он был близок к смерти, и тогда Лилит тихо заговорила с ним: «Малак, у тебя едва осталась минута на то, чтобы предотвратить свою судьбу. Тёмная Луна почти завершилась. Объединись со мной сейчас же, и ты будешь освобождён от этой пытки, клянусь тебе».

Её голос вернул его к реальности, и он посмотрел на неё сверху вниз своими зеркалоподобными глазами. Он вдруг рассмеялся, звук вышел сдавленным из-за ужасного состояния его лёгких.

Лилит была в ярости. «Что тебя рассмешило, смертный? Ты, в конце концов, потерял рассудок?»

Малак засмеялся ещё сильнее, отчаянно закашлявшись, отчего у него появилась кровавая мокрота. Слова Галана снова вернулись к нему.

«Говори, смертный. Что тебя веселит?!» требовала ответа Лилит.

Малак пробормотал что-то, но Архи-Демон не смогла разобрать его слов. Однако это заставило её сущность содрогнуться от мрачного предчувствия.

«Повтори!»

Малак откинул голову назад и заорал: «И на третий день он восстал!»

Лилит зарычала, и прыгнула вперёд, чтобы сорвать его с креста. Как только она двинулась, на Малака сошёл прекрасный золотистый свет. Комната исчезла и его сознание воспарило в небеса, несомое волной экстаза. Эта волна унесла его боль, страх и все тревоги. Он парил над вселенной, как хищная птица, ему были видны все события и возможности. Он увидел, как соединены все вещи. Был только Один источник, и все вещи проистекали из него. А он был частью этого источника, частью Цельности. Это было то, что никогда не изменится, что бы с ним ни происходило.

С ним заговорили благозвучные голоса, и он понял, что это были тайные Правители Порядка, стражники Белой Школы Магии.

«Малак, ты прошёл все испытания и соблазны. Таким образом, ты вновь обретаешь своё Адептство и связь со своим высшим Я».

Малак открыл рот от удовольствия, когда бесконечная пустота, от которой он так долго страдал, внезапно заполнилась. Он снова стал целостным. Это ощущение вызывало неопишуемый восторг, и стоило миллиона тех пыток, через которые он прошёл. Его испытания были ничем по сравнению с экстазом от его награды.

Золотистый свет постепенно рассеялся, и он обнаружил, что стоит в подземной комнате. Он был перед крестом, а его тело чистым и невредимым. По другую сторону комнаты стояла Лилит, её глаза пылали от ярости.

«Ты заплатишь за это, Малак!»

Она бросилась к нему, дьявольские клыки целились в его шею. Малак поднял руку, и её от него отбросило, будто он был из стали. Она тяжело приземлилась на пол. Он схватил её за волосы и откинул её голову назад, чтобы посмотреть ей в глаза.

Она зашипела и плюнула ему в лицо, но слюна не тронула его.

Малак злобно улыбнулся. «В этом месте ты не имеешь власти». Он схватил её покрепче. «Именем SHADDAI EL CHAI, Бога Всемогущего, настоящим я навечно изгоняю тебя из этого священного места».

Он выбросил ярко-синюю изгоняющую пентаграмму. Лилит закричала, когда та ударила по ней. В тумане зелёного света Архи-Демон испарилась. Когда это произошло, крест дематериализовался вместе со всеми остальными следами её пребывания.

Свет, который она вызвала, погас, но Малак не остался в темноте. Пульсирующий голубой свет освещал комнату. Малак подошёл к источнику, и увидел звёздный сапфир Меча возмездия, горящий лазурным светом. Его лезвие снова было целым. Малак благоговейно взял меч. В его руке он завибрировал от удовольствия.

Его внимание было привлечено объектом, сверкавшим в глубине комнаты. Он пошёл к нему, держа Меч возмездия вверх, чтобы тот освещал путь. Дойдя до предмета, он наклонился, чтобы поднять его. Это была серебряная пентаграмма, эмблема Белого Адепта. Он вспомнил, как отбросил её перед воскрешением Лилит. Он бережно прижал её к сердцу. Он вновь обрёл Адептство, и ничто больше не отберёт его.



Малак выбежал из открытых дверей Башни, и побежал по скользкой вытянутой насыпи. Снежная буря уже почти стихла; зловещая атмосфера гор растворялась.

Он добрался до места, где укрыл Лиину в снежном мешке, и начал яростно копать. Рядом с ним Сквинт материализовался и подпрыгивал от ожидания.

«Лина?»

В ответ провучала смертельная тишина, и вдруг он вспомнил угрозу Лилит.

«Лина!»

Он в панике снова начал копать. Трусливо свистел ветер. Он был уверен, что произошло самое худшее, что Архи-Демон выполнила свою угрозу. Эта мысль ужаснула его - он не мог ждать ещё одну жизнь, чтобы снова воссоединиться со своей любимой.

Он нашёл снежный мешок. Тот казался нетронутым. Его пальцы нащупали застёжки, он быстро расстегнул застёжки и резким рывком открыл мешок.

Лина лежала внутри со смертельно белым лицом.

«Нет, Лина. Давай же!»

Он пощупал пульс у неё шее. Он едва был слышен. Он вытащил её из мешка, взял на руки и прижал к груди. Он понял, что жизненная сила вытекает из её тела. Горы уже не выкачивали её, но она была уже слишком далеко. У неё не было сил восстановиться самой.

Вдруг он вспомнил слова, сказанные им Кассиусу. Это не Теллус. На Энии мы выворачиваем свою собственную реальность.

Он положил тело Лины на снег, и осторожно положил свои пальцы ей на грудь. Он сконцентрировался и направил энергию вниз от своей коронной чакры в тело Лины. Её аура засветилась, она потеплела, её сердце забило сильнее. Она открыла глаза, и Малак обессилено упал назад. Сквинт восторженно подпрыгивал.

Лина легла на снег рядом с мужем. Она пробежала рукой по его волосам и улыбнулась. Малак почувствовал, как внутри него растут эмоции. Он бы снова прошёл через любые страдания, чтобы увидеть улыбку Лины.

«Я знала, что ты это сделаешь», прошептала она.

«Правда?»

«Нет», засмеялась она, «но я три дня лежала со скрещенными пальцами». Выражение её лица стало невероятно нежным. «Я люблю тебя».

Она придвинулась и нежно поцеловала его.

«Я тоже тебя люблю», сказал он, а затем улыбнулся. «Всей своей душой».

Она улыбнулась. «Всё кончено?»

«Да. У нас больше нет врагов».

Она обняла его, и прижалась к нему покрепче. Малак ответил ей тем же, наконец-то он, довольный, лежал в объятиях своей жены.

Природа Магии (The Nature of Magick)

Магия. Слово, ассоциируемое с детскими фантазиями, или иллюзионными трюками фокусников, таких как Paul Daniels и David Copperfield. Слово, вызывающее у современного общества презрение и насмешки по отношению к тем, кто относится к этому предмету серьёзно. Оно относится к сфере сказок и происходит из тех времён, когда подсознание человека было доминирующим, а его рациональный разум ещё оставался на ранней стадии развития.

В настоящее время такое понятие, как магия, кажется нам смешным и чуть ли не отвратительным. У нас есть наука, объясняющая вселенную в понятных, рациональных терминах безотносительно к таким примитивным понятиям, как магия и сверхъестественное. Кажется, что человечество выросло над такими понятиями, отвергнув их, как аспект, мешающий его становлению.

Хотя любопытно, что в нашем высокотехнологичном мире, где всё рационально объясняется, а суеверие изгнано навсегда, многие из нас боятся темноты; удивительно, что, когда комфорт дневного света уходит, и мы остаёмся одни, такие слова, как «призрак», «дух» и «демон» заставляют нас видеть реальность через бурное воображение.

Эта проблема появляется, потому что все мы от рождения верим в магию, что подтвердит большинство психологов. Вне зависимости от нашей профессии или кругозора, у нас у всех есть бессознательное. Этот факт впервые был подтверждён швейцарским психологом Карлом Юнгом. Наше бессознательное всё ещё верит в то, что мы живём в сказочном мире магии - в понятиях, которые мы считаем нелепыми и смешными - и, поэтому, мы никогда не сможем полностью стать скептиками. Наше бессознательное заставляет нас слушать эти фантастические сказки, и именно поэтому эти истории смогли просуществовать так долго. Они - неотъемлемая часть нас; отрицать магию значит отрицать нашу собственную личность.

Есть две основные причины, по которым наш рациональный разум отрицает существование магии. Первая причина - это наука. Наука помогает избавиться от подсознательных страхов внутри нас; она даёт иллюзию того, что мы знаем, что мы есть, и что мы контролируем то, что нас окружает. Это сильный наркотик: люди не выносят чувства беспомощности, хотя, в действительности, мы более беспомощны, чем мы думаем. Мысль о магии - неприятное напоминание о том, как мало мы, на самом деле, знаем.

Вторая проблема нашего восприятия магии заключается в нынешней эпохе, в которой СМИ контролируют почти всю информацию. Общество относится с предубеждением к идеям о том, что такое магия, после

просмотра ловких трюков мошенников, абсурдных репортажей о ритуальных жертвоприношениях, и фильмов, в которых маги бросают друг в друга огненные шары (fireballs) лёгким движением запястья. Но, хотя этот предмет очень обширен, истинная магия не имеет с этим ничего общего. Чтобы отличить истину от сенсационной выдумки, слово «магия» часто пишется, как «magick» (прим.переводчика - в отличие от общепринятого написания этого слова «magic»).

Магия - почти синоним слова «оккультный» (слово, означающее просто «скрытый», и не имеющее никакого намёка на зло, как нас заставляет верить Христианская церковь). В сущности, это знание о людях и их связи со вселенной. Как таковое, может рассматриваться, как предшественник науки (разумеется, математика и химия когда-то считались греховными оккультными предметами, за занятие которыми Церковь сжигала на костре). Однако магия отличается от науки своим подходом. В науке объективные явления первостепенны, а учёный не имеет значения; в магии практикующий - это всё. Центром её доктрины является мысль о том, что мы - духовные существа, имеющие потенциал для того, чтобы развиться намного выше того, какими мы родились. В этом смысле здесь есть сходство с религией, но нет акцента на вере. Принципы чётко и ясно доказуемы для любого человека с открытым разумом, а результаты происходят в настоящем, а не в какой-то отдалённой сфере, когда человек мёртв (хотя магия не отрицает существования таких сфер).

Существует аксиома магии о том, что человек - это миниатюрная копия вселенной: что силы, плывущие сквозь мироздание, можно также найти в душе человека. Есть несколько религий, провозглашающих, что Бог создал людей по своему образу и подобию, но зачастую это понимается слишком буквально, как подобие физическое. В магии считается, что вселенная (или макрокосм) и человек (микрокосм) тесно связаны. Поэтому, если человек способен вызывать определённый аспект своей души, то он может и влиять на соответствующую объективную силу. Это известно, как ответная магия (sympathetic magick), и именно таким образом действуют такие ритуалы, как вызывание дождя (подобные эффекты часто называют природной магией, так как они использовались коренным населением по всему миру).

В Высшей Магии вселенная рассматривается, как состоящая из множества разных планов, взаимопроникающих друг в друга. Физическая вселенная - самая плотная, и единственная вселенная, воспринимаемая большинством людей. Астральный, ментальный и духовный планы также существуют одновременно, но они слишком тонкие, чтобы их распознать. Астральный план - это то, куда мы попадаем всякий раз, когда засыпаем, это место большой эмоциональной силы. Ещё более тонким является ментальный план, в котором сосредоточены наши мысли; над ментальным планом находится план духовный, о котором мало что можно ска-

зять.

Эти планы - объективные реальности вселенной, но они также являются картой нашего бессознательного. Все образы богов, демонов, ангелов и основных героев происходят из этого большого источника, и, таким образом, все люди неразрывно связаны вместе. Эти планы можно представить, как гигантский разум, по сравнению с которым наше сознание развито очень мало, как листья, растущие на дереве. Планы исходят из Kether на Древе Жизни, Источника, который можно рассматривать, как Бога. Планы заканчиваются с физической вселенной и нашими физическими телами в Malkuth. Поэтому человек тесно связан Божественным Разумом и с силами, управляющими физической вселенной; воздействуя на соответствующую часть его или её души, маг может изменять окружающее пространство.

Это объяснение может казаться притянутым за уши, но магия может объяснить многие загадки. При некотором размышлении, можно объяснить сказки, реинкарнацию, предвидение, ясновидение, внетелесный или астральный опыт, сны, телепатию, телекинез, призраков, медиумов, ауру и другие многочисленные явления. Я не привожу здесь никаких фактов, чтобы убедить читателя в этой доктрине; данное эссе слишком коротко, и я не собираюсь убеждать читателя в реальности магии. Моя цель, скорее, в том, чтобы намекнуть на всеобъемлющую космологию, лежащую за всем этим: в конечном счёте, нет необходимости прибегать к вере и суеверию.

Наука постепенно начинает подтверждать эти доктрины, существующие на протяжении тысячелетий. Наука отделилась от оккультизма лишь несколько сотен лет назад. Теперь она начинает возвращаться к своим корням, так как учёные зашли в тупик и недоумевают по поводу последствий квантовой физики. Многими учёными уже принят тот факт, что человеческое сознание может влиять на вселенную на квантовом уровне. Для Эйнштейна в квантовой физике были последствия, которые он отказывался принять, но квантовая теория остаётся основным направляющим светом физиков.

Принятие магической теории будет очень медленным. Так же, как в Средневековье Христианская церковь сжигала тех, кто был против её власти, теперь учёные вовлечены в их собственную «охоту на ведьм». Любой учёный, выходящий за пределы общепринятых исследований, подвергается нападению с почти религиозным рвением. К несчастью, наука, в своё время нападавшая на косные религиозные идеи, стала тем, что она сама когда-то презирала. Учёные создали систему верований, за которую они пылко цепляются, становясь злыми по отношению к тем, кто бросает ей вызов, даже если логика против них.

В магической философии боги, демоны и ангелы могут быть объяснены, как фрагменты нашего собственного бессознательного. Кажет-

ся, что эти фрагменты обладают собственным разумом. Существовали ли бы они независимо от людей - вопрос спорный, и в некотором смысле неуместный. Их значимость исходит из их связи с нами и между собой, как сказано во многих мифологиях мира. Изучая их, мы также учимся тому, как различные аспекты нашего бессознательного влияют друг на друга, и, таким образом, узнаём что-то о себе; во многом магия преследует именно эту цель.

Есть много сказок, рассказов о магах, пробуждающих демонов и бесов, но данная «операция» встречается крайне редко, и не связана с «дьявольскими» существами, как таковыми. Демона можно рассматривать, как отрицательную черту характера персонажа - например, ярость. Персонифицировать его и поддерживать с ним связь, с намерением изгнать ярость - вот цель мага. Для многих людей «демон» никогда не имеет объективной реальности, а процесс, представляет из себя, в основном, само-психоанализ. Демоны из фильмов ужасов и романов далеки от реальности, в которой сущность - это просто аспект характера мага. Хотя многое в Тьме и Свете затрагивает Лилит, Архи-Демона, я хотел бы подчеркнуть, что это роман в жанре фэнтези, а поэтому данная книга так же виновна в гиперболизации, как и многие фильмы ужасов; однако, упоминаемые в ней техники близки к реальным. Ритуал зарядки талисмана в Главе 19 - хороший пример магического ритуала, хотя здесь он упрощён (помните, что он происходит на астральном плане, а, следовательно, выглядит впечатляюще). Оккультизм мало работает с «тёмными силами» или «злом», но из-за того, что эти понятия принадлежат душе человечества, магия неизбежно их затрагивает. К несчастью, фраза «чёрная магия» очень часто используется в СМИ, тогда как «белая магия» общепринята в стократ больше.

Для любого, интересующегося магией, есть много прекрасных книг, выпущенных издательством Llewellyn Publications. Чтобы намекнуть на возможности магии, закончить я хотел бы цитатой, взятой из книги Mary K. Greer «Women of the Golden Dawn» («Женщины Золотого Рассвета»):

«В то время, как некоторые писатели рассматривают магию, как психо-терапевтическую работу (к примеру, Francis King и Israel Regardie), другие охарактеризовали её, как открытие единства в двойственности, истину, стоящую за всеми иллюзиями. W.B. Yeats искал знание о том, что он назвал «единым энергетическим Разумом», и о его столбе, «единой памяти природы»; он верил, что они оба могут быть пробуждены с помощью символов. Но больше всего мне нравится определение магии, данное Florence Farr'ом: «магия - это неограниченный опыт». То есть, магия состоит в сдвиге границ и ограничений, от которых, как нам кажется, происходят земные, материальные и духовные законы, связывающие или принуждающие нас. Мы можем быть чем угодно, ибо мы - это всё».

Глоссарий

Бездна: духовное и метафизическое понятие; это огромная пропасть, существующая между Каббалистическими мирами Ацилут и Брия. В известном смысле, она отделяет смертный мир от бессмертного. Внизу бездны мы переживаем иллюзию уединения; мы считаем себя отдельными, изолированными существами. Над пропастью - переживание единства с Богом: все иллюзии отбрасываются и Адепт переживает свою собственную божественность и Единство со всем.

Адепт: мужчина или женщина, достигшие самореализации (связанной с Тифарет на Древе Жизни). В некоторых традициях Адепство называется Просвещением. Адепт установил связь с его/её Высшим «Я» и, таким образом, его сознание значительно расширено.

Ассия: последний из четырёх миров Каббалы. Ассия - материальная вселенная, в которой мы живём. Это самый плотный из миров.

Астральный план: план, более тонкий, чем физическая вселенная, и взаимопроникающий в него. Это эквивалент Каббалистического мира Йецира. Непрерывное движение и силы астрала придают материальной вселенной стабильность. Маг может формировать астральный материал по своему желанию, и из-за того, что физический план берёт свою форму из астрала, он производит физические эффекты. В астрале обычно имеют место сны и астральная проекция, призраки также происходят из-за астральных феноменов.

Ацилут: первый мир Каббалы. Ацилут - самый тонкий план и является миром Божественности, чистым Духом Бога. Он существует над Бездной, полностью за пределами нашего восприятия; несмотря на это, самый центр нашего бытия находится в Ацилут.

Аура: тело света вокруг человека, воспринимаемое только людьми со сверхъестественными способностями или при необычных условиях. Порождается эфирным телом и может показать многое о человеке, включая состояние здоровья и текущее эмоциональное состояние; это можно прочесть по яркости и цвету ауры соответственно. Некоторые медиумы воспринимают ауру как одноцветную; более способные медиумы видят весь цветовой спектр одновременно.

Бо: буквально - «палка», деревянный шест длиной около шести футов.

Во-jitsu: буквально - «палочное искусство, работа с палкой». Боевое искусство, основанное на использовании шеста бо. Шест используется двумя руками и, в зависимости от рукоятки, может использоваться для дальнего или ближнего боя. Техника включает нанесение удара, выпады, блокировку, отражение удара, размахивание и удержание.

Боккен: буквально - «деревянный меч». Боккен - это палка в форме катаны, используется в основном для тренировки.

Будо: буквально - «воинский путь». Слово, охватывающее все боевые искусства, особенно те, в которых делается акцент на духовное развитие.

Буши: буквально - «военный» или «воин», используется, как синоним слова «самурай».

Бушидо: буквально - «путь воина». Строгий кодекс поведения самурая. Кодекс указывает самураю, как вести себя в битве, и как найти значимое место в обществе в мирное время. Кодекс также содержит этические и религиозные понятия.

Чакра: один из центров силы, расположенный в эфирном теле людей и животных. Существуют сотни чакр, но лишь некоторые из них важны для духовного развития; они расположены в ступнях, паху, солнечном сплетении, сердце, горле, лбу и над головой. Чакры распределяют энергию, чтобы сохранить астральное тело живым.

Даймё: в феодальной Японии - самурай-феодал, которому подчинялись остальные самураи. Самурай без даймё считался презренным, и презирался, как ронин.

Элементаль: сущность низкого ранга одного из четырёх элементов, включающих саламандр (огонь), русалок (вода), серфид (воздух) и гномов (земля). Искусный маг может привязать элементаль к его/её приказам, хотя задание должно подходить к природе элементаля. Возможно также создать «искусственных элементалей».

Enochian: древний язык, используемый в магических ритуалах. Его истоки малоизвестны, но некоторые фрагменты относительно недавно были снова открыты Сэром Джоном Ди. Некоторые источники называют Enochian языком ангелов.

Эфирный план: эфирный план может рассматриваться, как самая

плотная часть астрального плана. Между астральным планом и эфирным нет чётких отличий, но у людей астральное тело может покинуть физическое, тогда как эфирное тело остаётся позади, сохраняя физическое тело живым. Ауры видны, когда эфирное тело воспринимается взором.

Frater: слово, используемое в оккультных орденах, буквально означает «Брат». Женский эквивалент - Soror.

Gi: буквально «униформа» или «костюм», gi - традиционная одежда мастера боевых искусств. Обычно ткётся из хлопка или из хлопкового полотна (которое более прочная).

Хара-кири: буквально - «вспарывание живота», мучительная форма ритуального самоубийства, совершаемого самураем. Официальное название этого ритуала - seppuku.

Iai: буквально «фехтование». Iai - это также разновидность поединка, в котором два противника перед атакой стоят на коленях лицом друг к другу. Первый взмах меча обычно завершает поединок, что может быть честью или смертью.

Iai-jitsu: буквально «искусство владения мечом», боевое искусство, развивающее начальное движение меча и мгновенную вражескую атаку. Iai-jitsu было крайне важно для самураев. Современная версия этого боевого искусства - iai-do, «путь меча».

Ипписсимум: Адепт, пересёкший Бездну, чтобы достичь полного единства с Богом. Достигнув этой степени, Ипписсимум не может вернуться к более низким планам, так как его сущность слишком огромна. Эта степень соответствует Кетеру на Древе Жизни. Ипписсимум стал всем, чем можно стать, и находится за пределами описания и нашего понимания.

Jujitsu: буквально - «искусство мягкости», боевое искусство, используемое самураями с тринадцатого века. Техника включает нанесение удара, удары ногами, метание, удушение и, особенно, замыкание. Применение оружия также является частью jujitsu.

Каратэ: буквально - «пустая рука», означает боевое искусство без применения оружия. Для нанесения удара и блокирования каратэ задействует все части тела. Этот стиль, как правило, более агрессивен, чем jujitsu и айкидо, которые являются более защитными искусствами (но, тем не менее, крайне эффективными).

Ката: буквально - «формальное упражнение», последовательность заранее подготовленных техник против воображаемых противников. Ката используется для усиления концентрации и внимания, а также для совершенствования техники.

Катана: буквально - «меч». Катана был длинным мечом, всегда в паре с коротким мечом вакидзаси. Вместе они образовывали пару daisho, признак самурая. Катана был от 24 до 36 дюймов в длину и носился острым краем вверх.

Kiai: буквально - «духовная встреча». Kiai фокусирует дух и силу боевого мастера в единый технический приём, а также сопровождается громким криком, чтобы внушить страх противнику.

Kime: буквально - «фокус». Боевой мастер концентрирует свою физическую и ментальную силу на единственной ударной точке (например, сустав пальца) для максимального эффекта. Киме используется с любой техникой, где требуется сила, и разрушителен, когда применяется в связке с kiai.

Маг: Адепт, пересёкший Бездну, и осознавший своё тождество с Богом. Маг - степень, предшествующая степени Ипписсимуса. Разница между этими степенями духовных знаний сложна, но для замысла «Тьмы и Света» существенно, что Маг может вернуться на Землю, а Ипписсимум - нет. Маг может считаться воплощением Бога на Земле, как многие из наших учителей.

Мана: синоним магии.

Motsu: Разновидность медитации, применяемая в боевых искусствах, представленная коленопреклонением на подъемах. Это положение также используется в магических искусствах, и иногда известна, как «положение дракона».

Неофит: самая низкая степень инициации в магическом храме.

Пентакль: плоский предмет, обычно деревянный, используется в магических ритуалах и изображается с пентаграммой. Пентакли часто представляют элемент Земля.

Пентаграмма: звезда с пятью правильными конечностями, используется в магических действиях. С одной конечностью вверх - это

знак добра, с двумя конечностями вверх - это знак зла. Этот символ очень силен в любом контексте, при любых обстоятельствах, и очень эффективен в изгоняющих и вызывающих ритуалах.

Каббала: система, используемая магами и мистиками для духовного развития. См. эссе в «Лилит, Тьма и Свет, том I».

Клиппот: злые демоны Каббалы, рождаемые неуравновешенными силами из четырёх Каббалистических миров. Клиппот является также названием тёмных областей, в которых они пребывают.

Ронин: самурай без хозяина (обычно обесчещенный).

Сэнсей: буквально - «учитель» или «инструктор», но это звание несёт гораздо большее уважение, чем эти переводы.

Сефира: одна из десяти сфер Древа Жизни, включающего: Кетер, Хокма, Бина, Хесед, Гебура, Тифарет, Нецах, Ход, Йесод и Малкут. Множество Сефир - Сефирот.

Сигила: подпись, представляющая особую сущность. Сигилы могут использоваться для вызова силы, которую они представляют, и они очень важны в магии.

Soror: слово, используемое в оккультных орденах, буквально означает «Сестра». Мужской эквивалент - Frater.

Суккуб: демон в образе женщины, нападает на мужчин во сне и совокупляется с ними. Традиционно находится под руководством Архидемона Лилит, мужской эквивалент - инкуб.

Tai-sabaki: буквально - «движение тела», принцип избегания атаки путём ухода с её пути. Tai-sabaki задействует круговые движения и особенно распространено в боевых искусствах, таких как айкидо.

Теллус: древнее название планеты Земля, по имени Римской богини Земли.

Древо Жизни: символ, представляющий Каббалу, как диаграмму с десятью сферами, соединёнными 22-мя путями.

Вакидзаси: буквально - «короткий меч», вакидзаси был идентичен катане, за исключением длины лезвия, которая составляла всего

лишь от 16-ти до 23-х дюймов. Для хара-кири использовалось это оружие.

Йецира: третий мир Каббалы, приблизительный синоним астрального плана. Йецира ассоциируется с Сефирой Йесод.

Yoi: буквально - «готовиться» или «готов». В yoi боевой мастер готов к любой атаке и находится в положении zanshin.

Zanshin: буквально - «идеальное положение», состояние ментального равновесия и полной боевой готовности.

САМИЗДАТ

ВНИМАНИЕ!!! НЕ ДЛЯ КОМЕРЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

~272~

~273~